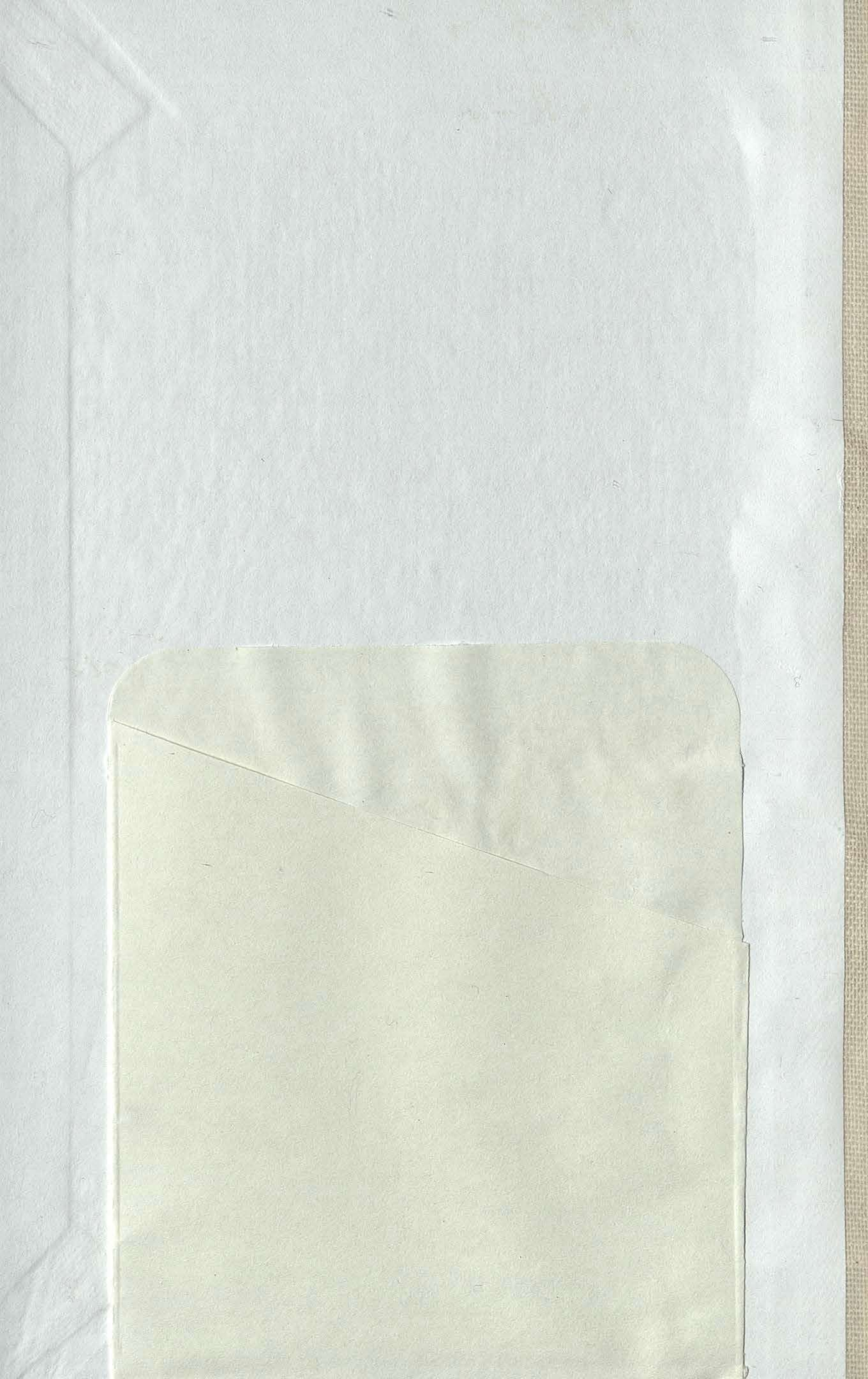

ACADEMIA

КНЯГИНЯ БЕБУТОВА

Во золотомъ потокѣ

РОМАН

Издательство „ACADEMIA"
Рига, (Латвія), Бульвар Аспазіи № 4
1 9 3 0

Типографія А. О. „Э. Левинъ“
- Рига, Мельничная ул. 33. -

[illegible]

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.
		1930						13
						1	18/14	

I

В клубѣ.

В одном из петербургских клубов шла ожесточенная азартная игра.

В обширной комнатѣ, наполненной дымом сигар и папирос, за нѣсколькими столами пріютились группы играющих.

Серебрянные столики казались болѣе веселыми и оживленными. Там перебрасывались шутками и почти вся разношерстная толпа играла...

Зато у золотых столов царила сдержанная тишина, прерываемая короткими замѣчаніями. Вокруг главных понтеров, расположившихся на стульях, тѣсно сомкнулась толпа самых разновидных людей, ожидавших по их мнѣнію, счастливой карты, чтобы „примазать" ставку.

Казалось, эти послѣдніе волновались гораздо больше, чѣм главные понтеры.

За одним из таких золотых столиков шла особенно жестокая игра.

Банкомет, молодой офицер пѣхотнаго полка, с совершенно свѣтлыми волосами, нѣсколько чухонскаго типа, еле владѣл собою.

Все лицо его покрылось багровыми пятнами, руки дрожали, неувѣренные пальцы с трудом отдѣляли карту от колоды...

Он отдавал почти каждую карту.

Груда золота перед ним все таяла, и он нервно и поспѣшно ставил все новыя суммы, хриплым голосом объявляя свои ставки.

— Ротиков, что ты дѣлаешь? Успокойся голуб-

чик, опомнись... раздался над самым его ухом знакомый бас и тяжелая рука легла на его плечо.

Банкомет нервно вздрогнул и испуганно оглянулся. За его спиной стоял товарищ по полку Гланскій, озабоченно и укоризненно покачивая головой. Это был высокій, коренастый, грубый на вид, мужчина лѣт 37.

— Что ты дѣлаешь голубчик? Посмотри, какое у тебя лицо. Развѣ можно так играть? В игрѣ нужно спокойствіе, тогда и карта идет, а ты...

Но Ротиков уже нетерпѣливым движеніем сбросил руку пріятеля со своего плеча и, не слушая увѣщаній, еще с большим азартом продолжал свои ставки. Только трясущіяся губы его незамѣтно прошептали:

— „Или пан, или пропал",

Игорный зал все гуще и гуще заволакивался дымом сигар и папирос.

Как в туманѣ мелькали лица, одни блѣдныя, — убитыя, другія — красныя, взволнованныя, третьи, — осчастливленныя неожиданным выигрышем. И никто не замѣчал этого дыма, спертаго воздуха, всѣ они только прислушивались к звону перебрасываемых монет, к заманчивому шелесту ассигнацій.

Никто не обратил вниманія на широко открывшуюся дверь и на вошедшаго молодого, красиваго, по послѣдней модѣ одѣтаго, штатскаго.

Вошедшій был смертельно блѣднен, его сѣрые, большіе, какіе-то дѣтскіе глаза безпокойно мигали, как бы стараясь сдержать слезы, и густые бѣлокурые усы и бородка скрывали дрожавшія губы.

На минуту он остановился у дверей, ничего не разбирая в этом хаосѣ борящихся за монету людей, окутанных дымом и собственным горячим дыханіем.

Наконец, неровными, быстрыми шагами он подошел к золотому столу, у котораго метал Ротиков, протиснулся сквозь толпу и, выбросив кучу денег на стол из кармана, глухо произнес.

— Банко...

Ротиков ставил свои послѣднія деньги, всѣ сразу.

Его карта была бита.

Весь красный, он сложил карты и отчетливо произнес.

— Я все проиграл... Я больше не могу ставить...

Вновь вошедшій молодой штатскій, молча, принял от него карты и занял его мѣсто.

Ротиков, шатаясь, побрел к дверям, не будучи в силах сразу их отыскать.

К нему подошел Гланскій, все время слѣдившій за ним.

— Все? — спросил он, беря его под руку.

— Да, все, — однѣми губами отвѣтил Ротиков.

— Ну и Господь с ними; в другой раз уж навѣрно не придешь сюда.

Губы Ротикова искривились.

— Не с чѣм будет, в первый и послѣдній раз вѣдь. И как не везло, как не везло, как проклятому!..

— Ну, полно, успокойся. Деньги проиграть, не все потерять. Глупо, конечно.

Ротиков сразу остановился и, забывая гдѣ он, с отчаяніем произнес:

— Для меня это „все" было, окончательная ставка... Я с этими деньгами все проиграл, понимаешь „все"... Теперь только пулю в лоб.

— Тише ты, тише...

Но их никто не слушал, — всѣ были заняты игрой.

А у Ротикова невольныя слезы заструились из глаз.

Гланскій засуетился.

— Ах какой ты нервный, Господь с тобой, до чего себя довел, ах ты! Пройдем тут в одну из гостиных, я тебѣ воды принесу.

Он почти силой увлек за собой Ротикова в гостиную...

День был будній, в клубѣ не было ни вечера, ни гостей. Всѣ сосредоточились в картежной и гостиныя утопали во миракѣ. Гланскій отвернул одну электрическую лампочку и усадил своего друга.

— Ты посиди тут спокойно, я сейчас воды принесу

Гланскій ушел.

По лицу Ротикова слезы струились все обильнѣе, все горячѣе.

Спазмы подступали, он насилу удерживался от громких рыданій.

— Все пропало!.. Все... все... Прощай!..

Молодой пѣхотинец с отчаяніем схватился за волосы...

В это время подоспѣл Гланскій со стаканом воды.

— Перестань, Ротиков, стыдно, как баба. Ну стоит-ли, прости Господи, из-за такой глупости, как деньги?

Ротиков выпил залпом воду, ему стало легче, потребность высказаться охватила его.

— Ах, Гланскій, при чем тут деньги... Тут все... честь, любовь, счастье, жизнь... „все“!..

— Не пойму я тебя. Каких-то нѣсколько сотен...

— Десять тысяч, чужія деньги... Казенныя. Я хотѣл выиграть, много. Мнѣ это необходимо. Моя жена, — она не может без денег... Она рѣшила меня бросить, ей нужен блеск, наряды, экипажи... Теперь только пулю в лоб.

Настала очередь поблѣднѣть доброму и мужественному Гланскому.

— И ты рѣшился? Казенныя? Всѣ спустил? Всѣ?

Он взволнованно нѣсколько раз прошелся по гостиной.

Он искал способа спасти этого погибающаго и; увы, не находил.

Его даже злость брала, глядя на этого мямлю, плачет!..

— Ну, перестань... Тут не мѣсто. Поѣдем ко мнѣ, там поговорим.

Ротиков покорно встал и послѣдовал за товарищем.

Им пришлось на обратном пути снова пересѣкать ненавистный теперь обоим игорный зал.

ам, казалось, ничто не измѣнилось, только нѣ-ие игроки смѣнились: одни, — потому что вы-и, другіе, — потому что проигрались.

Никто даже не замѣтил, как прошли и скры за дверью эти два офицера, из которых один здѣсь оставил.

Смѣнившему Ротикова банкомету тоже поразительно не везло, он играл как будто нехотя, разсѣянно ставил, разсѣянно отдавал проигранное. Деньги таяли, но он вынимал новыя, казалось, его карман был неистощим. Минутами он даже как будто забывал гдѣ он, хватался за голову, безпричинно пожимал плечами, а его мысли были гдѣ-то далеко-далеко.

За ним уже давно неотступно слѣдили двѣ пары хищных прозорливых глаз.

У окна стояли двое в бездѣйствіи, издали наблюдая за игроками.

Высокій отставной военный, бодрый старик, в поношенном мундиришкѣ, с острыми, коршуньими глазами, и штатскій неопредѣленных по виду занятій, сильный брюнет, лѣт сорока, с маленькими бѣгающими, плутовскими, косыми глазами.

— Дмитрій Иванович, а? Не пора-ли и нам сыграть на счастье? — хитро спросил отставной капитан.

Дмитрій Иванович хихикнул.

— Пора, пора, Петрович. У этого мальчика деньги есть; пощипать можно.

— Да вѣрно ли, что это Маслин? Не ошибаешься-ли ты?

— Вѣрно, еще бы невѣрно. Маслин и есть. Удивляюсь только, что такую дорогую птичку занесло сюда. Посмотри, Петрович, как он взволнован, а? Видишь? Вот так штука. Он за голову хватается, поглядите. Вы пойдите, Петрович, а я отсюда погляжу. Если не хватит, ко мнѣ за деньгами.

Петрович только кивнул головой и быстро направился к столу.

— Что идет?

— Пять тысяч.

— Банко...

Петрович выиграл.

Дмитрій Иванович у окна только радовал него. Отставному капитану чертовски везло. Он карту за картой, а его равнодушный к игрѣ нер удваивал и проигрывал.

За этим столом уже не мазали. Всѣ притаи и смотрѣли на двух борцов.

Не прошло и получаса, как выигрыш отставнс капитана близился к двум стам тысячам.

И вдруг счастье неожиданно повернулось. Он облюбовало равнодушнаго банкомета и никакія усилія Петровича не спасали от проигрыша. Конечно, он мог остановиться на крупном выигрышѣ и Дмитрій Иванович уже дѣлал ему незамѣтные знаки, но знакомая страсть подхватила стараго забулдыгу, и он не мог оторваться от игры.

Огромный выигрыш уплывал, уплыл, пришлось доставать деньги из кармана. Дмитрій Иваонвич нервно оторвался от окна, подошел к столу и тоже принял участіе в игрѣ.

Маслин выигрывал, безумно выигрывал. Руки его машинально бросали карты.

Вдруг одна карта выскользнула из руки и упала на стол. Это была — девятка. На столѣ стояла ставка в пятьцесят тысяч.

Косые глаза Дмитрія Ивановича холодно и злобно блеснули.

— Постойте, господин Маслин, такая игра не дозволяется! Вы не особенно искусно передергиваете карты!

Красное лицо капитана побагровѣло окончательно; спасеніе явилось неожиданно.

— Так вот чѣм объясняется ваше безумное счастье, господин Маслин? — прогремѣл капитан. — Мнѣ денег не жалко, но подлецов надо учить!

Как молнія блеснула в воздухѣ рука и прозвучала пощечина.

Болѣзненный стон вырвался из груди Маслина.

— Вы лжете. Я не передергивал. . . Это слу-

щины, которая для тебя все ставила на карту, расплатиться за свои безплатныя наслажденія, возвратить человѣку честь, которую украл от него, это немыслимо, это погибель, это нечестно. А говорить женщинѣ, от которой кромѣ ласк и любви ничего не видѣл, перед которой час тому назад с клятвами стоял на колѣнях, говорить, что ее презираешь, это честно? Да, наконец, откуда в тебѣ такая увѣренность, что я согласилась бы быть твоей женой? Что ты теперь в моих глазах? Жалкій офицерик, без копейки за душой, со смазливой, как у вербнаго херувима мордочкой, дорожащій своей внѣшней честью, а по натурѣ и душѣ — самый настоящій подлец, котораго только я встрѣчала.

Кончая свою тираду, Елена встала, гордо откинула головку и всей своей роскошной фигурой, почти с царским величіем, выпрямилась перед ним.

Офицер с грубым криком бросился к ней и сильно схватил ее за руки.

— Молчи, молчи, ты кокотка!

Она рѣзким движеніем освободила свои руки, черные глаза ея остро сверкнули и она хотѣла сказать ему что-то, но какой-то сильный стук в дверь оборвал ее на полусловѣ и, оба блѣднѣя, они отшатнулись друг от друга.

Офицер поспѣшил застегнуть свой сюртук на всѣ пуговицы, а Елена колеблющимися шагами, подошла к двери и дрожащей рукой распахнула ее.

Ея камеристка, французская еврейка, с растерянным лицом стояла на порогѣ.

Уж если Эжени растерялась, так значит случилось дѣйствительно, что-нибудь особенное.

— О, madame, — быстро затораторила она, — там чужіе люди, много чужих людей. Было бы очень хорошо, если бы господин офицер сейчас послѣдовал за мной и ушел бы по черному ходу. Привезли вашего мужа. Madame, он очень блѣден и без чувств. Я не могу сказать вам навѣрное, в чем дѣло, я так спѣшила предупредить вас.

Офицер уже пристегнул свое оружіе и глазами

5

искал свою фуражку. Его не надо было просить второй раз, он быстро послѣдовал за камеристкой и вскорѣ Елена осталась одна.

Она чувствовала, что ноги ея подкашиваются, сердце с трепетной силой колотится в груди, но она призвала на помощь всю свою самоувѣренность, —ей надобно было защищать себя.

Она накинула темную шаль на свою обнаженную шею и поспѣшно направилась в комнату мужа.

Еще издали до нея доносился гул голосов, какой-то стук и чьи-то возгласы.

Теперь она знала, — они в кабинетѣ.

И перед дверью этого кабинета она остановилась на мгновенье, зажмурив глаза, не рѣшаясь войти.

А когда, наконец, открыла завѣтную дверь и окинула острым взглядом кабинет мужа, голова ея закружилась, она зашаталась и невольно опустилась на колѣни.

На фонѣ чужих лиц, полиціи, докторов, выдѣлялась блѣдная, запрокинутая голова Маслина, с полуоткрытыми глазами.

При видѣ обезсилѣвшей, колѣнопреклоненной женщины, чужіе голоса сочувственно зашептали.

— Жена, жена! Бѣдняжка! Как она убита! Еще бы, такой молодой, красивый. Ах, бѣдная!

И нѣсколько сочувственных рук протянулись ей на помощь.

Снова овладѣв собой, она встала и подошла к нему.

— Что случилось, что такое, что с ним? — прерывающимся голосом спросила Елена.

Доктор с предосторожностями сообщил ей о смерти Маслина, а околодочный вѣжливо вручил ей запечатанный пакет на ея имя.

Камеристка уже возвратилась.

Кругом всѣ суетились, хлопотали. Дали знать в похоронное бюро, по телефону и наконец постепенно всѣ разошлись, уложив несчастнаго самоубійцу на стол со сложенными крестом на груди руками.

Вся эта обычная в таких случаях суетня и суматоха мелькала как смутный сон перед глазами Елены.

Она сидѣла неподвижно, застывшая, холодными руками сжимая пакет, который многое ей должен был сказать.

Камеристка тихонько подошла к ней и взяла ее под руку.

— Пройдемте в вашу комнату, успокойтесь немного, придите в себя, — говорила камеристка.

Елена, как автомат, послѣдовала за нею. Снова очутилась в своем роскошном будуарѣ, снова опустилась на ту же софу.

— Прошу вас, уйдите, madame Eugenie, оставьте меня одну.

Молодая вдова долго сидѣла задумавшись, не шевелясь.

Увы! Теперь ея чувственный рот уже не смѣялся... Теперь ея лицо не подходило к этой блестящей, пестрой рамкѣ, которая ее окружила. Очевидно, какая-то острая мысль прорѣзала ея голову, она вздрогнула и сразу, рѣшительно разорвала конверт.

Оттуда к ней на колѣни упали листки почтовой бумаги, исписанные дрожащим, нервным почерком, залитые горькими слезами отчаянія.

И Елена жадно прильнула к ним глазами и углубилась в чтеніе.

III

Случайная встрѣча.

В половинѣ декабря стояла сравнительно хорошая погода.

Начиналось горячее предпраздничное время: пѣшеходы и экипажи в удвоенном количествѣ мелькали по улицам.

Вот промелькнули маленькие хорошенькіе санки с лошадкой, покрытой голубою сѣткой, с рослым ку-

черомъ на козлахъ, а двѣ сидѣвшія въ нихъ элегантныя барыни привлекали вниманіе проѣзжавшихъ и проходившихъ.

Старая — сѣдая, величественная, но стройная, въ московской бархатной шубкѣ, опущенной соболями. Младшая — очаровательная блондинка, по сходству, очевидно, дочь, съ розовымъ юнымъ личикомъ, утопавшимъ въ пушистыхъ шеншилляхъ.

Санки пронеслись по Невскому и остановились у кондитерской Конради. Хорошенькая блондинка легко спрыгнула и протянула руку пожилой дамѣ.

Обѣ вошли въ кондитерскую.

Магазинъ положительно былъ наводненъ покупателями. Одни — спѣшили, суетились: другіе — медленно, со вкусомъ, выбирали вещицы.

Вновь вошедшая молодая дѣвушка радостными возбужденными дѣтскими глазами окинула всѣ эти заманчивыя вещицы.

— Ты, мама, закупи пряники, конфекты, а я займусь выборомъ бобоньерокъ.

На самомъ видномъ мѣстѣ стояла очаровательная большая кукла, въ нарядномъ платьѣ, съ большими голубыми глазами и мелкими жемчужными зубками.

— Ахъ, какая прелесть! Покажите мнѣ ее сюда. Ахъ, какая душка! Я непремѣнно должна ее купить. Сколько она стоитъ?

Продавщица завитая и затянутся въ корсетъ, перевернула куклу и заглянула на подошву ея башмака.

— Она очень дорогая, mademoiselle. Она заводится, ходитъ, говоритъ „папа“ и „мама“.

Продавщица завела куклу и поставила ее на гладкій столъ. Кукла, поворачивала голову то вправо, то влѣво, подъ звуки какого-то вальса, игравшаго внутри ея, заходила по ровному столу, граціозно поднимая свои ножки.

Молодая дѣвушка захлебывалась отъ восторга.

— Какая прелесть, какая душка, я непремѣнно хочу ее купить. Сколько же она стоитъ?

— Она парижская, mademoiselle, дорогая, — и стоит 120 рублей.

Веселое личико покупательницы безнадежно вытянулось. Она даже отвернула свою головку, чтобы не смотрѣть на соблазнительную куклу.

Увлеченная интересными куколками, она не замѣчала, что уже давно высокій, стройный красивый полковник, в небрежно накинутой на плечи шинели, с бобровым воротником, удивительно молодой для своего чина, восторженно любуется ею.

Он приблизился к столу, и с улыбкой обратился к продавщицѣ.

— Если mademoiselle отказывается купить очаровательную куколку, то я прошу завернуть ее для меня.

Мягкій голос и манера говорить обличали в нем воспитаннаго человѣка.

Молодая дѣвушка быстро повернулась и ея голубые глаза встрѣтились с его улыбающимся, любующимся взглядом.

Нѣсколько мгновеній она не могла оторваться от этого взгляда а затѣм ярко вспыхнула и снова отвернулась.

Молодой, блестящій полковник продолжал слѣдить за нею и когда, нагруженная покупками, она с своей матерью усѣлась снова в санки, — он слѣдом за нею понесся на своем рысакѣ.

Сани с голубой сѣткой обогнули Невскій, повернули на малую Морскую (теперь улица Гоголя), сдѣлали еще один поворот и остановились у подъѣзда отеля.

По широкой лѣстницѣ поднялись онѣ в свой номер в бэль-этаж.

Мать заказала самовар, а дочь с дѣтским нетерпѣніем принялись [разворачивать принесенные пакеты.

Через полчаса весь большой стол был заставлен всевозможными старичками, пѣтушками, корзиночками и т. д.

— У нас будет чудная елка, мама, неправда ли?

Я куплю такое большое дерево, которое верхушкой будет касаться потолка. Мнѣ пришла блестящая мысль: когда дерево будет убрано, покрыть его кусочками ваты, как хлопьями снѣга.

— Не понимаю, Настя, для кого ты так стараешься: мы прiѣзжiе и очень мало кого знаем в Петербургѣ.

— О, мама, все-таки у нас есть кое-какiе знакомые, а с каждым днем прибавляются новые.

В эту минуту в дверь постучали.

— Войдите, — разрѣшила мать.

Швейцар вошел с пакетом в руках.

— Ваше превосходительство изволили забыть в санях один пакет.

Он с поклоном положил на стол большую коробку и удалился.

— Какая ты разсѣянная Настя! Посмотри какую большую коробку забыла в санях. Хорошо еще, что привесли сюда.

— Не может быть, мама, — возражала развертывая пакет, Настя, — тут всѣ наши вещи, а это навѣрно...

В эту минуту крыша была снята, и слова замерли на губах Насти.

Она замолчала, не вѣря своим глазам, краснѣя и низко наклоняя голову.

— Что ж ты замолчала? Что там такое?

— Это, это... кукла, мама, кукла, — пролепетата молодая дѣвушка.

Через нѣсколько мгновенiй кукла была в руках генеральши.

— Чудная кукла, и чего это задумалось тебѣ покупать такую?

Дочь порывисто вырвала куклу из ея рук, осмотрѣла коробку, ручки, даже заглянула ей под юбку, но нигдѣ не нашла ни карточки, ни записки, хотя рѣшительно догадалась, кто послал эту куклу.

И эти глаза, которые она уже успѣла забыть, снова напомнила ей очаровательная куколка, и каждый раз когда Настя взглянет на куклу, в ея воображенiи

будет выростать стройная фигура блестящаго полковника и его сѣрые, веселые глаза.

Но генеральша была далека от поэзіи; она по московски осушила нѣсколько стаканов горячаго чаю, закусывая калачем с маслом. Наконец, упитавшись, она почувствовала, что ее клонит ко сну.

Эти поѣздки за покупками всегда ее так утомляли.

— Настя, я должна отдохнуть. Что будешь ты дѣлать в это время?

— Я думаю, мама, отправиться к тетѣ Аннѣ: она живет близко, да еще свѣтло. Для меня будет полезно немного прогуляться пѣшком. А потом я привезу сюда тетю Анну, чтобы обѣдать с нами.

Настя снова облачилась в свой костюм и особенно кокетливо и старательно надѣла шапочку и вышла на улицу.

Не успѣла она сдѣлать и нѣскольких шагов, не успѣла еще, как слѣдует, собраться с мыслями, как раздался за ея спиной уже знакомый ей мягкій вкрадчивый голос.

— Сегодня весь день заставляет судьба нас встрѣчаться, и надѣюсь, вы не примете меня за дерзкаго нахала, а сочтете меня только почтительным поклонником и разрѣшите мнѣ пройти нѣсколько шагов рядом с вами. В такое праздничное время спутник, в видѣ дракона, может оказаться не лишним.

Настя, вся красная, молча и поспѣшно шла вперед. Но блестящій полковник не потерял почвы под ногами...

— Молчит, значит она на меня не сердится.

Настя остановилась, подняла на него глаза, почти до слез краснѣя, и чуть слышно прошептала:

— Зачѣм вы прислали мнѣ эту куклу? Меня это очень разсердило.

— Боже мой, стоит-ли думать и вспоминать о такой бездѣлицѣ. Мнѣ показалось, что кукла вам понравилась; я так ясно представлял себѣ, как мило вы улыбнетесь, когда ее увидите, и я не знал, встрѣчу-ли я вас еще, и мнѣ хотѣлось, чтобы вы хоть на минуту

вспомнили меня. Я этого достиг, не правда-ли? Только не сердитесь, умоляю вас.

Вот уже нѣсколько минут, как он смѣло шел рядом с ней, и она слушала его, хотя и не отвѣчала.

— В знак того, что вы не сердитесь,—продолжал он,—сдѣлайте для меня одну вещь, которая вам ничего не будет стоить, а меня сдѣлает счастливым. Скажите мнѣ ваше имя и отчество.

— Анастасія Николаевна.

— Какое красивое имя, настоящее русское; скажите, вѣдь я угадал, вы не петербургская?

Она снова колебалась и снова отвѣтила:

— Да, мы пріѣхали из Москвы и останемся здѣсь всего какой-нибудь мѣсяц. У мамы здѣсь дѣла, и как только она их покончит, мы уѣзжаем, чтобы больше сюда не возвращаться.

— Не сердитесь на меня Анастасія Николаевна, но я должен сказать вам одну маленькую правду: никогда не надо быть так увѣренным в своем будущем. Очень часто судьба совсѣм неожиданно мѣняет наши планы. Но неужели у вас здѣсь нѣт ни родственников, ни знакомых?

— Очень мало. Вот тетя Аня, к которой я сейчас иду, еще два семейства—вот и все.

— Но вы здѣсь веселитесь, конечно? Посѣщаете театры, концерты?

— Очень рѣдко. Мама привыкла ложиться рано спать.

— Значит, вы скучаете. Вот один пункт, наконец, нашелся, на котором мы сошлись.

Она окинула его недовѣрчивым взглядом.

IV

Разрыв.

Выйдя из клуба, Ротиков и Гланскій подозвали перваго попавшагося извозчика.

— Так ѣдем ко мнѣ?—сказал Гланскій.

— Нѣт,—отрывисто отвѣтил Ротиков,—ѣдем лучше ко мнѣ: жены еще, вѣроятно, нѣт дома, она сегодня на вечерѣ у одних знакомых.

— Отлично.

Пріятели покатили.

Всю дорогу оба молчали, глубоко задумавшись.

Морозный воздух пощипывал уши и щеки, освѣжал головы...

Мысли Ротикова блуждали; какое-то странное спокойствіе всегда порождаемое отчаяніем, сковало его душу.

Первыя острыя минуты прошли, а теперь все существо говорило: „Пусть будет, что будет"...

Гланскій в свою очередь, как будто отупѣл; напрасно напрягал он свою голову, — она не давала отвѣта.

Лихач мягко свернул на Стремянную и остановился у ворот невзрачнаго дома, очевидно, старой постройки.

Гланскій соскочил первый; он пошарил в карманѣ своего пальто, ощупал рублевку и протянул ее кучеру.

Ротиков медленно слѣз и, понуря голову, вошел в ворота побрел по темному, усѣянному рытвинами двору, вступил во второй двор, еще болѣе темный и непривѣтливый и вошел в самый дальній подъѣзд.

Пріятели поднялись в четвертый этаж, и Ротиков дернул уныло висѣвшую ручку звонка. Раздался дребезжащій, жалобный звонок, шорох, стук за дверью, шлепанье туфлей и, наконец, дверь открылась.

Заспанная, растрепанная женщина, занимавшая в домѣ Ротиковых должность „одной прислуги", ворча, впустила пріятелей и помогла им сбросить шинели...

Они вошли в гостиную.

— О чем говорить и что думать? Все равно, ничего не придумаем хорошаго. Мы оба бѣдны и казенных десяти тысяч нам никто не возвратит,—с напускной безпечностью проговорил Ротиков, шумно встал со своего мѣста и вышел из комнаты.

Гланскій с сердитым изумленіем бросил ему вслѣд:

— Безпутный...

Ротиков вскорѣ вернулся с бутылкой вина и двумя стаканами в руках.

— Выпьем, старина. Вино хорошая штука в таких случаях.

Он наполнил стаканы и залпом осушил свой.

— Хорошо. Сразу стало веселѣе и легче...

— Перестань балаганить, твое положеніе болѣе чѣм скверное. Остается только один выбор: выйти в отставку, а товарищи в складчину заплатят долг казнѣ... Я берусь это устроить. Но тебѣ надо пріискать себѣ мѣсто...

Рѣчь Гланскаго была прервана двебезжащим, жалобным звонком.

Ротиков разом вспыхнул и затѣм смертельно поблѣднѣл; волною хлынувшая в голову кровь снова отступила к наболѣвшему сердцу.

-- Жена—сказал он глухо.

— Сирена...—процѣдил сквозь зубы Гланскій...

Через нѣсколько мгновеній, шурша шелковыми юбками, неслышно ступая атласными ботинками, впорхнула в гостиную Зинаида Карпова Ротикова...

— А, у нас гость, вот не ожидала! — высоким щебечущим голоском проговорила она.

Злость душила Гланскаго; с каким наслажденіем задушил-бы он это шикарное, красивое, безпечное созданіе! Нарядилась! Еще-бы... Шелк, газ, даже бриллiанты, а у мужа петля на шеѣ.. „Мадам“ „Фу-ты, ну-ты“—окрестил ее Гланскій мысленно...

— Печальный гость, Зинаида Карповна, и печальныя вѣсти. Не ко времени теперь ваш шикозный туалет, ваш веселый голос и веселое лицо... У вашего несчастнаго супруга петля на шеѣ, по вашей милости,..

— Даже по моей милости?—с сердитым изумленіем вскричала мадам „Фу-ты, Ну-ты“?—Не сошли-ли вы оба с ума?

Она сорвала боа со своей обнаженной шейки и,

придерживая его за концы пальчиками, стала им играть вызывающе посмѣиваясь.

Гланскій грубо вырвал пушистое боа из ея рук и почти насильно усадил ее на маленькій пуфик, покрытый желтым атласом.

— Вы взбѣсились, чорт вас возми! Как вы смѣете так со мной обращаться?

Серебристый голосок госпожи Ротиковой перешел на визгливыя ноты, зрачки расширились, и глаза казались почти черными.

Но Гланскій энергично ее оборвал:

— Молчите и слушайте...

И по мѣрѣ того, как его голос звучал все громче, возбужденная маленькая женщина как-то съеживалась и стихала.

— Вы выходили замуж за бѣднаго офицера и знали это... Затѣм, зная, как безумно он вас любил, вы требовали от него средств, которых он не имѣл, и грозили бросить его в случаѣ, если он их не раздобудет... Вы кричали, что вам нужны кареты, брилліанты и комфорт... Имѣли-ли вы право на это? Несчастный вас обожает, Он дрожит при одной возможности вас потерять.. И вот теперь он рѣшился на безумный щаг... Он взял казенныя деньги в надеждѣ выиграть в клубѣ на ваши прихоти и все спустил,.. Слышите? все! Казенныя деньги! Десять тысячь!

Мадам „Фу-ты, Ну-ты" разом ожила и вскочила со своего пуфика, на который была насильно посажена...

— Дурак!.. Вот дурак!.. Он вообразил выиграть в клубѣ? Ах, он... карт в руках держать не может, а там ловкачи, шуллера... Дурак, дурак!

Гланскій снова с бѣшенством схватил ее за руку.

— Перестаньте, как вам не стыдно? Вѣдь человѣк, ваш муж гибнет из-за вас, из-за любви к вам, а вы?

Но теперь она строптиво вырвала свою руку и отскочила к дверям.

— Не смѣйте меня трогать, глупый баран!.. Ду-

майте, что хотите обо мнѣ, мнѣ все равно... Понимаете?.. Да, да, я хочу роскоши, денег, брилліантов... Мнѣ нужны поклонники... Я задыхаюсь тут, как рыба без воды. В этой жалкой конурѣ, на втором дворѣ, в этих вонючих бѣдных комнатах... Я красавица, понимаете? У моих ног должна литься золотая рѣка, на моей головѣ должны сверкать брилліанты!.. А вы оба вы мнѣ противны и смѣшны... Прекрасно... Он развязал мнѣ руку... Его под суд надо отдать... От такого мужа и Бог и закон спасают... А ваши грубости я больше не намѣрена выносить... Я ухожу отсюда и сейчас же... Ну вас обоих к чорту!

Она закончила свою браваду смѣхом и, подобрав высоко газовый трен, спѣшно прошла в свою комнату...

Ошеломленный Гланскій сдѣлал нѣсколько машинальных шагов по комнатѣ и остановился перед Ротиковым. Тот сидѣл блѣдный и безмолвный, сжимая руками виски, как-бы желая избавиться от страшнаго кошмара...

В это мгновеніе появилась его супруга, закутанная в бѣлый сорти-де-баль, с большим узлом в руках.

— Я уѣзжаю и больше не вернусь никогда... Я беру с собой все, что мнѣ надо на первое время; за остальными моими вещами я пришлю завтра, и желаю получить их всѣ. Слышишь, Сергѣй?

Да, Ротиков слышал, сам еще не довѣряя себѣ. Но это имя, его имя произнесенное ею, тѣми же устами, которыя еще так недавно произносили его с любовью, это имя разом вырвало Ротикова из его оцѣпенѣнія, возвратило ему дар слова.

— Зина, не смѣй! Слышишь? Не уходи... Слышишь? Зина!

Молодая женщина нахально посмотрѣла на своего мужа и расхохоталась.

— Ты, кажется, хочешь мнѣ приказывать? Успокойся, мой друг. Теперь во всяком случаѣ это лишнее! Ну, прощай Сергѣй.

Она повернулась на каблукѣ и направилась к выходу. Что-то заклокотало в груди Ротикова, что-то

никогда не испытанное захватило все его существо. Он рванулся за женой и схватил ее у порога.

— Стой, стой! Все таки прожили долго вмѣстѣ, надо же проститься как слѣдует...

Она остановилась в недоумѣніи.

— Чего прощаться?

Она его не понимала. Он поймал этот удивленный взгляд. Вино выпитое в минуту волненія, ударило ему в голову. Он засмѣялся в лицо уходящей женѣ. Рука его поднялась, махнула в воздухѣ и звонко опустилась на нѣжную щечку госпожи „Фу-ты, ну-ты".

— Раз и два... Вот тебѣ, дорогая жена, на прощанье!..

Она вскрикнула и опрометью бросилась вон из квартиры.

Когда она спустилась по грязной лѣстницѣ, освѣщенной керосиновой лампой, слезы обиды сверкали в ея глазах и скатывались по горящим от пощечин щекам.

На грязном дворѣ она вытерла эти слезы, а когда вышла из ворот, онѣ уже высохли окончательно, и глазки уже лукаво смѣялись попрежнему.

V

Письма.

Послѣ ухода госпожи „Фу-ты, Ну-ты", Ротиков опустился на пуфик с горящим лицом, весь дрожа от волненія... Первый и, послѣдній раз пришлось ему поднять руку на свою жену...

— Как убѣжала? А?.. Не понравилось...

Гланскій растерянно поглядывал на него.

Вот вам и тихоня! Жаль только, что поздно учить начал, без пользы будет урок...

Но возбужденіе Ротикова прошло и снова, как в клубѣ, он опустил голову на стол и заплакал жалкими, полудѣтскими слезами...

— Ну, перестань, довольно, опять раскисать сталъ... Рѣшаться надо на что нибудь...

Ротиков поднял голову.

— Да что рѣшать? Все уже рѣшено. Тебѣ я поручаю переговорить с товарищами... Сам немедленно подаю в отставку... Слава Богу, дѣтей нѣт... А товарищи, — пусть рѣшают... Хотят, пусть под суд отдают; оно для меня, пожалуй, лучше..,

Гланскiй энергично тряхнул головой.

— Ну, под суд не отдадут, я за это ручаюсь... Какая им польза? Полк уплатит свою растрату, есть вѣдь и богачи у нас... Всякая огласка только тѣнь на полк набросить, а это ужасно... На это наши не пойдут... Ну, а в отставку, конечно, придется подать.. Чѣм только жить ты будешь? Надо мѣсто подыскать... Вѣдь у тебя ничего нѣт?

Ротиков криво усмѣхнулся.

— Ну, конечно-же, ничего... Пустые карманы... Мѣсто поискать попробую, да только на что я годен, что я сумѣю, кто возьмет? Ха, ха! Пѣхотный поручик в отставкѣ... Блестящее положенiе! А все она... Эта... эта...

— Ну, прощай... Не грусти, не волнуйся и не думай лучше сегодня... Лучше засни, послѣ сна на свѣжую голову — все иначе покажется... Ну, храни тебя Господь.

Ротиков проводил друга в переднюю и сам закрыл за ним дверь.

Когда он остался один, тяжелое, двоящее чувство еще сильнѣе охватило его душу... Любовь и ненависть.. Онѣ сплелись так тѣсно в его сердцѣ, и он не знал, гдѣ начинается одна и гдѣ кончается другая...

Его безотчетно тянуло в спальню, в их спальню, и он побрел, медленно ступая по сильно натертому воском полу.

Посрединѣ спальни стояла роскошная кровать под голубым пологом. Тут спала Зина. А у окошечка, в углу, маленькая отоманка — его скромное мѣсто... Повсюду карточки госпожи „Фу-ты-Ну-ты"; над

его отоманкой цѣлая витрина портретов его легкомысленной жены в разных туалетах, в самых соблазнительных позах.

Ротиков оглянул комнату с болью и бѣшенством в одно и тоже время.

Бѣшенство пересиливало... Хотѣлось рвать, ломать, бить, уничтожать. Ротиков рванулся и вскорѣ всѣ карточки госпожи „Фу-ты, Ну-ты“ полетѣли на пол, превращенныя в клочки, витрина была сломана, а изящная постель превращена в груду тряпья...

Усталый, обезсиленный Ротиков упал на кровать жены, но оттуда его гнал знакомый запах „ея“ смѣси духов...

Ротиков снова вскочил и присѣл на отоманку...

Мысли, одна за другою, как назойливыя мухи, лѣзли в голову.

Куда она пошла? Гдѣ проведет сегодня ночь? Гдѣ возьмет средства к существованію? Имѣл-ли он право так отпустить ее? Не должен-ли был насильно остановить, избить, запереть?

Ха, ха, ха! А сам-то как-же? Послѣ сегодняшней безумной ночи сам-то он развѣ может ее прокормить?

Ротиков нервно, громко разсмѣялся и вдруг быстро встал.

Надо дѣйствовать...

Прежде всего писать прошеніе об отставкѣ...

Прекрасно... Это сдѣлано...

Теперь приготовить себѣ костюм, достойный новаго званія, снять погоны, петлички...

Ротиков стал искать ножниц.., В хаотическом безпорядкѣ их невозможно было найти... Не в комодѣ-ли онѣ?

Ротиков выдвинул ящик комода, сегодня, против обыкновенія, не запертый на ключ...

Ножниц не было, но вниманіе его привлекли какіе-то конвертики, бумажки, письма...

Он взял первое, наугад... и принялся читать...

Что это?.. Он протер глаза, как-бы не довѣряя им, и снова жадно принялся за чтеніе.

Краска волной все сильнѣе и сильнѣе прилива-ла к лицу, поднималась до корней волос, заливала шею... Руки дрожали...

Подлая, подлая!..

А большой листок бумаги открывал ему ужасную истину...

Вот, что говорили роковыя строки, написанныя, ровным крупным почерком. „Моя богиня, солнышко мое, пташечка... Я вас ужасно люблю и готов на всякія жертвы... кромѣ женитьбы. Вы знаете, кошечка моя, что я женат, а вы замужем — два барьера. Да, впрочем, вас это и не огорчает, вам нужны золотыя крылышки, моя бабочка... а они будут... Это в моей власти... Не стѣсняйтесь с вашим голым чухонцем и бѣгите при первой возможности. Гнѣздышко готово и ждет пташечку... Та, — квартирка, гдѣ мы встрѣчались на Мойкѣ, нанята мною для вас, и теперь там не будет другой хозяйки, не будет... глаза, которые могли-бы подсмотрѣть наши сладкія минутки... Пусть пташечка ничего не боится... Моя рука вѣрная и надежная... Хотя, впрочем, такой очаровательной женщинѣ нечего бояться... Цѣлую вас всю, всю, начиная с маковки свѣтленькой головки, кончая розовым ноготком на очаровательной бѣленькой ножкѣ. Весь ваш раб Р. Г.

Я достал рубины, которые вас прельщали, а чухонцу скажите, что они поддѣльные“.

Так вот в чем дѣло? Он давно уже рогоносец? И квартирка готова и содержатель? Ну, тогда, конечно нечего удивляться той смѣлой храбрости, с какою хрупкая, маленькая женщина в глухую ночь с узлом под мышкой пустилась в путь — дорогу, покинула свой дом. И из-за нея, из-за нея он гибнет теперь, гибнет, обращается в хулигана, в обитателя ночлежных домов, может быть.

Ротиков вспомнил, как недѣлю тому назад, она, смѣясь, показала ему красивые темно-красные камни и увѣряла, что всѣ знакомые примут эти стекляшки за настоящіе рубины... Он скользнул взглядом по бездѣлушкам... не все-ли ему было равно? он ничего

не смыслил во всѣх этих вещах. Чтобы сдѣлать ей удовольствіе, он расхвалил камни и ея умѣніе дешево и мило все покупать...

И, вѣроятно, не первый раз он так обойден, не первый раз заслуживал от нея „дурака“.

Там, в комодѣ было много писем, и Ротиков вытащил их и стал проглядывать одно за другим.

„Чита, читай... Все без утайки, нечего себя щадить“, — шептал он и воспаленные глаза его впивались в роковыя строки.

Боже, какой ужас открывался перед ним, какая правда!..

Эта женщина, которую он боготворил, с невинным личиком и полудѣтской улыбкой, с голоском сирены, — была испорченной до крайности, холодной, разсчетливой натурой... Она лгала, улыбаясь; она измѣняла, нѣжно лаская мужа; она продавалась, шутя.

Когда Ротиков проснулся от кошмара, было уже свѣтло. Блѣдное петербургское утро хмуро ему улыбалось.

Ротиков с омерзѣніем задвинул ящик и отшатнулся от комода.

Сейчас рѣшается его участь, в принципѣ, товарищами по полку.

Сейчас Гланскій уже ведет бесѣду по поводу его безумной растраты.

Голова Ротикова отяжелѣла, он так устал, что все, пережитое сегодня, казалось далеким сном. Он машинально опустился на отоманку, откинул голову и вскорѣ уснул тяжелым сном, полным видѣній.

Ни шум в кухнѣ, ни тяжелые шаги прислуги, убиравшей гостиную, ни рѣзкій звонок, ничто не могло прервать свинцоваго сна Ротикова.

Звонил Гланскій.

Он быстро, не снимая пальто, вошел в комнаты и наткнулся на спавшаго Ротикова.

— Вставай, вставай, Ротиков — вѣсти утѣшительныя. Радость, брат мой, большая. Ну-же, соня, просыпайся.

Ротиков вскочил, удивленно протирая глаза, но

через минуту все, происшедшее наканунѣ, воскресло в его памяти.

— Радость, Ротиков! Товарищи так сердечно отнеслись к твоему горю, к твоему поступку: рѣшили уплатить твой долг и предложить остаться в полку! Со всяким, вѣдь, может...

VI

Наперсница.

Роскошная квартира Маслиных на Колокольной приняла унылый вид.

Многочисленныя зеркала были затянуты бѣлым батистом, а полы застланы черным сукном.

Молодая вдова Маслина в раскошном черном пеньюарѣ отдѣланном крепом, цѣлыми часами лежала в своем будуарѣ с блѣдным, исхудалым лицом, с глубокой думой на челѣ.

Она обдумывала свою будущую жизнь.

Практичным умом она понимала, что настоящій траур — перелом в ея жизни...

Скоро ему конец...

Через мѣсяц снимает она это суровое платье и замѣнит его бѣлыми и сѣрыми туалетами...

Госпожа Маслина уже обдумывала разныя эффектныя сочетанія чернаго с бѣлым, мысленно примѣряла газовые шифоны и тончайшія кружева.

Да, теперь в ея жизни предстоит важный шаг... В ея руках два оружія: — чувственная красота и богатство, пожалуй, послѣднее самое важное...

Надо окружить себя обществом, вымести из дома купечество, прикормить нѣсколько голодных аристократов (теперь, вѣдь, их развелось не мало); с их помощью завязать хорошія знакомства и... подыскать блестящую партію...

Первое время даже желѣзные нервы Елены пошаливали. Сон пропал, видѣнія тревожили; мерещился образ застрѣлившагося. Теперь, слава Богу, она

успокоилась, взяла себя в руки, теперь самой с улыбкой приходится упрекать себя в былой чувствительности, пожалуй, сантиментальности...

Глупости все это... Ерунда... Это предсмертное письмо так на нее повліяло.

И теперь, через столько мѣсяцев, нѣкоторыя фразы вспоминаются наизусть.

Да, тяжелое письмо, просто шедевр, вызванный любовью, ревностью, отчаяніем, рѣшимостью покончить с собой.

И странно, в глубинѣ души Елена даже гордость какую-то ощущала, что сумѣла вызвать такія сильныя чувства.

О, это письмо.

Не каждая женщина получит такое, о нѣт... Для этого надо быть такой, как Елена, раскошной красавицей, сильной, гордой натурой.

Молодая женщина прошлась по комнатѣ, машинально ища глазами свое отраженіе в широких зеркалах, но на нее поглядывали только высокія рамы, обтянутыя бѣлым батистом.

Ей невольно жутко становилось среди этого траура.

Елена вздрогнула и тревожной рукой три раза нажала пуговку электрическаго звонка. Дверь безшумно отворилась, раздалось шуршанье шелковых юбок и, неслышно ступая по черному сукну, предстала перед своей госпожей всегда готовая к ея услугам камеристка Эжени.

— Что прикажете мадам? — мягким, льстивым голосом спросила камеристка, останавливаясь перед госпожей, со скромно сложенными руками.

Елена молча, как-бы не слыша вопроса, как-бы не видя Эжени, медленно прогуливалась по комнатѣ, обдумывая предстоящую бесѣду.

Наконец, она круто остановилась перед Эжени и, пронизывая ее взглядом, спросила:

— Могу-ли я разсчитывать на ваш совѣт и на вашу преданность, Эжени?

— Мадам стоит только приказать, я всегда в ея распоряженіи.

— Я должна устраивать свою судьбу, слышите,

— Я понимаю, мадам.

— Это очень трудно, Эжени... Вы опытная женщина, ваши совѣты могут облегчить мою трудную задачу, ваша преданность мнѣ нужна.

Глаза Елены холодно блеснули и насмѣшливая улыбка пробѣжала по чувственным губам.

— Да, да,—сказала она с энергіей,—скоро конец траура, скоро засмѣется и заблестит, как прежде, моя квартира... А там... Там закипит жизнь вокруг меня и во мнѣ... Теперь слушайте меня внимательно, Эжени, я хочу подѣлиться с вами моими планами и знать, какая помощь в вашей власти.

— Я слушаю вас, madame.

— Так вот... Прежде всего я желаю вывести купечество из своего дома. Вам кажется это неумѣстным и ненужным Эжени?

— Мадам не так выражается... Конечно, многих слѣдует удалить, тѣх которые средней руки и средняго сословія... Но мадам не должна забывать, что деньги—сила... Всегда пріятно и полезно имѣть под рукой небольшую кучку людей, которые могут показать остальным настоящій золотой потоп...

Она слѣдила за впечатлѣніем своих слов, а Елена молчала, задумчиво глядя пред собой,

Наконец она тряхнула головой и медленно, почти с досадой, проговорила:

— Да!.. Пожалуй, вы правы... Золотой потоп, вы выразились довольно образно и удачно... Нѣкоторых придется оставить и завербовать окончательно, но остальных—долой, как можно скорѣе... Затѣм вы мнѣ добудьте откуда хотите и как хотите, нѣсколько аристократов... Я понимаю, на первое время это будут самые ощипанные, но не все дѣлается сразу... А в этом вы можете мнѣ помочь?

Женщина с довольной улыбкой подняла на Маслину свои бѣгающіе глазки.

— Ну, еще-бы... Многіе из этих важных по рож-

денію и крови лиц перебывали у меня, madame... О, деньги—великая сила!..

Люди, которые не поѣдут с визитом ко многим заслуженным генералам, вышедшим из толпы, часто посѣщают скромную Эжени... Для пополненія своих опустошенных карманов... Безденежье — теперь болѣзнь аристократіи.

О, пусть мадам не безпокоится... Что касается этого, — Эжени блестяще выполнит задачу... Она доставит ей аристократов самой чистой крови... Пусть только мадам не скупится.

Елена снова молча прошлась по комнатѣ.

— Да, да, конечно, между ними есть богатые, есть и неподкупные; но нам нужны только первыя мухи... Потом все пойдет само собой. Денег, конечно мнѣ не будет жалко, их у меня так много... Пиры, балы, шампанское рѣкой, цвѣты... Я засыплю их роскошью и утоплю их гордость в золотом потокѣ... А теперь, Эжени, дѣйствуйте... Я буду выметать лишнее купечество, а вы ловите и приводите „пюрсанов“. Ха, ха, ха... Деньгами не стѣсняйтесь, но отчеты в расходах я желаю имѣть полные. — Ну, идите к себѣ, я устала и желала-бы отдохнуть... Что же вы не двигаетесь с мѣста? Что еще? — В опущенных глазах Эжени сверкали насмѣшливыя искорки, но черты оставались угодливо спокойными.

— Не всѣ еще счеты свела мадам с прошедшим и, да простит она мою смѣлость, что я рѣшаюсь ей напоминать об этом.

Елена нахмурилась.

— Я вас не понимаю, что еще? В чем дѣло? — Эжени шагнула к Еленѣ.

— Мадам забыла Андрея Васильевича, а между тѣм он уже много раз справлялся о здоровьѣ madame, желает видѣть ее лично и говорить с нею. И сейчас этот блестящій офицер, который прежде так нравился madame, и имѣл к ней свободный доступ, скромно ждет в кабинетѣ разрѣшенія войти сюда.

Елена колебалась нѣсколько мгновеній. Хитрая женщина права, этот офицер — еще одна нить ея

прошлаго; с ним тоже надо свести счеты, и, — как слѣдует.

VII

Час настал.

Елена Маслина твердо подняла голову и, сощурив свои большіе, слегка подведенные глаза, холодно и спокойно, тоном приказанія. поговорила...

— Джени, попросите ко мнѣ Андрея, то есть господина Ланскаго, я согласна его принять и выслушать.

И, когда хитрая камеристка, скорѣе, чѣм обыкновенно, бросилась испонять приказаніе своей госпожи, Елена насмѣшливо посмотрѣла ей вслѣд.

Дверь медленно отворилась и на порогѣ показалась высокая, статная фигура Андрея Васильевича.

Быстрым, как блеск молніи, взглядом окинула его Елена.

Молодой офицер, как бы дѣлая страшное усиліе над собой, тяжело провел рукой по блѣдному влажному лбу и вдруг прерывисто подошел к Еленѣ и взял ее за руку.

— Елена...

В его рукѣ спокойно пробыла одно мгновеніе холеная, теплая рука Елены и так же спокойно освободилась и скользнула по чернему флеру капота...

Тревожный, глубокій взгляд Андрея встрѣтился с холодным насмѣшливым взором, а язвительный звучный голос рѣзнул его слух.

— Здравствуйте, Андрей Васильевич, здравствуйте... Давненько не видались, цѣлую вѣчность... Я думала, вы изволили забыть о моем существованіи так же, как я забыла о вашем... Но вот вы опять в этой гостиной, гдѣ прежде срывали цвѣты наслажденія и откуда удалились с проклятіями на устах... Что же вам нужно теперь? Зачѣм вы здѣсь?.. Или, может быть,

никогда не видали глубокаго траура? Или вас интересует горе бѣдной вдовы? О, не дѣлайте таких страдальческих глаз, увѣряю вас, — это совсѣм вам не к лицу... Это дѣлает вас даже смѣшным, ха, ха!..

Елена была отчасти права...

Пока звучал ея насмѣшливый голос, пока срывались бездушныя слова с ея уст, тѣнь страданія все рѣзче углублялась в чертах молодого человѣка.

— Елена, Елена... К чему всѣ эти слова? Перестань, я тебя умоляю!

Ея смѣх сразу замер, она его остановила ледяным тоном.

— Я прошу вас прекратить ваш веселый тон, неумѣстное... ты и нѣжное... Елена... Я сразу показала вам, как вы теперь должны говорить со мной... Мы были чужими всегда... В минуты первой встрѣчи, в час разставанья... всегда... Помните, вы мнѣ кинули на прощанье, что я была шампанским, а вы его любителем... Помните, как разсѣялись всѣ ваши амурные восторги, как только впервые пришлось подумать о расплатѣ?! Ха, ха, ха... Я до сих пор мысленно вижу, как вы метались по этому будуару и искали выхода из труднаго положенія... Сознайтесь, я была благоразумнѣе, чѣм вы... Я легко и быстро дала вам желанную свободу. О, меня не надо ударять два раза... а вы еще ударили так больно... И в сущности за что? Вы-то за что? Вѣдь, ради вас я обманула и погубила другого... Вѣдь, вас я безумно ласкала и, кромѣ отвѣтной ласки, ничего не брала и даже не просила... Тот, другой, котораго уже нѣт, в правѣ был даже убить меня... Но он меня слишком любил. Даже послѣ обмана, послѣ позора, павшаго на его голову, даже в предсмертное мгновенье... — А, вы не вѣрите? Не вѣрите? Ну, так возьмите, читайте, тут и на вашу долю найдется нѣсколько десятков слов...

Елена быстрыми шагами подошла к бюро и вытащила послѣднее посланіе Маслина, облитое его слезами...

Короткая борьба сжимала сердце Ланскаго; наконец он протянул руку и, схватив роковые листки,

жадно проглатывал глазами дрожащія строчки письма... И страшная сила этих послѣдних слов, как бы отрывавших душу от тѣла, давила Ланскаго.. Как он любил! Как он остро, безумно страдал!.. Какая нѣжная, хрупкая душа попала в безсердечныя ледяныя руки Елены!..Немудрено, что она сломилась... Неудивительно, что жизнь насильственно потушена... И он, Ланской, соучастник в тяжком нравственном преступленіи, один из главных виновников!.. И для себя он там нашел слова прощенія и даже сожалѣнія к себѣ. Несчастный его не обвинял!.. Тот или другой, — ему было все равно... Раз его жена шла на это, она всегда бы нашла с кѣм... Еще яснѣе, чѣм до прочтенія письма, утвердилась в Ланском готовность на всякую жертву, только хотя бы отчасти искупить свою вину перед тѣнью погибшаго...

Он с усиліем поднял свою тяжело склонившуюся голову и взглянул прямо в глаза Еленѣ...

Ему отвѣтил холодный и насмѣшливый взгляд... Этот взгляд придал ему мало силы, но медлить и тянуть тоже было не к чему..

— Елена... Я вас умоляю, выслушайте меня, ради памяти усопшаго, о котором вам так ярко напоминает этот глубокій траур на вас и вокруг вас... Ради этого письма, залитаго „его" послѣдними слезами, способнаго перевернуть самую черствую душу... Елена..

Вѣроятно, в голосѣ офицера слышалась такая трогательная мольба, что даже рѣзкія уста Елены сомкнулись, и она не шевелилась в безмолвном ожиданіи его дальнѣйших слов.

И этот голос натянулся, как струна, и дрожа, старался проникнуть в ея сердце.

— Елена!.. Правда, мы встрѣтились как чужіе, и каждый из нас искал в другом сладкую забаву... Мы сошлись как чужіе, и, не зная друг-друга, требовали только одного, — чувственных наслажденій... Мы разошлись, как чужіе, со злобным смѣхом, с проклятіями... Но между нами лег и в то же время связал нас неразрывною цѣпью труп вашего мужа.

Голос Андрея прервался, казалось, лопнула стру-

на и наступило тяжелое молчаніе, но она снова натянулась эта струна, и снова зазвучали густыя слова.

— Елена!.. Мы забывали о нем в чаду наслажденій, вѣрнѣе, в чаду нашего эгоизма: он только раз напомнил о себѣ своею смертію... Этого не забыть, неправда ли, Елена?.. Мы отняли у него все: — любовь, счастье, жизнь, опозорили его имя... Из всего отнятаго мы только одно можем ему возвратить, только одно... Любви, счастья, жизни — мы ему не вернем, но можем смыть позор с его имени... и, почем знать, не возвратим ли мы этим покоя его грѣшной душѣ... Это наш долг, Елена... Я долго думал, боролся с собой, тосковал.. никакіе кутежи, никакія средства — ничто не помогало. Совѣсть громко кричит, требует от вас этой жертвы... Елена, я вас умоляю, как милости, на колѣнях, будьте моей женой.

Тяжелая фраза была сказана, но на душѣ Ланскаго стало легче и как-то чище...

Елена внимательно выслушалась в трепетную рѣчь Андрея.

Какое-то странное чувство поднималось в ней, наполнило грудь, сдавило горло. Насмѣшливыя слова замирали гдѣ-то далеко, сухіе глаза что-то жгло, как будто слезы старались прорваться. А он стоял и ждал отвѣта. Он!.. Когда-то любимая игрушка!.. Отвѣта, отвѣта!..

Елена молчит, а все прежнее мелькает перед ней, весь их роман с первой минуты. Часы безумных наслажденій, минуты забвенія. А потом роковой день, роковая встрѣча с мужем, и тѣ холодныя, циничныя слова, которыя сказал ей Андрей, и все его презрѣніе к ней, разом прорвавшееся.

И вот сейчас два чувства: злобы и мести; они заслонили все остальное, возвратили Еленѣ дар слова, дар смѣха. Этот смѣх прозвучал так рѣзко, так холодно, таким диссонансом послѣ душевной рѣчи Андрея.

— Быть вашей женой, ха, ха, ха!.. Мысль недурная!.. Еще бы, для общипаннаго офицера завидная невѣста, начиненная милліонами... Ха, ха, ха!.. Небось

тогда, когда надо было разводить меня с мужем и брать такую, какая я сейчас, только без миллiоной придачи, тогда пѣсни были совсѣм иныя... Тогда меня отталкивали с презрѣнiем, оскорбляли за всѣ мои ласки и обзывали кокоткой!.. Чудесно!.. А теперь, еще бы!.. Голому офицеру придаст блеск золотой поток, а сколькими настоящими можно будет окружить себя!.. Да вообще всѣми благами жизни... За развод всегда есть с кого сорвать!.. Умный мальчик, пай, ха, ха, ха!

VIII

Сорвалось.

Бравада, как поток, неслась с уст Елены, прерываемая смѣхом, а Андрей слушал с широко раскрытыми глазами, молча пригвожденный к мѣсту.

— Умный, умный мальчик! Подумаешь как все пригнал и придумал, какiе благородные мативы! Ха, ха!.. А гдѣ было это благородство, когда сыпались грязныя оскорбленiя на голову женщины вам беззавѣтно отдавшейся? Вы призывали тогда свою честь, свою офицерскую честь, которую должен был сгубить брак с „кокоткой по натурѣ", как я? Или золото все омывает? О, я мѣтко вас окрестила тогда, вы не забыли? Ха, ха, ха!.. Вы отвѣта просите? Вы ждете в трепетном молчанiи? Ну так вот он, вот!.. Я, купчиха первой гильдiи Маслина, отказываю в своей плебейской, но облитой золотом рукѣ, кровному дворянину, ведущему свой род чуть ли не от Рюрика, блестящему офицеру господину Ланскому, ощипанному бѣдняку... теряющему напрасно слюнки на купецкiе миллiоны... Проще, я вам отказываю Андрей Васильевич!..

Бравада ее утомила, и она почти невольно опустилась на кушетку.

Дар слова возвратился Андрею. Сначала ему хотѣлось, как в былые дни, броситься к ней с дерзкими оскорбительными словами защищать себя, унижать ее...

Но развѣ с тѣм он пришел сюда? Развѣ заранѣе он не подготовил себя ко всякому пріему?.. Развѣ не права она отчасти?

Ей тоже не легко было тогда вынести его презрѣніе и его страх не попасться ей в мужья...

Не для оскорбленій и ссор шел он сюда, а на муку, на искупленіе своего тяжкаго грѣха...

Развѣ в правѣ он требовать от этой грубой, чувственной, злой натуры, чтоб она поняла всѣ его тонкія ощущенія и муки?.. Его унизили, и он должен терпѣть, он этого заслужил.

— Э, как гадко вы поняли меня, Елена; вѣрнѣе, вы совсѣм не поняли меня... Ваше золото мнѣ не нужно... Я только предлагаю вам свое имя, заранѣе даю паспорт, готов или удалиться, или всю жизнь страдать возлѣ вас, Елена... Я копѣйки вашей не возьму... Мы должны это сдѣлать ради вашего несчастнаго мужа, мы должны смыть позор, которым покрыли его голову, мы должны жертвовать собой ради этого. — Елена остановила его рѣзким движеніем.

— Лично я — жертвовать не намѣрена!..

Успокойтесь, „позор" будет очень скоро снят с имени погибшаго, так как я не намѣрена всю жизнь пребывать в роли „печальной вдовицы" и думаю замѣнить звучное, но не элегантное имя Маслина на другое и, вѣроятнѣе всего, украшенное титулом... Таким образом и „волки будут сыты и, овцы цѣлы".

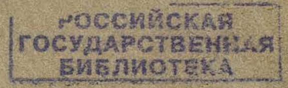
Ланской слушал с ужасом с горечью...

— Как, Елена, послѣ того, что было между нами, вы рѣшитесь выйти замуж за честнаго человѣка?

— Вы стали не только сентиментальны, но даже ненормальны, милѣйшій Андрей Васильевич. Что я сдѣлала такого особеннаго, чего не дѣлают всѣ другіе?

Андрей горячо возразил.

— О, нѣт, не всѣ, не всѣ, Елена... Не думайте так дурно о людях, о женщинах... Подумайте, прежде чѣм отвѣтить положительным отказом... Вѣрьте мнѣ, что, связывая себя с вами на вѣки, я беру на себя

тяжелую муку, я гублю свое счастье, но я очищаю и возвышаю себя нравственно, я исполняю свой долг... Позвольте мнѣ зайти завтра, не давайте рѣшительнаго отказа сегодня...

Елена насторожилась... Что то недосказанное звучит в его рѣчах... Не любит ли он кого нибудь? Какую нибудь святую, чистую дѣвицу?.. Не попробовать ли согласиться, чтобы дать себѣ насладиться, его отчаяніем?

— Хорошо, Андрей Васильевич я подумала и может быть, соглашусь,—медленно произнесла Елена и пытливый взор ея впился в блѣдное лицо юноши.

Он как то осѣл сразу, опустился; взор его погас, он даже закрыл глаза свои, как бы покорно принимая послѣдній удар...

Пролетѣло нѣсколько мгновеній.

Он вдруг выпрямился и весь просіял внутренним самоотреченіем.

Ничто не укрылось от взоров Елены. Что то острое больно коснулось ея сердца. Зачѣм он пришел, зачѣм напомнил?

Зачѣм?

А, глупости все это, ерунда, чушь!

Елена отступила, гордо выпрямилась и нагло разсмѣялась. Этот смѣх звучал дѣланно.

— Я пошутила, милѣйшій господин Ланской, я вашей женой, как и сразу вам сказала, не буду никогда. А теперь я занята, прошу вас оставить меня одну.

Андрей схватился за голову.

— Елена! — со стоном вырвалось из его груди.

Но она холодно взглянула на него и нажала три раза пуговку звонка.

Мадам Эжени не заставила себя долго ждать, она появилась, как безмолвная тѣнь в дверях будуара.

Стон замер на устаг Андрея.

— Эжени, наша бесѣда с господином Ланским кончена. Проводите его. И не протягивая руки,

только кивнув головой, Елена повернулась и вышла из комнаты.

Ланэкой растерянно поглядѣл ей вслѣд. Это ужасно! Вся его борьба, рѣшимость, всѣ муки, все — ни к чему.

Его жертва не принята, ему больше нечѣм расплатиться с погубленным им человѣком.

Эжени стояла все также безмолвно, насмѣшливые огоньки вспыхивали в ея глазах. Еще бы! У щелки двери она слышала весь разговор.

Ланской с отчаяньем схватился за голову и направился к выходу.

Эжени засмѣялась.

Как только замерли в отдаленіи шаги уходившей, Елена рванулась обратно в будуар... Страстное, ничѣм необъяснимое желаніе вернуть того, котораго сейчас только сама безпощадно прогнала, охватило ея душу... Как будто вмѣстѣ с ним уходило от Елены что то хорошее, что то лучшее в жизни... Как будто она уступала и отдавала кому то, что то свое, дорогое...

В это мгновеніе вошла Эжени и с вопросом остановилась у дверей.

— Не надо ли чего нибудь, madame? Не прикажет ли она чего нибудь?

Елена отрицательно покачала головой.

— Уйдите, прошу вас, я позвоню, когда будет надо...

Эжени бросила пытливый взгляд на госпожу и усмѣшка скользнула по ея губам.

„Ты, кажется, начинаешь чувствовать, что у тебя тоже есть сердце?“ Елена снова осталась одна. — Что это с нею?.. Вѣдь она не любит, не может любить этого общипаннаго офицерика... Почему же тоска охватила ее? Надо сбросить все это ненужное, надо быть смѣлой и сильной, надо жить и бороться!

Елена нѣсколько раз прошлась по комнатѣ, сжимая виски руками и, наконец, преодолѣв свое волненіе, позвонила...

— Что прикажете madame? — с неизмѣнным вопросом появилась Эжени.

Елена усмѣхнулась.

— Час настал, с прошедшим все покончено.. Послѣдняя нить порвана, Эжени...

— Пусть этот час будет добрым часом, madame...

Елена бодро кивнула головой.

— Пусть будет!.! С неблагодарным офицериком все конечно... Больше никогда не будет его ноги в этом домѣ...

„Он ушел — навсегда...“ А теперь... Елена провела рукой по лицу, как бы сгонняя с него послѣднія тѣни прошлаго.

— А теперь... Зовите прислугу... Я вам поручаю привести квартиру в прежній вид. Долой черный флер и черное сукно, долой этот бѣлый батист, скрывающій зеркало и картины... Пусть все попрежнему блестит, радуется, кричит в моей квартирѣ... А сама я пойду отдохнуть... Я так устала... Все таки этот разговор утомил меня... Итак, в добрый час Эжени, принимайтесь за работу...

IX

Встрѣча.

Генеральша Знамен обитала в бельэтажѣ большого дома на набережной.

В двѣнадцатом часу вечера экипажи один за другим подъѣзжали к ея подъѣзду . . .

Нарядныя дамы, блестящіе офицеры, элегантные статскіе подымались по широкой лѣстницѣ, покрытой коврами и уставленной пальмами.

Всѣ они, минуя обитую красным шелком переднюю, попадали в большой бѣлый зал, буквально залитый электричеством; у широко раскрытых дверей зала их встрѣчала сама хозяйка дома, генеральша Знамен.

Это была высокая представительная женщина лѣт шестидесяти в старинной прическѣ на гладкій пробор, в тяжелом бархатном темно-красном, закрытом

туалетѣ, украшенном фамильными драгоцѣнностями, с очаровательной улыбкой свѣтскаго гостепріимства на устах, с молодо-блиставшими, ласковыми глазами.

В былые дни своей юности, она славилась своим умѣньем без особой красоты чаровать людей, одинаково мужчин и женщин.

И теперь, встрѣчая своих многочисленных и самых смѣшанных по обществу гостей, она находила каждому пріятную фразу. Время шло, а съѣзд все продолжался.

В зал впорхнула молоденькая, бѣлокурая дѣвушка в розовом, напоминающем газовое облако, туалетѣ . . . Она, в разрѣз этикета, подбѣжала к хозяйкѣ дома и повисла у нея на шеѣ.

— Здравствуй, дружок, здравствуй, милая Настенька! . . Дай поглядѣть на тебя . . . Какая ты хорошенькая! А еще увѣряют, что розовый цвѣт не цвѣт блондинок . . . Впрочем, к такому юному цвѣтущему личику все должно идти . . .

— А вы, тетечка дорогая, вы совсѣм королева сегодня . . . Батюшки, какіе камни! Тетечка — вы королева.

Гости все прибывали.

Настя оживленными глазами вглядывалась в эту разнообразную, блестящую часто мишурным блеском, толпу.

Шел двѣнадцатый час и генеральша Знамен встала с удобнаго кресла, на которое была посажена племянницей, и, опираясь на тонкую нѣжную руку, уже направилась в свои многочисленныя гостиныя.

Настя еще раз невольно оглянулась на выходныя двери и вдруг легкое „ах“ неожиданно сорвалось с ея губок . . .

Генеральша Знамен тоже обернулась. За ними слѣдом торопливо шел, позвякивая шпорами, высокій блестящій полковник . . . Настя сразу узнала своего нечаяннаго поклонника и сердечко ея забилось гораздо скорѣе.

С тѣх пор, как они видѣлись в послѣдній раз, прошло уже довольно времени. Блестящій полковник часто напоминал о себѣ то цвѣтами, то большими бонбоньерками, но видѣть Настю ему не приходилось.

Он давно уже был с визитом у генеральши Знамен, но она только впервые пригласила его на вечер, немножко сердясь на него за постоянныя уклоненія от ея балов.

Генеральша была слишком свѣтская и бывалая женщина, чтоб не уловить легкаго „ах", сорвавшагося с уст племянницы и не замѣтить ея волненія.

Она пытливым взором поглядѣла на полковника, но в его открытых, смѣющихся глазах не прочла ничего, кромѣ восхищенія молодой дѣвушкой. Она поглядѣла то на одного, то на другую и сразу рѣшила, что это будет подходящая славная парочка, и что слѣдует помогать их счастью.

— Позвольте вас представить моей племянницѣ, Анастасіи Николаевнѣ Уласовой. Она москвичка и не имѣет столичнаго лоска, зато столичныя красавицы не знают, что такое ея естественность и свѣжесть. Милая Настенька, полковник Реин возьмет на себя обязанность быть твоим кавалером . . . А меня ты отпусти, так как я сегодня не только твоя тетя, но и хозяйка многочисленных гостей . . Генеральша Знамен нагнулась и поцѣловала в лобик племянницу, ласково кивнула головой полковнику и своей величавой походкой направилась в гостиныя . . .

Навстрѣчу ей грянул первый вальс и большой бѣлый зал начал наполняться танцующими.

— Один тур, mademoiselle . . . — сказал полковник Реин, церемонно расшаркиваясь перед Настенькой.

Она удивленно на него поглядывала, кивнула головой в знак согласія и положила ему на плечо свою затянутую в розовую перчатку ручку . . .

Настя неслась в вихрѣ вальса, как всегда, искренно отдаваясь удовольствію плясать. Но сегодня сердце ея как то особенно замерло, и как то пріятно

было чувствовать, что сильная рука нѣжно прижимает ее к себѣ.

Красивая парочка нѣсколько раз обошла зал, и когда, наконец, Настя опустилась на стул, все кружилось перед ея глазами. Но не успѣл ея кавалер сказать нѣсколько слов, как подбѣжал молоденькій кирасир и пригласил Настю на новый тур вальса. Полковник Реин стоял, прислонясь к бѣлой колоннѣ и веселыми глазами слѣдил за стройной, розовой фигуркой, переходившей от одного кавалера к другому . . . И желаніе взять ее из этой блестящей толпы, увести к себѣ в свою холостую, скромную квартиру и там ласкать ее без конца все сильнѣе охватывало его душу.

Холодное сердце полковника впервые стало согрѣваться. В сущности весь его блеск был только наружный.

Реин рано потерял отца и был отдан в корпус на казенный счет . . . Его даже на каникулы не брали, так как дома царила бѣдность.

Но Реин вездѣ, — и в корпусѣ, и в училищѣ,— шел первым.

Потом, на службѣ, он попал в счастливую линію и в тридцать два года уже был полковником.

Жить Рейну приходилось всегда бѣдно и скучно, так как, кромѣ жалованья, у него почти ничего не было, а мундир поглощал больше половины того, что он получал.

У Реина был блестящій и богатый круг знакомых, постоянно он был занят визитами, приглашеніями на завтраки, обѣды и вечера.

Вся его жизнь проходила в скучной холодной службѣ, в еще болѣе скучных поисках знакомств и связей. Любви в жизни Реина не было. Вся его жизнь была сухим разсчетом, усиліями подняться и встать на ноги. В корпусѣ и в училищѣ он зубрил и старался быть первым во всем, даже мальчиком он понимал, что бѣден, что разсчитывать не на кого, только на себя.

Конечно бывали и у него романчики, то с бѣд-

вой горничной или швеей, то мимолетныя любовныя встрѣчи со скучающими свѣтскими барышнями, плѣненными его мундиром и наружностью.

Но всѣ эти встрѣчи ни разу не сопровождались любовью с его стороны оставляли в душѣ только презрѣніе, а в лучшем случаѣ усталость... А всѣ эти встрѣчи было только эпизодами в его жизни, отданной всецѣло карьерѣ. Сердце Реина для женщин было неуязвимо.

И вдруг... вдруг случайная встрѣча с дѣвушкой полуребенком. И что-то проснулось в душѣ, какое то незнакомое доселѣ сладкое чувство стало волновать все его существо... И картина их первой встрѣчи снова, в тысячный раз, мелькнула перед глазами.

Смолк, наконец, первый вальс,—и Рейн поспѣшно направился к устало дышавшей Настѣ, окруженной кавалерами...

— Ваша тетя вас мнѣ сегодня поручила и я немного недоволен, что вы так себя утомили... Вѣдь мнѣ придется за вас отвѣчать... Позвольте вашу ручку, и пойдемте отдыхать и набираться новых сил для новаго вальса...

X

Бал у генеральши.

Настя тяжело оперлась на руку Реина и прошла с ним в гостиную, гдѣ было мало народа.

Это была комнатка—голубой фонарик—вся обитая голубым стеганным атласом, с маленькими гротами по углам, освѣщавшимся электрическими лампочками.

Возлѣ гротика на диванчикѣ расположился Реин со своей дамой.

— Мнѣ ужасно хочется пить,—жалобно протянула Настя.

— Сейчас я прикажу принести вам аршаду, а пока вы остынете и отдохнете. Через нѣсколько мгновеній они уже сидѣли рядом,—Настя,—смущенно опу

стив головку, а Реин,—поглядывая на нее смѣющимися глазами.

— Вот видите, Анастасія Николаевна, говорил я вам, что мы увидимся, а вы мнѣ вѣрить не хотѣли; вот видите, я был прав. А теперь я берусь смѣло предсказывать будущее: мы часто будем встрѣчаться, очень часто, я думаю, что каждый день.

Настя вдруг подняла головку, ея голубые глаза спокойно и серьезно вынесли его взгляд. Голос ея понизился, и в нем прозвучали серьезныя нотки:

— Никто не может знать будущаго, Александр Иванович; нами управляет Бог и Бог за нас рѣшает.

И вдруг почему-то на сердцѣ у Насти стало тоскливо и холодно, как будто Бог, Которому она сейчас ввѣряла свою судьбу, посылает ей неясное предчувствіе грядущей печали.

В сердцѣ Реина тихо откликнулись чувства Насти, и он заговорил склоняя голову:

— Не судите меня строго, Анастасія Николаевна; когда вы будете знать мою жизнь, вам, конечно, станет жаль меня.

Реин замолчал, как будто ждал поощренія, и Настя ласково на него поглядѣла, а голос ея тихо и нѣжно произнес:

— Я вас буду слушать, Александр Иванович, мнѣ вы можете все сказать. Я еще ни над кѣм не умѣю смѣяться и никогда ни с кѣм не дѣлюсь своими впечатлѣніями.

Реин усмѣхнулся и по его широкому лбу пробѣжала суровая складочка, как в тихій день по гладкому озеру вдруг пробѣгает волна.

— Немножко странно, правда, Настасія Николаевна: видимся второй раз в жизни, а чувствуем себя и говорим так, как будто прожили вмѣстѣ всю жизнь.

Реин нервно провел рукой по своим густым, слегка вьющимся волосам, и теперь уж его рѣчь потекла тихо и непрерывно.

— Перед вами молодой полковник, на котораго с завистью поглядывают... многіе; между тѣм, Анаста-

сія Николаевна, кромѣ сѣрой и неприглядной жизни с самаго дѣтства, едва только стал глядѣть на Божій мір, я ничего но видал. Отец мой умер, когда мнѣ было семь лѣт; он ничего не оставил, кромѣ жалкой пенсіи и права воспитать меня на казенный счет. Мать с трудом прокормила меня и сдала в корпус. Моя мать!.. Она только одна была святыней моей жизни... Я поступил в корпус... Товарищи мои бѣгали, шалили и часто не готовили уроков, а я сидѣл в классной, зажимая уши, чтобы не увлечься их веселыми криками, и зубрил без конца.. Я не знал дѣтства и его шалостей; за то всегда был первым учеником. Когда я поступил в училище, товарищи мои влюблялись, ухаживали, кутили и танцевали на балах, а я учился сам и репетировал других... Я не знал юности, Анастасія Николаевна... Потом офицером я весь отдался службѣ, карьерѣ; я старался заводить нужныя знакомства, прочныя связи... В тридцать два года я получил чин полковника... и... умерла моя мать... Это был тяжелый удар.

Рѣчь Реина оборвалась... Глаза Насти уже давно не отрывались от его лица, а теперь, увлаженные слезами, они трепетно ждали продолженія.

И Реин тряхнул головой и заговорил снова:

— Я никогда не любил никого, кромѣ матери, и меня никто не любил... как слѣдует... И вот я встрѣтил вас, милая дѣвушка, и сразу почувствовал, что в моей груди тоже есть сердце, которое умѣет сильно и сладко биться... Такой, как вы, я никогда не встрѣчал. По первому взгляду я вас разгадал и так безумно счастлив теперь, когда вижу, что не ошибся в вас... Если вас не будет в моей жизни,—я погиб, Анастасія Николаевна... Вы нужны мнѣ, как воздух, как вода; вы одна можете спасти меня, извлечь из того равнодушія, прозябанія... Я видѣл людей, я вращаюсь в высшем свѣтѣ, но я презираю их всѣх, хотя нѣкоторым завидую. И мнѣ платят тѣм-же: меня презирают и многіе мнѣ завидуют... Но это не жизнь,—это прозябаніе и безплодные поиски счастья в том, в чем его нѣт... Неужели вы не пожалѣете меня немного и не протя-

нете мнѣ ручки... той ручки, которая одна может меня спасти...

Реин умолк и его красивые сѣрые глаза старались заглянуть в душу дѣвушки.

Настя глубоко задумалась и сидѣла не шевелясь... Вдруг она разом подняла голову и протянула без слов обѣ ручки полковнику...

Он схватил их и покрыл поцѣлуями.

Эти поцѣлуи проникли сквозь перчатки и жгли Настины руки.

— Когда мы увидимся снова, Анастія Николаевна?

— Ах, Боже мой, надо просить тетю, чтобы представила вас мамѣ... Только мы скоро уѣзжаем, Александр Иванович... в Москву... и вряд-ли сюда вернемся.

— Этого не будет, не должно быть... Мы этого не допустим... Вашей maman я постараюсь быть представленным: но меня не могут удовлетворить эти короткія, офиціальныя свиданья... Мы должны видѣться и говорить как можно дольше и чаще каждый день...

— Но как-же...

— Начнем с завтрашняго дня... Когда вы пойдете гулять... и... одна?.. И гдѣ я могу вас встрѣтить, чтобы сопутствовать вам?.. Ради Бога, не хмурьтесь: вы не такая, как всѣ, и с вами, с вашей чудной, чистой душой даже смѣшно соблюдать всѣ глупыя свѣтскія условности... Умоляю вас, вѣрьте мнѣ... Только вашей вѣрой, вашей чистой, святой вѣрой в меня вы можете помочь мнѣ и спасти меня... Анастасія Николаевна...

Настя заломила руки и сидѣла, опустив голову... Короткая борьба происходила в ея душѣ, борьба условных приличій, навѣянных с дѣтства, с голосом сердца... И этот голос, как всегда в чистых душой, побѣдил...

Настя встала и красная, как маков цвѣт, проговорила:

—Хорошо, завтра, на набережной Невы, в три ча-

са дня... А теперь... теперь я должна танцевать эту кадриль с молодым кирасиром; уже сыграли первую ритурнель... Притом мама и тетя уже навѣрно ищут меня... Проводите меня, Александр Ивановичь.

Реин предложил ей руку и повел ее в зал, на прощанье сказав ей только одно простое — благодарю...

В дверях залы молоденькій кирасир, уже с безпокойством искавшій свою даму, подлетѣл к ним и взял Настю.

Реин остался один.

Познакомиться с ея матерью? Не стоит; пожалуй испортит все дѣло.

Вдруг чья-то рука тяжело легла на его плечо.

Реин вздрогнул и оглянулся. За его спиной стоял промотавшійся и проигравшійся аристократ—барон фон-Шмель.

— Здравствуйте, полковник, здравствуйте... Смотрите только или участіе принимаете и игрѣ?..

— Только, смотрю, и то недавно.

—Тэк-с!. А не желаете-ли, господин полковник, пройти со мной в буфетную и выпить стаканчик вина?

— Охотно, барон...

Вскорѣ Реин со своим новым спутником вошел в большую буфетную...

— Что новаго, барон? У вас всегда цѣлый запас новостей... И часто пикантных,—спросил посмѣиваясь, Реин.

Барон таинственно поглядѣл на полковника и затянулся папиросой.

— Теперь, милѣйшій полковник, всѣ новости для меня пропали, кромѣ одной: хочу исправить свои дѣла...

— Это всегда пріятно, но всегда почти невозможно, — улыбнулся, Реин.

—Да, но представляется случай— хочу жениться на милліонершѣ...

Реин окинул жалкую, малокровную, согнувшуюся

фигурку общипаннаго барона и еле удержался от насмѣшливой улыбки.

— И что-же милліонерша... Не очень безобразна... И не очень стара?..

— Ха, ха, ха!.. Красавица, милѣйшій полковник, и молодая вдова... Счастье, неправда-ли? Только это еще планы...

— Гдѣ же вы раздобыли такое чудо?..

— Таинственная исторія... Видите-ли, я занимал вчера у одной женщины и она мнѣ совѣт дала: — Женитесь, говорит... Я думаю — дура, а спрашиваю, на ком? Да на моей хозяйкѣ, — отвѣчает, — пріѣзжайте, говорит, завтра, я вас представлю... Адрес дала, описала милліонершей, красавицей; я и поѣхал, милѣйшій полковник... Такая, скажу вам, эффектная женщина, просто восторг. Роскошь вокруг... Женюсь непремѣнно. Приняла меня любезно... Знакомых мало, скучает; обѣщал представить ей кучу своих пріятелей... Не выпить-ли нам еще бутылочку, полковник?..

— С удовольствіем, барон...

— Разрѣшите мнѣ, ради Бога, вас познакомить с ней в это-же воскресенье?

Реин поморщился.

— К чему мнѣ это знакомство?.. А впрочем... если вы этого так хотите... Чтобы сдѣлать вам удовольствіе, барон...

— Так я заѣду за вами в воскресенье, в 5 часов.

— Слушаю-с.

XI

Роковая минута.

День был чудный и набережная Невы выглядывала кокетливо и нарядно.

Реин уже около получаса сновал по тротуару, а Насти все не было.

Реин уже начал тревожиться, — не раздумала-ли она? Положительно он влюблен в эту дѣвочку...

Как быть теперь. Он должен ею обладать... Жениться? Но он бѣдный полковник, живет почти на одно жалованье, а она дѣвушка милая и образованная, но, как он узнал навѣрное, совсѣм безприданница.

Вѣдь уж пятый день они гуляют по набережной Невы, и чѣм больше они говорят, тѣм больше сходятся их сердца. Когда ея нѣт с ним, ему положительно чего-то не хватает...

Какая непріятность: кажется, барон фон-Шмель идет навстрѣчу.

Как нибудь надо избавиться от него.

Дѣйствительно, тонкая, сухая, одѣтая по послѣдней модѣ фигура барона приближалась к Реину.

А, милѣйшій полковник... Гуляете тоже?.. Браво, браво!.. Так мы сохраняем себѣ молодость!.. Народу много, а я всегда там, гдѣ народ.

Реин пожал ему руку.

— К сожалѣнію, я спѣшу, барон.

— Я тоже спѣшу, милѣйшій полковник . . . О-хо-хо-х... Посмотрите, бывшая содержанка князя Мазина,. Красивѣйшая женщина; моя вдова немного напоминает ее... Говорят, она разсталась с князем из-за любви к офицерику, который на ней женится... В этих созданіях тоже вѣдь просыпаются высокія чувства... А вот другая летит, любимица одного из „великих міра сего"; ну эту не поддѣнешь на высокія чувства. Argent comptant, хе, хе, х... А вот...

Реин замѣтил издали сѣрую знакомую фигуру и прекратил изліянія барона.

— Ради Бога, барон, простите, я очень, очень спѣшу... До пріятнаго свиданія!..

— Я сам тоже очень спѣшу; сегодня суббота, а завтра в пять я у вас, и мы ѣдем к моей вдовѣ, est-ce pas?..

— Обязательно буду аккуратен!.. Ну, до свиданья, я бѣгу...

Реин пожал руку барона и повернул назад, чтобы он не видѣл его встрѣчи с Настей.

Через десять минут они уже шли рядом.

— Повернем обратно. Сегодня чудный день и

толпы гуляющих наводняют набережную, не говоря уже об этих скучных шумных экипажах.

Настенька с веселой улыбкой, вся раскравнѣвшаяся, отвѣтила кивком согласія и интересная парочка, привлекавшая всеобщее вниманіе, повернула к Большой Морской.

Бесѣда становилась все интимнѣе и интимнѣе.

Настенька положительно не сводила своих восхищенных глаз с красиваго полковника... Конечно!.. Ея сердечко было взято и навѣки...

Развѣ опытный полковник не замѣчал этого? О, еще-бы!.. И цѣлый план уже давно сложился в его головѣ. В сущности, в чем счастье женщины? — задавал он себѣ вопрос...

— Ну, конечно, — в любви — отвѣчал он сам себѣ . . .

Парочка медленно повернула на Офицерскую. В нѣскольких шагах от них высился зеленый дом, в четвертом этажѣ котораго уютно расположилась холостая квартирка полковника. Реин внезапно остановился, заграждая Настенькѣ дорогу. Никогда ни раньше, ни потом не видала молодая дѣвушка в лицѣ Реина такого сильнаго выраженія, — в его взглядѣ свѣтились любовь, мольба, увѣренность...

— Анастасія Николаевна, вѣрите-ли вы в мою любовь, понимаете-ли, что вы для меня святыня?..

Она растерялась немного, но взгляд и слова любимаго человѣка как-то порабощали ее...

— Ну, конечно, милый Александр Иванович... Только... Почему...

Но он не дал ей докончить.

— А я несчастный человѣк, Анастасія Николаевна: жизнь и судьба пріучили меня ничему не вѣрить... Спасите меня от моего невѣрія, дайте мнѣ вашу руку и войдите в мой дом. Он в нѣскольких шагах от вас..

Настенька была молода и ея чистой душѣ экзальтація никогда не была чуждой. Она безстрашно и довѣрчиво протянула руку полковнику и пошла за ним к подъѣзду зеленаго дома.

Реин под-руку медленно провел ее по лѣстницѣ и ключем открыл двери квартиры.

Настенька робко вошла вслѣд за Реиным.

Он сбросил шинель, помог своей дамѣ снять шубу и широко раскрыл перед нею дверь своего кабинета.

— Дорогая гостья, освѣтите своим присутствіем одинокую печальную комнату моих дум и моего отдыха... Никогда еще ни одна женская ножка не ступала по этим коврам, кромѣ святых для меня ножек моей матери... Сядьте в это кресло, это — ея любимое. Здѣсь она часто выслушивала мою исповѣдь, давала мнѣ совѣты.

Реин лгал... и против воли краска выступала на его лицѣ, а воображенію рисовались образы тѣх женщин, которыя посѣщали его холостую квартиру, занимали это кресло и дарили красиваго полковника своею страстью.

Цѣлыя картины, пикантныя и соблазнительныя, мелькали перед его глазами. Но Настя вѣрила каждому слову, им сказанному, и с благоговѣніем опустилась в кресло, гдѣ сиживала „его“ покойная мать.

Ея взор встрѣтился с добрыми, честными глазами, глядѣвшими на нее с портрета, и Настя сразу как-то поняла, что эта старушка на портретѣ, с нѣсколько простым, но добрым и умным лицом — его мать... и глубокая нѣжность к милой покойницѣ наполнила юную душу Настеньки.

Реин поймал ея взгляд и прочел ея мысли; он подошел к ней и тихо-тихо опустился на колѣни у ног Настеньки.

Долго говорил Александр Иванович и молодая дѣвушка напряженно его слушала.

Всю свою жизнь он представил ей в том освѣщеніи, которое наиболѣе подходило к ея міровоззрѣнію.

Много говорил о своих, будто-бы тяжких страданіях, о своем одиночествѣ, о своем недовѣріи к людям вообще и особенно к женщинам.

Неужели она, Настя, не спасет его, не пожалѣет?..

Неужели всѣ эти предразсудки общества для нея выше и дороже его любви и его спасенія?

Дѣвушка начинала не понимать Реина. Она подняла на него свои небесные глазки, полные слез сострананія и изумленія в то-же время.

— Что-же я могу Александр Иванович? Я такая слабенькая, не знающая жизнь, несамостоятельная? Вот мама считает меня до сих пор еще ребенком...

Реин усмѣхнулся.

— Моя мать умерла, когда мнѣ было за тридцать, и считала меня ребенком. Это уже всѣ матери так. Да не в этом дѣло. Вас жизнь не коснулась, тѣм лучше, тѣм легче и скорѣе вы пойдете на самоотверженіе. Настенька, дѣтка моя, посвятите мнѣ всю вашу жизнь, а я уж сумѣю сдѣлать вас счастливой.

Сердце молодой дѣвушки забилось сладко и тревожно.

Вот она — святая, рѣшительная минута, когда любимый человѣк просит ее быть любящей и вѣрной женой до гроба.

Ея чистыя, свѣжія руки невинно коснулись лба Реина и нѣжный голосок, вздрагивая, тихо прозвучал:

— Я думаю, что люблю вас настолько, что сумѣю... и думаю, что мама тоже... ничего не будет имѣть против.

Рѣшительная минута наступила.

Пан или пропал!

Реин медленно встал с колѣн и глубокія складки легли на его лбу, а лицо поблѣднѣло и стало суровым.

Довѣрчиво протянутая рука Насти опустилась... Что это?

— Я еще раз говорю вам, Настенька, что я не такой человѣк, как всѣ... Я не вѣрю никому, я несчастный человѣк... Я прошу, чтобы вы спасли меня.

В наши отношенія никто не должен вмѣшиваться, никто в мірѣ... Я люблю вас безумно, Настенька, но я требую жертвы... Если вы мнѣ ее принесете — я ваш.. на всю жизнь.. А пока не спрашивайте ничего, отдайте мнѣ свою жизнь, мнѣ одному, и вы будете счастливы... Я вам ручаюсь святым именем моей матери...

Реин умолк, слышно было только его дыханіе.

Молчала и Настя.

Смутно и тревожно догадывалась она, но ясно еще не отдавала себѣ отчета в том, что он требовал от нея.

— Что же я должна.. сдѣлать? — глухо спросила Настенька.

— Напишите сейчас письмо матери, что вы отдаете мнѣ всю свою жизнь, остаетесь у меня сейчас же и никогда не вернетесь в родительскій дом... что вы порываете со всѣм прошлым и со всѣми... и выбираете меня одного в цѣлом мірѣ...

Настенька зашаталась и, закрывая лицо руками, упала обратно в то кресло, гдѣ всегда сидѣла „его мать".

Так вот в чем дѣло?.. Так вот его любовь?.. О, как он ошибается, если думает... Ах, Боже мой, но как больно, как больно!

Настенька подавила рыданіе, встала, вся блѣдная, и направилась к выходу.

Реин рѣзко схватил ее за руку.

— Такая же, как всѣ!.. Ошибся, ошибся... И послѣ этого жить? Нѣт, нѣт.. Ни за что... Никто и ничто не принудит к безполезному существованію... Только не уходите так... сердитая.. чужая.. Ни за что. Я просил жизни, довѣрія, тогда бы и сам я научился вѣрить. Вы мнѣ отказали.. я сумѣю умереть... но все-таки я люблю вас мучительно.. Дайте мнѣ руку на прощанье... Один послѣдній ласковый взгляд умирающему... А теперь — уходите... скорѣе...

Реин рѣшительно подошел к письменному столу и открыл черный футляр. Смертоносная игрушка блеснула перед испуганными глазами молодой дѣвуш-

ки. Она бросилась к любимому человѣку и схватила его за руку...

— Боже мой, не дѣлайте этого!.. Я вѣдь люблю вас... Александр Иванович, я.. я могу.. я хочу... Дайте мнѣ перо и бумагу... Диктуйте я напишу... Я остаюсь... Дѣлайте все, что хотите... только... живите и будьте счастливы...

Настенька зарыдала, а Реин принял ее в свои объятія, гладил шелковистые волосы и шептал, свѣтло улыбаясь:

— Ты моя теперь, моя ненаглядная... И навѣки...

XII

Новая жизнь.

Зинаида Карповна Ротикова, прижимая к груди узелок с завернутыми вещами, стала робко оглядываться вокруг, ища извозчика.

Ванька не замедлил явиться к ней на помощь.

Госпожа „Фу-ты Ну-ты" удобно размѣстилась и у ног положила свой узелок.

— Куда везти прикажете, сударыня?

— На Мойку, — отвѣтила она, не задумываясь.

На душѣ было легко и радостно даже, забылось послѣднее оскорбленіе. Свобода!.. Что может быть лучше? Наконец-то вырвалась.

Ей будущаго бояться нечего. На первых порах она обезпечена расположеніем Бѣлокутскаго и прелестной квартиркой, нанятой им для нея на Мойкѣ. А там... Не сам-ли Бѣлокутскій ей говорил, что с ея фарфоровой красотой она может далеко пойти. Лучше быть первой звѣздой на небосклонѣ полусвѣта, чѣм незамѣченной штучкой среди честных женщин.

— Стой, стой. Да не туда, глупый. Видишь, маленькій отдѣльный подъѣзд. Ну вот. Деньги я тебѣ сейчас вышлю!

Зиночка спрыгнула с извозчика, вытащила из кармана завѣтный ключ и открыла маленькій подъѣзд.

В знакомой передней она сейчас-же розыскала кнопку и освѣтила комнату электричеством.

Перед нею сразу вырисовалась элегантная передняя обитая темно-красным сукном, с большим зеркалом в рамѣ из старинной темной бронзы. Было уютно и чисто, как будто в самом дѣлѣ ее тут ждали всякую минуту.

Зиночка позвонила и, в ожиданіи прислуги, стала любоваться собою в большое зеркало.

Лакей, почтительно и искусно скрывая свое изумленіе, остановился в дверях передней.

Зиночка уже успѣла сбросить пальто и шляпку.

— Заплатите извозчику полтинник, возьмите мои вещи в уборную и пошлите ко мнѣ горничную, — приказала Зиночка и, слегка подобрав свой шуршащій трэн, прошла в комнаты.

Лакей предупредительно побѣжал впереди и освѣтил всю квартиру.

— Леонида Николаевича нѣт дома? — небрежно спросила Ротикова.

— Никак нѣт, барыня... Но они будут очень скоро, они были дома весь вечер, а сейчас поѣхали ужинать.

— В какой ресторан?

— Не могу знать, — отвѣтил корректно лакей. а сам подумал: — так я тебѣ и сказал! Не дурак... Наш то все с барышнями возится.

— Ну, идите скорѣе за моими вещами.

Госпожа Ротикова, оставшись одна, оглянулась вокруг с довольной улыбкой. Она стояла посрединѣ маленькаго нѣжно-лиловаго салона, гдѣ рамы, картины и зеркала были исключительно бѣлой эмали, и бѣлый пушистый ковер покрывал весь пол.

— У Леонида есть вкус, и он прямо волшебник. Люблю его за щедрость. Не хватает, — так готов занять, зато всегда по-барски, широко, пріятно — умываясь, прошептала Зиночка.

Вошла горничная и присѣла перед госпожой.

Эта горничная была тут у мѣста: шикарная,

ослѣпительно-чистая, вся в кружевах и даже недурненькая.

— Марія, дайте мнѣ переодѣться и не могу-ли я принять ванну?

— Ванна будет готова через двадцать минут, барыня, я сейчас прикажу затопить, а свѣжій пенюар висит в уборной барыни, куда я провожу вас и помогу переодѣться.

Зиночка сбросила вечернее платье и корсет и накинула пушистый, элегантный пенюар.

— Барынѣ очень идет этот земляничный цвѣт. Она выглядит сейчас, как самая нарядная парижская куколка, — польстила Марія и так уже упоенной всѣм барынѣ и пошла приготовлять ванну.

Зиночка бросилась на кушетку и замечталась, не забывая собою любоваться в зеркальных стѣнах.

Ванна готова, барыня...

Ротикова лѣниво потянулась и нехотя встала...

— Ну, пойдемте...

— Ванная комната была рядом с уборной...

Та-же уютность и роскошь, как и во всей миніатюрной квартиркѣ... Бѣлый мрамор и зеркала...

Зина сбросила капот и рубашку на руки Маріи и с веселым хохотом бросилась в ванну.

— Бог мой, какая вы, барыня, красивая, ну совсѣм как игрушка из розовой кости...

— А вы, Марія, чудно умѣете дѣлать ванну... какая пріятная теплота, какой аромат!..

Зина восхищалась искренне... Никогда еще не нѣжилась она в такой душистой, пріятной, роскошной ваннѣ!.. Вот она, какая жизнь начинается! А дальше что еще будет!.. Марія умѣлой рукой сдѣлала послѣ ванны легкій, прохладный душ и мохнатой простыней нѣжно вытерла Зиночку...

Через четверть часа свѣжая, душистая, в нарядном пенюарѣ, с распущенными свѣтлыми волосами, полуразвалилась Зиночка в гостиной на удобном диванчикѣ и благодушное настроеніе охватило ее всю. Догадливая Марія поставила чашечку горячаго чая, печеніе и тартинки...

В это время раздался звонок два раза, что оповѣщало пріѣзд Бѣлокутскаго. Еще в передней он узнал о неожиданном пріѣздѣ Ротиковой и даже с узлом.

— Кстати пріѣхала, — подумал Леонид Николаевич — послѣ сытнаго ужина с пріятелями, приправленнаго шампанским и румынами, очень и очень недурно провести время возлѣ хорошенькой женщины... Такую куколку всегда пріятно имѣть в квартирѣ, а надоѣст, так не трудно передать другому...

С такими игривыми мыслями вошел хозяин квартиры в гостиную: это был офицер лѣт тридцати пяти, выше средняго роста, красивый брюнет, лицом напоминавшій Лермонтова, только „en beau".

Зиночка с веселым смѣхом шаловливо поманила его пальчиком.

— Видите, Леонид, как скоро и неожиданно я исполнила вашу просьбу... Я к вам, вѣдь, совсѣм переѣхала...

— Чудесно, моя куколка, какая ты прелесть, душистая, хорошенькая!.. — привѣтливо отвѣтил он, опускаясь на ковер к ея ножкам и покрывая поцѣлуями ручки выше локтя.

— Удивляюсь только, как свирѣпый чухонец тебя выпустил?

Зиночка расхохоталась. Чутьем женщины она угадывала, что сентиментальныя жалобы обиженной не у мѣста... и постаралась пока самому трагическому эпизоду своей жизни придать сатирическую окраску.

— О, сцена была убійственная, я еле спасла свою жизнь. Прихожу, как ни в чем не бывало, домой, — на вечерѣ была у знакомых. Вдруг дома гости: муж и его друг, и оба на меня набросились. Видишь-ли, мистер Ротиков рѣшил разбогатѣть карточной игрой, в клубѣ, на казенныя деньги... Ха, ха, ха!...

— Идея из неудачных, клянусь тобой, моя птичка. Что-же дальше? Его там общипали, разумѣется?

— Ну, еще-бы.. Всѣ казенныя спустил, а я виновата, для меня, видишь-ли. И стали меня упрекать

себя. Ты понимаешь, что я могла разсердиться?.. Отчитала их так, что прелесть, забрала узелок, сдѣлала глубокій реверанс и покинула свою трущобу. Цѣнишь-ты мою жертву, Леонид?

Он обхватил ее руками и крѣпко прижал к себѣ.

— Ну как не цѣнить? Куколка, птичка моя веселенькая. Давно-бы так. О свирѣпом чухонцѣ и говорить больше не стоит. Явится сюда, так спровадить я сумѣю.

Зиночка вскочила с диванчика и захлопала в ладоши.

— О, выбросить и я сумѣю, и еще как! Послушал-бы только, как я их отчитала. Чудо!.. Дураки, говорю, вы оба, разини и не про таких я, куколка, писана. За такія, говорю, дѣла, как ваши, под суд отдают и на жизнь право теряют... Ха, ха...

— Молодец куколка, знает и суд, право, и дѣла. Дай-ка ножку, поцѣлую ее за знанія.

— Что? Мою ножку будете цѣловать, да еще мнѣ в награду? Дудки... Вы ее заслужите...

— О, это я сумѣю... Пойдем квартиру осматривать..

— Уже все успѣла...

— Все, да не все... Ну пойдем... Полетим!

Сильными руками Бѣлокутскій поднял, как перышко, маленькую женщину и понес в уборную, к зеркальному шкафу...

Там он поставил ее на ножки и дал ей ключик на золотой цѣпочкѣ. Быстрым, кошачьим движеніем она открыла шкафик, скользнула взглядом по изящному бѣлью и другим принадлежностям дамскаго туалета и остановилась на элегантной рѣзной шкатулкѣ...

Бѣлокутскій добродушно хохотал, когда она жадными пальчиками раскрыла шкатулку и любовалась, ахая, брилліантами...

Только таких красивых алчных женщин знал и любил Бѣлокутскій...

Только одна, его красавица — жена, теперь его покинувшая, была иная... и много горя принесла она

ему, и Бог с ними, с такими „другими“ женщинами...

С этими весело, легко и пріятно.. А в голову полѣзет ненужное, так выпить шампанскаго двѣ-три бутылки, и уснут навязчивыя мысли, и снова будет весело... Под вліяніем этих мыслей, Бѣлокутскій нагнулся к Зиночкѣ и особенно крѣпко поцѣловал ея бѣленькую шейку...

Сама она, восхищенная брилліантами, уже запрокинув голыя руки, обнимала его..

— Леонид, милый, хорошій... Зато, как весело мы заживем. Я буду веселить тебя!..

— И не только меня, но всѣх моих друзей... У меня, вѣдь, есть интересные и богатые друзья... Я, вѣдь, не ревнив, Зиночка, и счастливой карьерѣ моей куколки препятствовать не буду...

Но Зиночка ручками зажала ему рот на полусловѣ...

— Гадкій, перестань, я люблю тебя, и других никого знать не хочу... Развѣ только... — добавила она лукаво, если велишь, для тебя пококетничаю и с другими...

Оба, смѣясь, руки об руки, они перешли снова в гостиную, гдѣ ждала их бутылка шампанскаго.

XII

Это „он.“

В уютной, роскошной квартиркѣ на Мойкѣ, нанятой и отдѣланной Бѣлокутским для Ротиковой, царило оживленіе... Зинаида Карповна давала свой первый карточный вечер.

Маленькая, элегантная квартирка вся была залита электричеством и убрана живыми цвѣтами.

В голландской столовой на мѣстѣ хозяйки, у серебрянаго самовара, возсѣдала госпожа Ротикова.

Из декольтированнаго платья, цвѣта сольферин, пикантно выглядывала ея свѣтлая, пышная головка, залитая брилліантами.

Гостей было немного, — всего пять, считая Бѣлокутскаго.

Но на каждом из них взор Зиночки останавливался с восхищеніем и мысленно она выбирала, котораго из них выгоднѣе и пріятнѣе подарить своим просвѣщенным вниманіем.

Справа сидѣл блестящій полковник Реин.

Ну, этот мало подходил для Зиночки, так как не был богат...

Слѣва — генерал Сомин, правда богатый и вліятельный, но черезчур старый и скупой.

Рядом с ним молоденькій дипломат; высокій, поджарый и близорукій, барон Кок, пожалуй, был бы тѣм, что нужно Зиночкѣ, если бы не строгіе родители и чрезмѣрная сентиментальность.

Пятаго гостя еще не было, но на него разсчеты были самые плохіе, в виду крайней его молодости и серьезной опеки, охранявшей милліонное наслѣдіе его прадѣдов.

Во всяком случаѣ кого-нибудь надо было выбрать и подцѣпить немедленно.

Денежныя дѣла Бѣлокутскаго были очень и очень плохи...

Госпожа Ротикова случайно подслушала его дѣловой утренній разговор с кредитором.

Оказывается, он весь в долгу и весь блеск, окружающій госпожу „Фу-ты Ну-ты“, может расплыться мгновенно, как струйка дыма.

Да, зѣвать ей не приходится и надо брать первое, что попадется.

Под вліяніем таких дѣловых мыслей, Зиночка начала усиленную „атаку“ на своих кавалеров, пускала в ход всѣ знакомыя ей чары кокетства... Личико разгорѣлось, глазки блестѣли, с алых губок рвался серебристый, шаловливый хохот.

В это мгновеніе раздался звонок, суетня в передней, звон шпор, доклад лакея, — „их сіятельство, князь Любецкій-Трувор“, и в столовую вошел высокій, стройный кавалерист, до того юный, что вмѣсто усов у него был только едва обозначавшійся пушок

на верхней губѣ, который он лихо ежеминутно покручивал.

Бѣлокутскій предупредительно бросился ему навстрѣчу, сильно пожал и потряс его руку, и фамильярно обхватывая его за талію, подвел к Зиночкѣ.

— Прошу любить и жаловать, мой первый друг, князь Константин Павлович Любецкій-Трувор. Милый князь, наша новая очаровательная звѣздочка Зинаида Карповна Ротикова. С большим brio, но с маленьким голосом, поет французскія шансонетки. Только берегитесь: очаровательная, но безсердечная кокетка, — с обычным ему шутовским юмором знакомил Бѣлокутскій Зиночку с князем.

Госпожа Ротикова вспорхнула со стула, чтобы дать возможность новому гостю полюбоваться своей воздушной фигуркой, а сама проницательно вглядывалась в его черты и думала:

— Какой он хорошенькій, чудо!.. Эти синіе, невинные глаза, этот свѣжій правильный рот... И не совсѣм такой юнец, каким его изображают, думаю, даже с характером. Сказочно богат, молод, красив, титулован, — другого такого не найдешь, искать не стоит, — надо этим заняться, да как слѣдует... Первая встрѣча, — почти все... Зѣвать не слѣдует.

Зинаида Карповна, плутовски улыбаясь, подала новому гостю тонкую ручку, просто гнувшуюся под тяжестью драгоцѣнных украшеній, и шаловливо усадила на свободный стул, как раз напротив хозяйскаго мѣста.

Она ему сразу понравилась, а это было полпобѣды...

— Извольте пить чай, князь, мною приготовленный и налитый, это обязанность всѣх моих гостей... Вы немного запоздали и картежники уже безпокоились. Послѣ чая можете играть. Только, господа, не слишком ли мало вас для баккара?..

— Какое баккара, Зинаида Карповна, — это дѣтская игра... Мы лучше сразимся в банк, будем по очереди закладывать. В эту игру такой маленькой

компаніей пріятно играть... — прошепелявил внезапно оживляясь генерал Сомин...

Всѣ перешли в гостиную, гдѣ карточный стол был уже раскрыт и приготовлен, а на серебряном блюдѣ возвышались цѣлыя горки нераспечатанных колод.

— Зинаида Карповна, примите участіе в игрѣ? Или только будете приносить нам счастье? — просюсюкал генерал Сомин.

— Всѣм принести счастье я все равно не могу, притом же на мнѣ лежит хозяйство, да и долгая игра меня утомляет, я буду мазать иногда, если позволите, — важно проговорила госпожа „Фу ты Ну-ты".

— Боже мой, — снова прошамкал старый генерал, — мы будем очень счастливы имѣть такого очаровательнаго игрока, мы всѣ готовы проиграть не только наше состояніе, но и самих себя, раз придется попасть в такія чудныя ручки.

Зиночка шаловливо потрепала старичка за ушко.

— Ну, ну, начинайте сражаться.

В отвѣт она получила дряблый, сухой смѣшок, сыпавшійся ей вдогонку, как горошинки, когда она убѣгала в столовую.

Игроки разсѣялись, карты были вскрыты, и банк вступил в свои права. Игра шла с перемѣнным счастьем.

Зиночка проскользнула в уборную и вертѣлась перед зеркальной стѣной.

— Нѣт, в самом дѣлѣ она прехорошенькая, и счастье само летит к ней в руки.

Князь не только ей „подходящій", но и нравится ей безусловно.

Зиночка оправила прическу, подпудрилась, улыбнулась, показывая зубки, и снова помчалась в гостиную.

Она повертѣлась то возлѣ одного, то возлѣ другого гостя, а затѣм сдѣлала маленькій, ловкій маневр и сѣла возлѣ князя Любецкаго-Трувор. Он держал банк и проигрывал. Возлѣ него лежала груда денег,

и глазки Зиночки проэкзаменовали ее и насилу от нея оторвались.

— Вам не везет, неправда ли? Вы всѣм отдаете карту за картой. Но я Маскотта и счастье повернется к вам с моим приходом.

— Раз вы сѣли около меня, то счастье уже со мной. А этим бумажкам, — презрительно махнул он на груду денег, — я придаю мало значенія, их у меня больше, чѣм нужно!!

Зиночка просто умилилась и еле удержалась, чтобы его не поцѣловать.

Вѣдь каков! Больше чѣм нужно этих бумажек, а? Ну развѣ не душка? Развѣ ей не подходит такой человѣк!?

— Ну, если вы так смотрите на деньги, так играйте во всю, а я буду вам помогать... Ха, ха, ха. Но вот этот бубновый король, на нем я обязательно выиграю. Вы позволите поставить против вас пятьсот рублей на короля.

— Пожалуйста.

Зиночка поблѣднѣла немножко и пристально слѣдила за картами.

— Ура, король мой! Позвольте получить пятьсот рублей. Удачно „примазала", — не умѣя скрыть своей радости, произнесла Зиночка.

XIV

Плотина прорвалась.

Карточная игра должна была прерваться на нѣкоторое время, так как лакей доложил, что ужин подан.

В этот вечер немилосердно везло старому генералу и барону Кок, особенно послѣднему.

Сильно проигрался князь Любецкій-Трувор, но его юное, розовое лицо было спокойно и беззаботно.

Как ни старался, он даже не проиграл четверти того, что было у него в карманѣ.

За то Бѣлокутскій, проигравшій все, что сегодня достал с таким трудом у ростовщика на большіе проценты, был как то особенно блѣден, и нервныя, чуть замѣтныя подергиванія то и дѣло пробѣгали по его лицу.

Выигравшіе были, конечно, особенно в духѣ, а полковник окончившій игру пустяками, находился в своем обычном состояніи полнаго равновѣсія.

Зинаида Карповна Ротикова, с большим искусством вошла в роль хозяйки богатаго дома и с любезной, кокетливой улыбкой попросила всѣх к ужину.

Ловко маневрируя, она усадила возлѣ себя с одной стороны князя Любецкаго-Трувора, с другой—барона Кок.

Бѣлокутскій у закусочнаго столика поглотил нѣсколько рюмок англійской горькой, но оставался таким же блѣдным и с напускной веселостью занял мѣсто на другом концѣ стола. Ужин был тонкій, во французском вкусѣ, вина поражали обиліем сортов. Ѣли не особенно много, но выпивкѣ отдавали должное.

В серединѣ ужина подали замороженное шампанское, и Зиночка нашла нужным собственной ручкой разливать его в бокалы гостей.

Бесѣда завязалась шумная, особенно много хохотал и острил Бѣлокутскій... Один только барон Кок был задумчив и молчалив и, казалось, даже не прислушивался к всеобщей бесѣдѣ.

Уже не раз летѣли по его адресу тонкія, легкія насмѣшки и язвительные взгляды со стороны Бѣлокутскаго, но как будто не долетали.

И это равнодушіе, эта задумчивость гостя, которому случай помог совершенно обыграть хозяина, раздражали Бѣлокутскаго.

Наконец, когда барон Кок, еле притронувшись к бокалу шампанскаго за здоровье Зинаиды Карповны, поставил его на мѣсто, Бѣлокутскій встал и, высоко поднимая свой бокал, отчетливо произнес:

— Милѣйшій барон, конечно, Зинаида Карповна очаровательная женщина, но не на столько задѣвает

ваше воображеніе, чтобы выпить полный бокал за ея здоровье... Может быть, если я предложу вам дополнить начатый бокал и выпить за ум, красоту и добродѣтели Викторій Бѣлокутской, вы не откажетесь осушить его до дна.

Барон Кок вздрогнул от неожиданности и слегка поблѣднѣл: но голос и присутствіе духа ему не измѣнили, он открытым твердым взгядом выдержал наглый, полупьяный взгляд Бѣлокутскаго.

— С удовольствіем, милѣйшій Леонид Николаевич... Послушай, любезный, — обратился он к лакею, — долей мой бокал.

И снова повернул свой взгляд к Бѣлокутскому.

— За здоровье вашей супруги, красивѣйшей и достойнѣйшей из всѣх женщин, которых я знаю.

Барон Кок выпил свой бокал до капли, а Бѣлокутскій из блѣднаго сдѣлался багрово-красным и выплеснул свое вино через плечо.

Он больше не мог владѣть собой: винные пары и горечь, таившаяся на днѣ его сердца, прорвали плотину.

— Красивая, да, — но не достойная. Я, как муж, обманутый и брошенный, имѣю право судить ее... Да, совершенно вѣрно, я дѣлал грубыя ошибки в нашей совмѣстной жизни, но кто-же, как не наши жены, не матери наших сыновей, должны нас прощать и всепрощеніем заслуживать наши сердца... Правда, правда я кутил, я пьянствовал даже, я окружал себя кокотками... Но я был молод, я всепрощенія от нея добивался, а не ледяной гордости, не королевскаго величія... Куда же дѣвалось все это достоинство и величіе, когда она бросила свой дом, своего мужа, своего сына и помчалась по первому зову чуждаго ей человѣка? Она получила свою награду: он ее вышвырнул через мѣсяц и отказался от дуэли со мной. Так вот к чему она перешла теперь? Ѣздит по общественным балам, заговаривает с интересными незнакомцами, открывает им с перваго раза свою душу,

которая в продолженіи пяти лѣт закрыта была для мужа. Я был шальной, я был кутила, но я любил ее, любил, — повторил как-то болѣзненно Бѣлокутскій, ударяя кулаком по столу. — А вы всѣ, — сверкая глазами, обратился он к барону Кок, — а вы всѣ . . . вам нужно только ея тѣло, ея позор!

Барон Кок всѣм существом своим впивался в каждое слово Бѣлокутскаго.

Он крѣпко, до боли сжимал свои руки, всѣми силами стараясь сохранить молчаніе... Нѣсколько раз он дѣлал движеніе, как бы желая встать, крикнуть что-то в отвѣт в зашиту очаровательной женщины и почти нечеловѣческим усиліем воли все-таки сохранял свое молчаніе.

Но тут, в послѣдней фразѣ, Бѣлокутскій прямо задѣвал его; оскорбительное „вы всѣ", взгляд, брошенный в упор, жест, направленный прямо на него, — все это было уже слишком.

И барон встал без кровинки в лицѣ и со спокойствіем бѣшенства звонко произнес:

— Я еще раз повторяю, господин Бѣлокутскій, что ваша бывшая жена достойнѣйшая женщина... В этом для вас, как для мужа, ничего не должно было быть оскорбительнаго. Но во всяком случаѣ в тот день, когда своим позорным поведеніем вы довели несчастную женщину до бѣгства из собственнаго дома, — вы потеряли всякія права защищать ее... Я же, как всякій порядочный мужчина, вступаюсь за нее, за обиженную женщину... Я прошу вас, г. Бѣлокутскій, болѣе не оскорблять в моем присутствіи Викторію Адольфовну, иначе вы будете дѣло имѣть со мной. Как человѣк воспитанный, я старался не замѣчать всѣх ваших язвительных намеков, которыми вы осыпали меня в вашем же домѣ. А теперь позвольте мнѣ удалиться; мнѣ слишком непріятно ваше общество. Пред вами, господа, я извиняюсь за эту вынужденную некрасивую сцену.

Барон Кок общим, корректным поклоном простился с присутствующими и своей спокойной,

изящной походкой направился к дверям передней.

Бѣлокутскій слушал его, закусив губу до крови и ежеминутно нервной рукой взъерошивая волосы.

Каждое слово, произнесенное бароном Кок, наносило ему острую боль, но он с каким-то наслажденіем старался не проронить ни единой фразы и только, когда барон Кок направлялся к выходу, он рѣзко и неожиданно рванулся с своего мѣста и загородил ему дорогу.

— Стойте, ни шагу! Рыцарскій защитник моей собственной жены! Нѣт, нѣт, милостивый государь, бѣглая или покорная, она все-таки моя жена . . . Не только ваша защита, но даже имя ея в ваших устах для меня оскорбленіе... Вы смыть его должны своею кровью или моей . . .

— Я всегда, в любой день, к вашим услугам . . . Вы знаете мое имя и мой адрес.

Всѣ присутствующіе, сначала ошеломленные, напряженно прислушивались к неожиданной ссорѣ, перешедшей в такую острую форму. Первый опомнился полковник Реин... Он шумно отодвинул свой стул и подошел к Бѣлокутскому...

— Леонид, голубчик, что с тобой, перестань . . . В своем собственном домѣ затѣваешь ссору со своим гостем из-за каких-то пустяков . . . Перестань, стоит ли горячиться?.. Да и вы, барон, хорошо знаете нашего добраго, чрезмѣрно вспыльчиваго друга . . . Надѣюсь, вы не обидѣлись.

Барон холодно отвѣтил:

— Вы были свидѣтелем всей сцены, и вам я поясненій дѣлать не буду... Больше я здѣсь не останусь, ибо мое присутствіе непріятно хозяину дома . . . Право дать какой либо конец всей этой странной размолвкѣ предоставляю господину Бѣлокутскому . . . Сам, конечно, секундантов не пошлю, но от дуэли уклоняться не буду . . .

И снова, глубоко поклонившись всѣм присутствующим, барон прошел в переднюю.

Бѣлокутскій больше его не удерживал . . .

Послѣ ухода барона, настало неловкое молчаніе, и через нѣсколько минут стали прощаться и остальные гости . . .

— Князь, — обратился Бѣлокутскій к Любецкому-Трувор, — я попрошу тебя остаться на десять минут.

Князь кивнул головою в знак согласія. Бѣлокутскій, слегка покачиваясь, проводил генерала Сомина и Реина до передней.

Реин сухо с ним простился.

— Не одобряете моего поведенія? — с кривой усмѣшкой сбравировал Бѣлокутскій.

— Мое дѣло молчать, но, раз спрашиваете — конечно . . . задѣвать своего гостя ни за что, по моему, безсовѣстно, Леонид . . . Не умѣешь владѣть собой, — не пей много вина.

— Не суди меня строго, Александр . . . Глубоко запала в душѣ моей рана, но не заживала никогда... Кровь скопилась и нашла себѣ выход. Я буду с ним стрѣляться... Я сознаю, что неправ и вмѣстѣ с тѣм сознаю, что это послѣдній мой бой... Коли не встрѣтимся, — лихом не поминай . . .

Голос Бѣлокутскаго дрогнул и Реин еще раз, но крѣпче и теплѣе пожал, его руку...

Сомин еще не опомнился от блаженства послѣ крупнаго выигрыша и занятый им всецѣло, мало вниманія удѣлял ссорѣ... Теперь, прощаясь, он просюсюнил:

— Не надо, милый молодой человѣк, так горячиться... Это все пройдет с годами... Кровь бурлит. До свиданья, не забудьте меня пригласить, когда опять будете сражаться на зеленом полѣ; только эти скромныя битвы еще меня прельщают . . . До свиданья . . .

Дверь за ним захлопнулась, и Бѣлокутскій вернулся в гостиную и прямо подошел к госпожѣ „Футы Ну-ты".

— Зинаида Карповна, пройдите, пожалуйста,

к себѣ: мнѣ надо сказать нѣсколько слов князю наединѣ.

Зиночка молча, с легким вздохом, успѣла-таки пококетничать глазами с юным князем и задержать его пожатіе, потом она порхнула в свои комнаты.

— Наш разговор короток, милый Константин. Я прошу тебя и нашего товарища Критскаго быть моими секундантами и завтра же в девять утра переговорить с бароном. Вижу, ты собираешься меня отговаривать. Напрасно . . . Не трать слов. Я тебѣ, как мужчина — мужчинѣ говорю: я это рѣшил непреклонно и не отступлю. А теперь... я не задерживаю тебя, — поѣзжай прямо к Критскому, теперь уже поздно, и он или спит или скоро вернется . . . Ну, до завтра. Жду вас от барона ко мнѣ завтракать.

Товарищи обмѣнялись крѣпким рукопожатіем, и князь, дав слово исполнить порученіе Бѣлокутскаго в точности, уѣхал. Леонид Николаевич сейчас же направился в комнаты Зины.

Она уже сбросила платье, распустила волосы и улеглась в свою широкую бѣлоснѣжную постель.

— Хороши, нечего сказать . . . Вот так веселье! В первый же вечер устроили адскій скандал . . . Любит жену, ревнует ее, так не сманивал бы чужих „жен“.

— Молчи, — рѣзко оборвал ее Бѣлокутскій, — не болтай о том, чего не понимаешь...

И прибавил много мягче.

— У меня дуэль, Зина . . . Буду ли я жив или мертв, тебѣ, все равно, я уже безполезен . . . Кромѣ долгов — у меня ничего . . . Квартира на твое имя; вещей и брилліантов тут тысяч на тридцать . . . Конечно, при продажѣ этого не дадут... Но зачѣм тебѣ переѣзжать отсюда? Квартира удобная, уплочено за четыре мѣсяца вперед; денег дам тебѣ еще пять тысяч, и ты не пропадешь. Головка твоя красивая и прак-

тичная, а сердечко маленькое и холодное: за тебя я не боюсь. Спокойной ночи, Зина.

XV

Оскорбленная мать.

Утро было пасмурное, хлопья снѣга стучались в окна. Тускло проникали лучи солнца, притаившагося в туманном небѣ, и бросали свой печальный свѣт.

Настенька, уже одѣтая и причесанная, одиноко сидѣла в кабинетѣ Реина, безнадежно опустив бѣлокурую головку на руки, вытянутыя на письменном столѣ.

Она была блѣдна, против обыкновенія, и легкая синева окружала ея глаза.

Все то, что случилось за эти сутки в ея жизни, как-то странно отступило на второй план и только одна мысль неотступно стучалась в голову.

Сегодня утром, может, через час, ея мать получит роковое письмо, посланное вчера по почтѣ, ея несчастная мать, которая всю эту ночь не смыкала глаз, ожидая свою дочь...

Реин только вечером сообщил Настенькѣ, что письмо послано по почтѣ и убѣждал ее не горячиться. Вѣдь сдѣлано это ей же на пользу.

Мать в полном отчаяніи будет рада даже и такой вѣсточкѣ и скорѣе примирится с совершившимся фактом.

На Настю дѣйствовали слова Реина, как слова гипнотизера...

Да и весь вчерашній день, вся эта ночь, развѣ это не гипноз?

Повиновалась его словам, без сопротивленія отдалась его ласкам, а теперь . . . теперь ужь поздно итти назад . . .

Долго спал он... и долго сидѣла она так... Наконец, Реин проснулся и открыл глаза...

Все вспомнилось сразу, вся его полная побѣда над Настенькой и довольная улыбка заиграла на его устах...

Нѣжность к молодой дѣвушкѣ наполняла его . . . В самом дѣлѣ, как он влюблен в нее! . . Но куда же она дѣвалась? Тут, в комнатѣ, ея нѣт . . . Куда же она дѣвалась?

Реин вскочил, наскоро одѣлся и вошел в кабинет...

Настенька все так и сидѣла, склонив головку на руки...

Александр Иванович потихоньку подошел к ней и нѣжными поцѣлуями покрыл ея затылок . . .

Молодая дѣвушка быстро встала; яркая краска залила все ея лицо до корней волос; даже слезы проступили на глазах.

— Ну, полно, дѣвочка моя, дорогая... Вѣдь моя теперь, навсегда... На всю жизнь и я . . . я тоже весь твой... Если-б ты знала, как ты мнѣ дорога, как безумно мы будем счастливы... Все, все наладится и устроится, только вѣрь своему другу.

Реин нѣжно усадил ее в кресло и сам побѣжал на кухню, чтобы чай был скорѣе подан...

В кабинетѣ с круглым столиком денщик с добродушной физіономіей накрыл овальный столик чистой скатертью и внес блестящій мѣдный самоварчик. Когда посуда, булки и масло были уже на столѣ, Реин с улыбкой поднял Настеньку и усадил ее у самовара.

— Ну, моя дорогая хозяюшка, за дѣло . . . Завари-ка чай по вашему, по московски; говорят, много лучше нашего, петербургскаго.

Время летѣло незамѣтно и воркованіе голубков прервал рѣзкій, сильный звонок.

— Мама! — прошептала, блѣднѣя и роняя ложечку, Настенька.

Реин быстро встал.

— А, может, и не она! . . А по дѣлу . . . кто-

нибудь... Во всяком случаѣ, пройди в ту комнату, я встрѣчу...

Настя неровными быстрыми шажками направилась в спальню. И вдруг остановилась у порога.

— Если мама, вы меня позовите... Я буду с ней говорить, а не вы, — твердо и рѣшительно проговорила она почти тоном приказанія.

„Ого, какая!" — подумал Реин и поспѣшил в переднюю. Там уже горячился барон фон-Шмель.

— Подумайте, любезнѣйшій полковник, ваш абракадабр меня не пускает. Вы являетесь просто спасителем. Здравствуйте, здравствуйте. Ах, не жмите так мнѣ руку... Геркулес... Надѣюсь можно пойти к вам?

— Извините, пожалуйста, снимайте ваше пальто, и милости прошу.

Барон фон-Шмель снова зашепелявил, уже уходя в кабинет.

— Говорю ему, — назначено, а он этакій аргонитавр не пускает... Что это, уж не фею ли какую-нибудь вы завели? Ну, да, конечно. Ах, я простофиля, — тут чай пили вдвоем с кан...

У Реина лицо стало строгим и внушительным, а барон остановился на полу-словѣ.

— Это вас не касается, милѣйшій барон, — чему я обязан удовольствіем вас видѣть?

Фон-Шмель снова оживился.

— Ах, sapristi, милѣйшій полковник, развѣ вы забыли? Вѣдь моя невѣста, будущая... будущая моя красавица — милліонерша ждет нас сегодня. Вы обѣщали, я надѣюсь и...

Барон просто захлебывался от желанія представить блестящаго полковника своей дамѣ. Реин улыбнулся.

— Ну, конечно, я обѣщал и мы поѣдем посмотрѣть вашу невѣсту, будущую, будущую вашу красавицу-милліонершу. Только не рано ли? Она спит еще.

— О, что вы, она встает с птицами, раньше птиц. Хе, хе, хе, теперь час уже, милѣйшій полков-

ник, а в началѣ второго нас ждут к завтраку. Какіе завтраки, какія вина, о кусь, кусь!..

— Удобно ли так, прямо?

— О, еще бы, еще бы, без церемоніи. Вѣдь эта моя будущая, будущая!.. Ну-с, allons.

Реин задумался.

— До свиданья, до свиданья, так как мы с вами больше не увидимся, милѣйшій полковник, наединѣ, так нельзя ли того, хе, хе, понаблюдать, какое впечатлѣніе я на нее произвожу, и нельзя ли мнѣ, того, попытать счастья рыбку словить на законном основаніи. Ну, до свиданья, до свиданья, я бѣгу; да не жмите так руку, чорт возьми, скорѣй бы уж вас в генералы произвели.

— Надоѣл он тебѣ, милая птичка? Этакіе вот типы попадаются! И нашлась уже красавица-милліонерша, которая рѣшилась выйти за него замуж... Ну, да не в нем дѣло, а вот непріятно, что волей неволей придется покинуть тебѣ на часок... Давно уж я дал слово, еще на балу у генеральши Знамен, этому пижончику ѣхать сегодня к его невѣстѣ... Что дѣлать! старый собутыльник, другом считается... Свѣт часто налагает на нас скучныя обязанности.

— Ну, конечно, поѣзжайте Александр Иванович, я почитаю тут что-нибудь и подумаю.

— О, библіотека у меня прекрасная! А вот думать так совсѣм не нужно... Вчера мнѣ Настенька себя подарила и думать за нее теперь буду я.

Вскорѣ Реин был одѣт и. блестящій, красивый стал прощаться с Настенькой.

Реин уѣхал, и Настенька осталась одна...

Она машинально перелистывала книгу, которую Александр Иванович положил ей на колѣни; но даже не посмотрѣла заглавія, а по красивым картинам Доре только скользнула разсѣянно глазами.

Реин ушел и оставил ее одну в первое же утро, ничѣм, ни одним словом, ни одним намеком не затронув жгучаго для нея вопроса.

Ах, терпѣніе, терпѣніе, неужели даже на один день его не хватает?

Нѣт, она, Настенька, должна взять себя в руки, должна любить, должна вѣрить любимому. — Пусть всѣ, весь мiр придет и ее разубѣждает, будет вѣрить только себѣ самой... А если сил не хватит, то есть Бог, который их даст.

Книжка безшумно соскользнула с колѣн молодой дѣвушки на ковер, к ея ногам, но Настенька этого не замѣтила; она судорожно сжала свои руки и горячая мольба летѣла туда, далеко. Она прорывалась сквозь оконныя стекла, подымалась выше над мрачными, высокими домами, минуя их, смѣшивалась с безвоздушным пространством и, тѣсно сплотившись с ним, достигала к престолу Всевышняго.

Тихiй, какой-то жалобный звонок прервал молитву молодой дѣвушки. Сердце ея как будто упало; вся блѣдная, она прислушивалась.

Вот тяжелые, неторопливые шаги деньщика.

Вот упал болт и глухо ударился о деревянную дверь. Вот щелкнул два раза ключ, и дверь раскрылась.

Настенька замерла в ожиданiи.

Вот голос, знакомый голос, который напрасно старался быть строгим и твердым; он вздрагивал и обрывался.

— Могу я видѣть полковника Реина?

— Никак нѣт, — их дома нѣт.

Голос снова дѣлает усилiя быть твердым и спокойным, но сразу обрывается.

— Ну, а барышня, которая вчера сюда прiѣхала... дома?

— Никак нѣт, никого дома нѣт.

— Позвольте мнѣ пройти и оставить записку...

— Никак нѣт, пущать никого не велѣно.

— Но мнѣ нужно, очень нужно.

— Все равно не могу, барыня; не пытайтесь, не велѣно пущать и не пущу...

Настенька слышит каждое слово. Уже давно всей душой стремится она на помощь своей матери, но страшное волненiе лишает ее возможности дви-

гаться и, перехватив горло, дѣлает неслышными слова, которыя срываются с ея блѣдных уст.

XVI

Будущая.

Тщетно старалась мать Настеньки увидать свою дочь. Окончательно теряя терпѣніе и силы, она гнѣвно воскликнула:

— Ну, так ты передай, гадкій человѣк, передай этой барышнѣ, что мать ея приходила проститься с ней, что она позора своего пережить не может. А барину своему передай, что я его проклинаю...

Мать Насти, очевидно, уходила навсегда с проклятіями на устах, с угрозами, в полном отчаяніи, с желаніем умереть...

И Настя поборола страшную силу, которая лишила ее дара слова и движенія.

Она порывисто рванула дверь и громко позвала:

— Мама, мама!

И так как упрямый деньщик все еще стоял, как вѣрный страж у двери, Настя с силой его оттолкнула и за руку ввела свою мать в кабинет Реина.

Толстая, важная генеральша быстрым взглядом окинула холостяцкій кабинет и свою единственную дочь, почти ребенка, цвѣтущія щечки которой были покрыты смертельной блѣдностью, а всегда улыбавшіяся румяныя уста запеклись в горькой улыбкѣ...

И генеральша мать не сказала ни слова; она грузно опустилась в глубокое кресло и, тяжело склонив сѣдую голову, громко и жалобно зарыдала.

Настя растерялась, молчала, потом с ласками и поцѣлуями бросилась к ногам своей матери.

Догадливый деньщик со стаканом холодной воды стоял у дверей, вытянувшись в струнку, и с глубоким состраданіем смотрѣл на обѣих женщин...

Он тоже соображал по своему.

— „Эта“ не такая, как тѣ мамзели и мадамы, которыя нерѣдко хаживали к барину... С этой и сам барин по другому... „Тѣ“, окаянныя, чтобы им пусто было, и прыгали, и пѣли, и плясали, и напивались до чортиков, а „эта“ бѣдняжка плачет горючими слезами... Право, стыдно барину обижать и губить невинную душу...

Генеральша замѣтила посторонняго человѣка; она вытерла слезы и протянула руку за стаканом воды. Большими глотками осушив ледяную влагу, она как-то сразу успокоилась и проговорила:

— Ты, любезный уходи отсюда.

И когда денщик послушно вышел, она твердо и рѣшительно обратилась к дочери:

— Что было, что случилось, — того уж не вернешь, Настя... Одним необдуманным поступком ты погубила себя и лишила себя права выйти замуж... Но честь своей матери и своего покойнаго отца ты еще можешь спасти; никто не знает о твоем безумном поступкѣ, я увѣрила всѣх, что оставила тебя в гостях ночевать. Собирайся и ѣдем сейчас со мной... Слышишь, Настенька?

Молодая дѣвушка печально поникла головой.

— Мама, — сказала она тихо, но твердо. — Я выбрала свою участь, я рѣшила и ничто и никто не могут взять меня отсюда. Но выслушай меня, мама. Я люблю Александра Ивановича и рано или поздно буду его женой: он мнѣ это обѣщал.

Генеральша рѣзко и быстро встала и от прерывистаго дыханія, высокая грудь ея вздымалась.

— Я ничего не хочу слушать, Настя... Я еще раз и послѣдній тебѣ повторяю: сейчас же одѣвайся и иди со мной!..

— Моя любовь не игрушка, мама. Я только раз и навѣки могу отдать свое сердце и всю себя.

— Так ты отказываешься? Ты не пойдешь?

— Я не пойду, мама.

Генеральша-мать сдѣлала шаг вперед и проговорила прямо в лицо своей дочери:

— Ну, так прощай. Забудь, что у тебя есть мать

и дом. Разрѣшаю тебѣ переступить порог моего дома только тогда, когда выйдешь замуж, а до тѣх пор у тебя нѣт матери.

Настя отступила и, блѣдная, произнесла.

— Я больше никогда к вам не вернусь.

И все время, пока мать ея медленно уходила, пока открывалась дверь и снова захлопнулась, молодая дѣвушка стояла неподвижно, крѣпко прижимая руки к нывшей от нравственной боли груди.

Денщик проводив мать-генеральшу, возвратился в кабинет.

— Что это, барышня, маменька так скоро ушли, сердитыя такія. Али обидѣли их чѣм?

И так как Настя молчала, он прибавил:

— Может, самоварчик? Чайку бы выпили, согрѣлись. Там его высокородіе закусок всяких накупили для вашей милости, сластей. Я принесу.

Настя все молчала, не слыша его слов... Она стояла не шевелясь, устремив взор в одну точку... Она переживала свое горе...

Денщик объяснил все иначе...

— Молчит, значит — сконфузилась... А все же принесу... Пусть полакомится, бѣдная... Не легко ей...

И проворный, как всегда, он поспѣшил за лакомствами...

А Настя думала:

„Кончено, все кончено с прошлым... Поймет ли, Александр, какую жертву я принесла ему, как мнѣ больно, как тяжело?.. И что ждет меня впереди?.. Радость, счастье, жизнь душа в душу или... могила?.. — повторила она мысленно...

Когда денщик возвратился в кабинет с подносом в руках, установленным лакомствами, Настя стояла все на том же мѣстѣ, только закрыла лицо свое руками.

Денщик поставил все на стол и, кивая головой, поглядывал на барышню...

Рѣзкій, нетерпѣливый звонок возвращавшагося

К-ее Сэ

Реина не дал ему возможности вступить с нею в бесѣду, „уговорить“ ее по своему...

. . . .

Между тѣм полковник Реин, подъѣхал к дому на Колокольной, гдѣ квартировала вдова Маслина.

Завтрак был уже сервирован и Реина провели прямо в столовую, так так хозяйка и барон фон-Шмель уже закусывали.

Настоящая, хотя и грубая роскошь так и била в глаза и по достоинству была оцѣнена Реиным. Хозяйка дома встрѣтила его у порога столовой, и ея эффектная внѣшность, ея кричащій, дѣйствительно дорогой туалет и поразительные бриллiанты, так же как и обстановка, сразу ударили в голову Реину.

Сегодня Елена особенно постаралась принарядиться.

Елена, со свойственной ей вакхической улыбкой, обнажая ряд крупных жемчужных зубов, протянула холеную, унизанную драгоцѣнными кольцами руку Реину.

— Уважаемый полковник, я очень счастлива видѣть вас у себя и раздѣлить с вами мою скромную хлѣб—соль... Вашему другу незачѣм представлять вас мнѣ; я вас знаю очень хорошо по разсказам... Я знаю ваше прошлое, настоящее и даже мнѣ описали вашу наружность... Хотя... хотя вы совсѣм не такой, каким я ожидала вас видѣть...

Реин галантно прижал к губам красивую, „дорогую“ руку и проговорил с легкой насмѣшкой:

— Я очень рад и счастлив, что заслужил нѣкоторое вниманіе такой очаровательной женщины... Не знаю, что вам обо мнѣ разсказывали, но раз ошиблись в моей наружности тѣ, которые вам меня рисовали, то уж в описаніи моей жизни они, конечно, были болѣе, чѣм неточны... А вы, глубокоуважаемая Елена Игнатьевна, уж потрудитесь сами составить обо мнѣ мнѣніе... Что касается меня, то я слышал о вас такіе восторженные отзывы из уст барона, что признаться не вполнѣ ему довѣрял... Теперь же я ошеломлен той блѣдностью, с какой был нарисован бароном ваш

заочный портрет... Сам не нахожу достаточно сильных слов в своем лексиконѣ и прошу вѣрить только моему вздоху... который вам скажет, вѣроятно, еще больше, чѣм моя длинная, неумѣлая рѣчь.

Польщенная хозяйка дома милостиво приняла руку, предложенную ей блестящим гостем.

— О, вы большой льстец, — сказала Елена, усаживая гостя по лѣвую свою руку, тогда как по правую уже возсѣдал, блистая моноклем, барон фон-Шмель.

— Здравствуйте, здравствуйте, еще раз здравствуйте, милѣйшій полковник... Неудачно пришел я сегодня к вам. Звоню — не открывают... Вошел — не впускают, а вылетѣть пришлось совсѣм, как бомбѣ... Да, очаровательная Елена Игнатьевна, совершенно как бомба... Как это говорит знаменитая русская пословица: „не в пору татарин — хуже гостя"... Я был татарином, совсѣм татарином в этом случаѣ... Наш серьезный полковник оказался сладострастным павіаном... У него была заперта...

— Я вас уже просил, барон, — строгим, сердитым голосом отчеканил Реин, — не заниматься моими личными дѣлами... На этот раз вы жестоко ошиблись: в моей квартирѣ женщины не было, а в другой раз могут и быть; но в моем домѣ онѣ под моей защитой и говорить о них вам не придется.

Затѣм, быстро мѣняя тон, Реин прибавил шутливо:

— А теперь, милѣйшій барон, выпьем за здоровье хозяйки.

Инцидент был исчерпан и завтрак прошел в веселой болтовнѣ, поражая своей изысканной роскошью.

Елена то и дѣло вскидывала свои глаза на Реина.

Какой он блестящій, красивый, выдержанный! Просто глаз не хочется оторвать.

Послѣ завтрака в роскошный будуар хозяйки перешли пить кофе и Реин встал, чтобы проститься.

Елена не удерживала.

— Милый барон, — сказала она, — вы поскучай-

те тут минутку. Я сейчас же вернусь к вам, только провожу вашего друга полковника, а то боюсь, что в первый раз он запутается в амфиладѣ моих комнат.

И, не ожидая отвѣта, она смѣло взяла под руку Реина и вышла с ним из гостиной.

— Вы спѣшите, полковник, и я вас не задерживаю, но я думаю у вас найдется минутка — другая, чтобы осмотрѣть мою квартиру. Право же, у меня есть вещицы, достойныя вниманія.

— С удовольствіем, Елена Игнатьевна.

И они пошли по амфиладѣ роскошных комнат.

Елена то тут, то там останавливалась и показывала своему гостю рѣдко художественныя вещи; крупныя цифры так и сыпались из ея уст.

— Мой бѣдный покойный муж был большой любитель разных шедевров и покупал их без конца... Такіе богатые люди бросают деньги без счета. И он был прав... Вот теперь его уж нѣт, и я одна владѣю всѣми богатствами... Ах, к чему они? Я не проживаю и маленькой части того, что получаю ежегодно. Да, тратить деньги тоже надо умѣть!.. Скучаю, полковник, ах, как скучаю...

Реин был прямо ошеломлен и восхищен этим колоссальным богатством.

— Я собираюсь повеселиться немного, милѣйшій полковник, и надѣюсь, вы поможете мнѣ... У вас так много знакомых, друзей, вы все умѣете... Ну вот и передняя... Теперь передаю вас этому черкесу... Итак, я могу надѣяться на вас и вашу помощь?

Реин низко склонился, цѣлуя ея руку.

— На все мое вниманіе, Елена. До скораго свиданья.

XVII

Золото и слезы.

Реин, выйдя из роскошнаго дома на Колокольной сѣл в пролетку и, не торгуясь, приказал ѣхать домой.

Он все еще был как в туманѣ от видѣнной им роскошной обстановки, от слышанных им крупных цифр, которыя, как бы шутя, слетали из уст хозяйки дома.

Да, везет же людям! На что ей, этой одинокой женщинѣ, безумныя богатства, которыя ей бросила к ея ногам капризница-судьба?

Образ Елены, как живой, встал перед глазами Реина... Высокая, роскошная женщина, одѣтая с царским великолѣпіем, с лицом и формами вакханки...

И тут же рядом, помимо его воли, сквозь туман его памяти, выплыл сначала неясный, а потом с каждым мгновеніем все болѣе и болѣе рельефный образ Настеньки.

Как огневая искра, пролетая мимо сухой соломы, зажигает ее и превращает в горящую груду, так этот образ мгновенно зажег душу Реина.

Через четверть часа он уже звонил у своей двери.

Денщик открыл ему в первый раз с хмурым, сердитым лицом.

Реин мало обратил на это вниманія: он торопливо снимал свою шинель и на ходу спрашивал:

— Ну, что барышня? Как? Никуда не виходила? Был ли кто-нибудь?

Денщик отвѣтил, не глядя на барина:

— Мамаша ихняя были, плакали и ушли. Барышня тоже плачут; никаких ваших счастей не хотят...

Реин торопливо открыл дверь кабинета и застал Настеньку неподвижную, с застывшим от горя лицом.

— Прости, моя золотая, моя птичка, я опоздал... немного. Этот глупый барон... — нѣжно залепетал Реин, опускаясь к ногам молодой дѣвушки и цѣлуя ея ручки.

Настенька осторожно, но твердо отстранила его и попросила ее выслушать серьезно.

— Сейчас была моя мама... Она убита моим бѣгством... Она мнѣ все прощала и, ради памяти отца,

молила вернуться в ея дом.., Никто еще ничего не знает. И тѣнь еще не наброшена на мое имя...

— И ты? — блѣднѣя спросил Реин.

— И я отказалась уйти с нею... Я сказала, что люблю вас, Александр, и сердца своего взять назад не сумѣю. Я сказала, что вѣрю вам, отдаю вам всю мою жизнь и навсегда остаюсь под вашей защитой... Между нами один только судья и свидѣтель — Господь...

Реин снова рванулся к ней со словами благодарности и любви.

— Нѣт, Александр, теперь оставьте меня... Я так устала, мнѣ нужно отдохнуть, побыть одной.

И Настенька направилась в другую комнату, в спальню.

На порогѣ она остановилась на минуту, как бы в нерѣшительности.

— Вы, — вам ничего не нужно сказать мнѣ. Александр? — дрожащим, взволнованным голосом спросила она:

— Я боготворю тебя, Настенька, — пылко сказал Реин, — этим все сказано.

Она постояла еще у порога, как бы в ожиданіи чего-то, и потом с глубоким вздохом повернулась и скрылась за дверью спальни.

Реин грустно посмотрѣл ей вслѣд. Он отлично понял, чего ей было надо, чего она ждала, какого слова, и как раз этого слова он ей сказать не мог . . .

Свадьба!.. Закон!.. Вот чего ей надо; но этого нельзя, нользя!...

Благоразуміе не позволяет, бѣдность, необезпеченность! . .

И опять, помимо его воли, роскошная квартира на Колокольной стала рисоваться воображенію Реина.

Вот это жизнь!.. Роскошь, удобства. Какой завтрак, вина!.. Нѣт желанія, котораго нельзя было бы не исполнить... Все, все...

Проклятая баба эта Маслина, дура купчиха. — на что ей все это?

Как бы он Реин сумѣл распорядиться по своему ея богатством!..

— Я люблю ее и буду любить, но сумасшествовать ни себѣ, ни ей не позволю.. Я не знаю еще как, но сумѣю устроить жизнь так, чтобы овцы были цѣлы и волки сыты...

. . . .

Барон фон-Шмель засидѣлся у госпожи Маслиной послѣ завтрака...

Он говорил ей свои обыденные до приторности комплименты, а она ловко разспрашивала его про Реина.

— Знаете, барон, я вам очень благодарна, что вы представили мнѣ полковника... Он такой блестящій, интересный... Скажите, он богат?

— Я, кажется, начну вас ревновать, божественная, к этому акромидавру — Реину... Богат ли он?.. Нѣт, божественная, акромидавр бѣден, как подпольная крыса... Блеск его только наружный... А что касается женщин — большой ходок... Сегодня заѣзжаю за ним, подумайте, в спальнѣ заперта какая-то канашка... Увѣряет, что нѣт... Меня?.. а?.. У меня же нѣт носа?.. а?.. Шляпа в передней и калоши с почти дѣтской ножки... Элегантныя перчатки... На столѣ, в кабинетѣ два стакана чаю и все для двоих, хе, хе, хе... И злится же он, когда ему напоминаешь!...

Мадам Эжени прервала монолог барона.

— Сопѣев с дочерью пріѣхал. Может ли мадам его принять?

— О, еще бы, просите непремѣнно... — весело отвѣтила Елена и заторопилась навстрѣчу новым гостям.

— Никогда я ее не выучу быть свѣтской, — с отчаяніем подумала Эжени, — помчалась, как дѣвчонка навстрѣчу, никакого достоинства и такта!

— Это что же, мадам Эжени, — просюсюкал барон, — наш извѣстный купец Сопѣев, сказочно богатый?

— Да, это он, господин барон, со своей един-

ственной дочерью... Тоже завидная невѣста, о... — протянула Эжени.

Елена уже возвращалась со своими гостями.

Сопѣев был высокій сѣдой старик, величавый и с сознаніем своих капиталов.

Дочь его — тоже высокая, совсѣм еще ребенок в свои семнадцать лѣт, с точеными чертами безкровнаго лица, с поэтичными свѣтлыми глазами и толстой спущенной русой косой.

— Наконец-то забрели ко мнѣ, бѣдной вдовѣ, милый Парфен Власьич, — играя глазами и безсовѣстно кокетничая, говорила Елена.

— Ждала вас, ждала, насилу дождалась.

— С самых похорон не видались . . . Гм . . . И траур весь поснимали . . . Что-ж . . . Не вѣк грустить . . . Живое живым . . . И гости уж похаживают. Что-ж, хорошо, хорошо . . . Мы вот не смѣли, а теперь смѣть будем. Наше вам почтеніе, — раскланялся он с бароном.

Тот расшаркался по всѣм правилам салона и отрекомендовался.

— Барон фон-Шмель.

— Очень рады, очень рады . . Вот и дочка моя, познакомьтесь, барон . . . Вѣра Парфеновна. Она у меня образованная, вашего круга. В пансіонѣ была, языкам и музыкѣ обучалась. Деже поет по ученому. Одним словом, гордость наша. Сына-то вот не дал Бог; ее, значит, и владѣлицей всего опредѣлил.

Вѣра Сопѣева протянула затянутую в перчатку руку барону и подняла на него свой чистые, свѣтлые глаза. От всей ея дѣвственной фигуры так и вѣяло весенней поэзіей.

Гости перезнакомились и расположились в будуарѣ.

Сопѣев от чая не отказался и бесѣда завязалась.

Вспоминали покойнаго Маслина, говорили о биржѣ, о дѣлах...

Вѣра и барон слушали молча, так как в дѣлах ничего не смыслили, а Сопѣев восхищался прак-

тичным умом и коммерческими познаніями Маслиной.

— Вы любите спорт? — просил барон Вѣру.

— О, нѣт, я спорта не признаю и даже боюсь его. Я слишком хрупкая... и непрочная.

— Чему же вы посвящаете себя и свое время? Выѣзжаете?

— Тоже нѣт. У нас знакомств нѣт никаких, кромѣ дѣловых.

— О, теперь, — вмѣшалась Елена, — мы начнем веселиться.. Папа позволит, я за это берусь... Балы, вечера, обѣды и под конец сезона обрученіе. Не так ли, Вѣра Парфеновна?

— Она молода еще, я ее не тороплю. С такими милліонами женихи будут всегда, — улыбнулся отец.

— Я выйду замуж только по любви, папа, — нѣжно и мечтательно проговорила Вѣра, устремляя в даль свои чистые, прозрачные глаза.

XVIII

Послѣдніе расчеты.

Бѣлокутскій сдѣлал все так, как сказал. Пять тысяч, его послѣднія деньги, были в руках Зиночки, тѣ, что он отложил перед игрой в карты, занятыя им утром у ростовщика...

Если Бѣлокутскаго убьют, тот уж, конечно, не получит своих денег: за Бѣлокутскаго платить некому...

Развѣ старый дядя вспомнит о нем, когда его уже не будет, забудет их ссору и расплатится с его долгами...

— Ну, теперь, Зиночка, спи, пора . . . А мнѣ надо свести счеты, написать письма и вообще приготовиться к дуэли и могущим произойти послѣдствіям... Спи-же, прибавил Бѣлокутскій с нервным нетерпѣніем. Ему так хотѣлось остаться одному...

Зиночка притихла и съежилась под одѣяломъ, как провинившійся котенок, а Бѣлокутскій направился в свой кабинет.

Зиночка как-то не относилась серьезно к предстоящей дуэли; она была поглощена собой и своими планами.

Бѣлокутскаго она не одобряла. „Дурак, жена его давно бросила . . . и чего бѣлениться из-за нея? Просто, выпил лишнее. Ну, вот и наказали. Может, подобьют ему ногу или руку".

А разстаться им все ровно надо, раз он нищій.

И законнаго-то она бросила нищаго, а с незаконным — и вовсе не станет лямку тянуть. Все таки он добрый. Пять тысяч дал, — это пригодится на первое время, — квартиру, обстановку. Да, он добрый, и Зиночка с благодарностью будет его вспоминать.

Теперь же надо серьезно подумать о князѣ Любецком-Труворѣ.

Вот душка, вот тот, который ей нужен. И вся эта дуэль теперь кстати.

Она может сказать князю, что любила Бѣлокутскаго, но, когда узнала, что она для него только игрушка, рѣшила его покинуть. Он любил свою жену — и пускай, а она будет считать себя отнынѣ свободной и одинокой.

В мечтах о князѣ и в заботах, как его прибрать к своим маленьким ручкам, прошел еще час и госпожа „Фу-ты, Ну-ты" погрузилась в сладкій, безпечный сон. Все ей улыбалось впереди . . . .

. . . .

Но Бѣлокутскому не спалось...

Прежде всего он принялся писать.

Нѣсколько стаканов сельтерской со льдом, — и голова стала яснѣе...

Прежде всего — „ей"...

Он задумался перед листом бумаги, и перо задрожало в его рукѣ.

„Викторія, ты только тогда получишь эти

строки, когда меня уж не будет... Я очень мало хочу тебѣ сказать, но в этом малом будет вся моя жизнь. Прощай, Викторія... Я всегда любил тебя одну, и теперь люблю тебя так, как никогда... Я много виноват перед тобою, но и ты не права. Меня надо было пожалѣть, исправить, а не давить холодным величіем... Я чувствовал, что каждым таким поступком я отдалял тебя, закрывал твое сердце навѣки, но я не мог, я как будто нарочно сам себя губил . . . Я думал, что сын удержит тебя, но ты ушла, убѣжала, отдалась другому — и теперь я уж все равно никогда не мог-бы прижать тебя к своей груди из самолюбія, из ревности — я скорѣй задушил-бы тебя . . . Вѣдь ты принадлежала другому!.. Вот поэтому мнѣ и хочется умереть, я и лѣзу на смерть, жизнь моя была только в тебѣ — и она кончена... Когда-то ты умѣла молиться, Викторія; помолись за меня... А нашего сына не покидай . . . Дядѣ я поручаю заботы о тебѣ и сынѣ . . . Прощай, Викторія, моя единственная, моя любимая, моя жена.

Твой Леонид Бѣлокутскій".

Слезы, помимо воли, прорвались, Бѣлокутскій смахнул их. Одна упала на бумагу и, смѣшавшись с чернилами, оставила сѣрое пятно... Пусть его увидит Викторія, пусть поймет, что и он, вѣчно насмѣшливый, с виду безсердечный, тоже умѣет страдать.

Теперь дальше, письмо дядѣ...

„Милый дядя, прости мнѣ все, что я сдѣлал тебѣ обиднаго и дурнаго, я всегда тебя любил и люблю, умирая . . . В доказательство поручаю тебѣ все, мнѣ дорогое: мою жену Викторію и моего маленькаго сына . . . Еще раз прощай и прости, дядя.

Твой Леонид".

Кажется все . . .

Судьба Зинаиды Карповны тоже устроена . . .

Да, та не потеряется, найдет себѣ блестящій путь . . .

Бѣлокутскій крупными шагами заходил по кабинету . . .

Вся жизнь, как панорама, рисовалась...

Дѣтство, родительскій дом, юность, товарищи, кутежи и Викторія...

Их первая встрѣча на лѣстницѣ провинціальнаго клуба . . .

Он просто остановился, восхищенный ея красотой . . .

Ея семья приняла его как сына, Викторія его полюбила и вскорѣ стала его женой...

Что пережила она, гордая, чистая дѣвушка, когда он принялся сейчас же за свои кутежи!..

Глупый слѣпец, он сам разбил свое счастье.

А теперь!..

Бѣдный барон попался ни с боку, ни с припеку. Просто в такую минуту, когда уже было не втерпеж.

. . . .

В десять часов утра пріѣхали секунданты.

Барон принял дуэль. Он желает стрѣляться сегодня-же, — тянуть, по его мнѣнію, не стоит; в четыре часа дня он со своими секундантами будет на Крестовском островѣ.

Бѣлокутскій хладнокровно кивнул головой в знак согласія и приказал подавать завтрак.

— Когда будет подано, доложите Зинаидѣ Карповнѣ, — приказал он лакею.

— А холодно сегодня, — замѣтил князь Любецкій-Трувор, — снѣгу масса; но день хорошій, морозный.

Завтрак был подан.

Зиночка вышла блѣдная и встревоженная.

Она слышала за дверью весь разговор и впервые серьезно подумала о дуэли. Эта близость развязки испугала ее.

Неужели сегодня, через три-четыре часа, Бѣлокутскаго уже не станет?

Неужели нельзя спасти его и остановить, примирить этих глупцов!?.. Как это вчера она об этом не подумала...

И, пользуясь минутой, когда вышел из комнаты Бѣлокутскій, она горячо и торопливо обратилась к князю.

— Ради Бога, князь, образумьте Леонида и барона... Ну, чего им драться? Тот вѣдь только раз и видѣл Викторію . . . Вѣдь это-же не шутка: один из них может быть убит или ранен — нельзя так спокойно относиться . . .

Князь Любецкій-Трувор печально улыбнулся.

— Тут мы, товарищи, ничего не можем подѣлать... Это скорѣе ваше дѣло, женское... Попытайтесь, Зинаида Карповна.

Зиночка не преминула встать:

— Я? Не смѣйтесь надо мной, князь . . . Развѣ вы не слышали вчерашней сцены? Развѣ Леонид меня любит? Я им увлеклась и бросила мужа, дом, все... Но очень, очень скоро узнала истину, кого „он“ собственно любит; а я для него игрушка утѣшенія! . . . Давно уже моя жизнь в этом домѣ в тягость . . . Я только умѣю молчать и умѣю смѣяться, когда мнѣ больно . . .

Слова, сказанныя с умыслом, попали в цѣль, и князь Любецкій-Трувор взглянул на госпожу „Фу-ты Ну-ты“ с восхищеніем и сожалѣніем.

— А все-таки, милый князь, я бы желала спасти его, спасти во что-бы то ни стало...

Юноша задумался на минуту и тихо сказал:

— Никто из нас тут ничего не может подѣлать... Только одна его жена, Викторія Бѣлокутская, если-бы захотѣла, сумѣла-бы помирить врагов...

В эту минуту вошел Бѣлокутскій, и бесѣда сразу остановилась.

— Нам пора — сказал Бѣлокутскій, — я не хочу пріѣхать вторым. Карета нас ждет . . . Пойдемте, господа...

Всѣ встали, простились с Зинаидой Карповной и направились в переднюю.

Князь Любецкій-Трувор особенно крѣпко пожал маленькую ручку госпожи „Фу-ты Ну-ты“.

Бѣлокутскій задержался послѣдним в столовой и, когда остался один, перекрестился перед образом Спасителя.

Зиночка выбѣжала к нему и он серьезно поцѣловал ея руку и пожелал ей всего хорошаго и полнаго успѣха в жизни.

Его обычная шутливо-ироническая улыбка пробѣжала по губам.

— Вы — на бой жизни, я — на бой смерти! Дайте мнѣ еще один бокал шампанскаго из ваших рук — это послѣдній.

Он залпом осушил бокал и бросил его на пол.

— На счастье.. Addio... До лучшей встрѣчи... на том свѣтѣ...

И быстрыми шагами вышел в переднюю, не оглядываясь больше.

Зиночка глядѣла ему вслѣд и холодное сердечко ея болѣзненно сжалось.

На смерть! Боже мой, как это страшно! И она ничего не может подѣлать, ничего...

Только та, Викторія Бѣлокутская, его любимая жена, могла-бы его спасти.

Блестящая мысль прорѣзала головку Зиночки, вонзилась в нее и стойко там засѣла.

Зиночка быстро-быстро побѣжала в кабинет Леонида Николаевича. Она выдвинула средній ящик стола, разыскала адрес Викторіи Бѣлокутской и на клочкѣ бумажки написала:

„Викторія Адольфовна!

Ваш муж дерется на дуэли с бароном Кок, вашим новым знакомым на художественном балу. Дуэль сегодня, сейчас, в четыре часа на Крестовском островѣ. Вы одна можете спасти, можете остановить дуэль. Совѣтую вам ѣхать туда немедленно.

Зинаида Ротикова“

Зинаида позвонила и приказала пришедшему на звонок лакею:

— Немедля ни минуты, отвезите это письмо женѣ барина по адресу... У него сейчас дуэль, она одна может спасти его. Спѣшите, ради Бога.

Лакей, догадавшійся уже, в чем дѣло, опрометью бросился исполнять приказаніе.

Он любил Бѣлокутскую.

Зиночка в лихорадочном ожиданіи стала ходить по комнатам.

Найдет-ли ее, эту глупую Викторію, лакей? Хотѣла-бы Зиночка повидать ее, эту кралю. Что в ней за совершенства такія, что люди любят ее больше жизни?

А она, Зиночка, чудно сказала сегодня князю и это произвело на него впечатлѣніе... О, она, Зиночка, не промах, нѣт!

Прошло еще четверть часа и вернулся запыхавшійся лакей.

— Нашел? — бросилась к нему Ротикова.

— Сейчас-же нашел, барыня.

— Ну?

— Передал письмо в руки... еле добился. Прочли, — поблѣднѣли, как смерть... Ни слова не сказали мнѣ, только крикнули:

— Дайте, Надя, шляпу и шубу и экипаж... Скорѣй! Задыхались совсѣм... Потом ко мнѣ повернулись, глаза вскинули на меня... „Спасибо, голубчик, я сейчас ѣду"... сунули мнѣ золотой в руки... Я и шубу им подавал, сам их подсаживал, и помчались вѣтра быстрѣй... Кучеру приказали...

— На Крестовскій остров, гони из всѣх сил, дорого заплачу... — Я им только вслѣд поглядѣл.

Зиночка вздохнула с облегченіем.

— Ну, славу Богу.

Потом остановила уходившаго было лакея.

— Ну, а из себя она какая?

Лакей даже головой покачал.

— Краля... Высокая такая, худенькая...

— Глаза большіе, словно море глубокіе... Блѣдная

только... Ну, а все другое-чудо... Бровь соболиная, рот что кораллы, — одним словом, — краля.

XIX

Дуэль.

Острова были покрыты нѣжной пеленой, и колеса кареты так и тонули в снѣгу. Бѣлокутскій сидѣл рядом с доктором, а секунданты напротив. Машинально поглядывал Леонид Львович в замерзшее испещренное узорами окно кареты. Наступал для него, может быть, его послѣдній час, час расплаты с жизнью. Не все-ли равно? что хорошее могло ждать его впереди? Ну, положим, финансы поправились бы капиталами дяди а все таки чѣм-же жить и для чего? Никакой цѣли, никаких интересов, даже семьи нѣт. Вот и продолжал бы кутить, пьянствовать, проигрываться в карты, завербовывать таких женщин, как Зиночка, без любви, с одним только и „плачу"... на устах.

Стоп... пріѣхали...

Карета остановилась, лакей открыл дверцу. Бѣлокутскій первый бодро выпрыгнул на снѣг. Широкая дорога превращалась в снѣжную полянку, по краям виднѣлись осыпанныя снѣгом зеленыя ели...

— Ура! мы первые! — весело крикнул Бѣлокутскій.

Спутники его не раздѣляли веселья. Молодые секунданты в первый раз присутствовали на дуэли, торжественно тоскливое настроеніе как на похоронах далекаго родственника или знакомаго, охватывало их. Доктор [redacted] хотя и соблазнился щедрой платой, но здорово потрухивал. Болѣе всего его занимало, чтобы скорѣе кончилась дуэль, прошла непрерванная и незамѣченная властями. Бѣлокутскій то и дѣло поглядывал на часы. Стрѣлка ползла медленно, как никогда. Вот уже осталось двѣ минуты до

четырех. А их все еще нѣт. Вот и за четыре перевалило.

— Что-же это, господа, развѣ принято опаздывать в таких случаях? Или это баронская спѣсь нам показывается... — желчно сказал Бѣлокутскій.

И как нарочно в это-же мгновеніе показалась в отдаленіи карета и послышался заглушенный снѣгом стук колес. Секунданты вздрогнули и медленно пошли навстрѣчу. Доктор поблѣднѣл и чувствовал, что у него колѣни подгибаются от страха. Бѣлокутскій тоже с неудовольствіем замѣтил, что его сердце быстро — быстро заколотилось в груди.

Секундантами барона Кок были довольно молодые франты.

Сам барон на вид казался таким, как всегда, холодным, спокойным, только глаза его поглядывали еще офиціальнѣе а губы были строго сжаты... Он был одѣт с иголочки, а туго накрахмаленный воротник стягивал его худую шею.

Секунданты сдѣлали все, чтобы примирить врагов, особенно горячо и убѣдительно говорил в пользу примиренія князь Любецкій-Трувор. Но Бѣлокутскій насмѣшливо отклонил всѣ эти попытки, а барон Кок отвѣтил одним коротким холодным отрицаніем.

Тогда секунданты дѣловито условились, отсчитали нужное количество шагов и поставили противников на мѣста. Князь Любецкій отошел слегка в сторону и принялся считать.

— Раз... два... три...

Одновременно грянули два выстрѣла, может быть, один перегнал другого на одну какую-нибудь секунду. Револьверы дымились и тонкія струйки поднимались все выше и выше, как будто хотѣли слиться с небесными облаками. Бѣлокутскій взглянул на своего противника; он стоял спокойный и невредимый, так-же, как и сам Леонид Львович. Князь Любецкій - Трувор с дѣтской радостью подбѣжал к врагам, громко хлопая в ладоши.

— Жив, жив!.. Оба живы, все хорошо, что хо-

рошо кончается... Ну, теперь мировой завтрак и рѣка шампанскаго. Ну-с, мои друзья, протягивайте друг другу руки.

— Я ничего не имѣю против мира, тѣм болѣе, что не видѣл особенных причин для дуэли и ссоры, — проговорил мягко и разсудительно барон фон-Кок.

Бѣлокутскій медленно покачал головой и поднял насмѣшливый, почти наглый взор на барона, а голос его звучал вызывающе и дерзко, словно этот морозный воздух, эти грянувшіе и разсѣявшіеся выстрѣлы опьянили его.

— Мнѣ не нужно причин, мнѣ довольно того, что вы осмѣлились защищать мою жену... Я вызвал вас... Теперь, может быть, гнѣв мой прошел, но мысль подстрѣлить вас мнѣ показалась такой забавной, что я не могу себѣ отказать в этом удовольствіи.

Барон Кок слегка нахмурился, но он ничего не отвѣтил на браваду Бѣлокутскаго, он холодно отвернулся от него и обратился вполголоса к князю Любецкому-Трувор...

— Вы слышали эту рѣчь в устах моего врага, болѣе, чѣм странную? Вы понимаете теперь, как невозможно то примиреніе, о котором вы дружелюбно заговорили?.. Так прошу вас, продолжайте дуэль.

— Да, да! — с бѣшенством крикнул Бѣлокутскій. — Еще один выстрѣл, а понадобится — так второй, третій, десятый... Я должен убить или умереть!

Как ни владѣл собою барон, лицо его не могло скрыть глубокаго удивленія, граничащаго даже с суевѣрным страхом, при этом крикѣ бѣшеной злобы, вырвавшемся из губ Бѣлокутскаго... В сущности, что сдѣлал он этому человѣку, чѣм заслужил такую ненависть? Конечно, развѣ возможно было постороннему проникнуть во всѣ тѣ сложныя тонкія ощущенія, которыя доводили Бѣлокутскаго до этого горячаго бѣшенства. Уже одно сознаніе погибшей жизни, разбитой собственными руками! Это было свѣтлое счастіе, яркіе лучи котораго блистали перед его глазами! Стоило только протянуть руку, чтобы схватить его,

стоило только сдѣлать нѣсколько шагов, чтобы обладать им... И он мог, и он не сдѣлал, хотя хотѣл, безумно хотѣл! Чѣм это объяснить? Какая темная, порочная сила владѣла его душой?..

— Ах, Викторія, Викторія! — пронеслось в его головѣ, и он нервно провел по ставшему слегка влажным лбу, словно стараясь согнать всѣ эти поздніе, ненужныя думы.

И губы его снова искривились в ироническую усмѣшку, а грубыя, ѣдкія фразы кололи уши присутствующих.

Теперь уже князь Любецкій-Трувор, замѣтно недовольный поведеніем Бѣлокутскаго, надменно призвал врагов к порядку и попросил серьезно приготовиться к дуэли.

Опять прозвучали условныя раз... два-три и опять прогрѣмѣли два выстрѣла, дружно сливаясь, рождая небольшія облачка дыма, тянувшіяся к небесам.

Барон Кок снова стоял с дымившимся револьвером в руках, слегка вытянув шею и близорукими глазами стараясь разглядѣть сквозь эти струйки дыма блѣдное, искаженное ироніей лицо своего врага. Но струйки разсѣялись в воздухѣ, высоко поднимаясь над землей, а взор барона тщетно искал лицо Бѣлокутскаго; он так и застыл с вытянутой рукой и согнутой шеей, словно сквозь сон прислушиваясь к чьим-то легким стонам, к чьим-то сдержанным голосам, к какой-то суетѣ вокруг. Он вздрогнул только тогда, когда рука одного из его секундантов тяжело опустилась на его плечо.

— Что это, барон, что с вами? Опомнитесь! Былой враждѣ теперь нѣт мѣста, ваш противник умирает.

XX

Жертва дуэли.

Барон сдѣлал нѣсколько шагов вперед и очутился прямо у ног распростертаго на землѣ Бѣлокутскаго. Тот лежал совершенно вытянувшись на шинели князя,

его сюртук и рубашка были разстегнуты и сквозь бѣлое полотно, пока наброшенное на рану, показывалась свѣжая кровь с каждым мгновеніем окрашивая пространство вокруг своего центра.

Лицо Бѣлокутскаго было блѣдно, голова запрокинута, глаза закрыты. Сквозь стиснутые зубы вырывались безсознательные стоны, а ноги судорожно вздрагивали от боли. Доктор суетливо приготовлял повязку. Секунданты стояли с опущенными обнаженными головами, а князь Любецкій-Трувор, стоя на одном колѣнѣ, склонился над блѣдной головой товарища.

А вокруг землю покрывала снѣжная бѣлая пелена; она окутывала зеленѣвшія сквозь нее ели и сосны, она выдѣлялась рѣзким контрастом рядом с теплой алой кровью. Хмуро выглядѣло в своей высотѣ пасмурное небо, а свинцовыя тучи, казалось, отрывались от него и с грозным любопытством поглядывали на землю.

Какое то острое чувство вонзилось в сердце барона и неумолимо жгло его, а назойливая мысль стучалась в голову:

— Ты убійца, убійца, убійца!...

Теперь, когда напускная иронія покинула черты Бѣлокутскаго, а только пробѣгали слабыя тѣни страданія, теперь вся его личность являлась в другом, облагораженном видѣ. Казалось, еще мгновеніе и разожмутся гордыя уста барона для словь состраданія, для просьбы о прощеніи, для молитвы за эту угасающую жизнь. Но в это мгновеніе в напряженную тишину, прерываемую только стонами Бѣлокутскаго и шелестом рук доктора, ворвались какія-то новые звуки, казавшіеся с каждым мгновеніем все ближе, все бѣшенѣе.

На пустынную ровную дорогу, тяжело покачиваясь от быстроты, въѣхала громоздкая карета, запряженная парой взмыленных лошадей. Из опущеннаго окна кареты выглядывала женская головка. Шапочка сдвинулась на лоб, непокорные рыжеватые волосы выбились и растрепались, лицо было так блѣдно, что

издали в общем ландшафтѣ, как будто сливалось с бѣлизной снѣжвой пелены, покрывавшей землю, только глаза ея ярко горѣли, тревожно вглядываясь вдаль.

Она увидѣла группу темных фигур и, поравнявшись, выскочила из кареты и побѣжала возможно скорѣе, утопая маленькими ножками в снѣжном покровѣ, покрывавшем землю. Ея взор сразу окинул и оцѣнил картину.

Да, это они, они, сомнѣнія быть не может.

А гдѣ-же?.. Невольный крик вырвался из ея груди и звонко разнесся в молчаливой пустынной мѣстности.

Через мгновеніе она уже стояла на колѣнях перед распростертой на шинели фигурой Бѣлокутскаго. Ошеломленные секунданты с изумленіем глядѣли на эту стройную, прекрасную, блѣдную женщину, с такой тоской, с таким отчаяніем заломившую руки.

Никто из них не знал ея и никогда не видѣл, и только один барон, как-бы в ужасѣ, вглядывался в ея черты, как-бы не вѣрил самому себѣ. Да, это та незнакомка, которая на художественном балу явилась перед ним, как волшебное видѣніе, очаровала его взор и сумѣла заставить трепетать его холодное аккуратное сердце. Это — Викторія Бѣлокутская. Первыя, ошеломляющія минуты прошли, и Викторія с нѣжным состраданіем взяла руку раненаго, но он не ощущал этого пожатія, он так и продолжал лежать в безчувственном состояніи. Доктор приготовил повязку и обратился к молодой женщинѣ:

— Я попросил-бы вас встать, сударыня, каждая минута — дорога. Я должен сейчас сдѣлать перевязку.

Она быстро вскочила, уступая доктору свое мѣсто.

— Не могу-ли я чѣм-нибудь помочь?

Доктор отрицательно покачал головой, и молодая женщина, печально поникнув головкой, отошла в сторону. Она как-будто не замѣчала всѣх этих чужих людей вокруг, она даже ни разу на них не взгляну-

ла. Князь Любецкій-Трувор, не отрываясь, глядѣл на нее, как-бы соображая, кто-бы это могла быть и как могла она узнать о дуэли. Наконец, он рѣшился с нею заговорить.

— Сударыня, не будете-ли так любезны сказать: кто вы, давно ли вы знаете Бѣлокутскаго и кто указал вам мѣсто дуэли?

Она отвѣтила тихо, как будто нехотя:

— Раненый мой муж, и я хотѣла-бы взять его на свое попеченіе...

И вдруг с живостью шагнула к нему и дрожащим голосом спросила:

— Ну, а рана его опасна?

Любецкій вѣжливо ей представился.

— Мнѣ очень жаль, что пришлось быть косвенным участником в этой тяжелой для вас исторіи. На счет раны ничего не могу вам сказать, мы спросим у доктора, когда он сдѣлает перевязку. Повѣрьте, мы сдѣлали все, чтобы отклонить несчастіе, но ваш супруг был нервно настроен и не хотѣл и слышать о примиреніи.

Молодая женщина прямо глядѣла на него, пронизывая его большими сѣрыми глазами.

— Ну, а причины дуэли, могу-ли я их знать? Пожалуйста, — не старайтесь щадить моего женскаго самолюбія, я привыкла с ним не считаться, когда дѣло касается моего мужа... Безусловно тут замѣшана женщина, тѣм болѣе, что меня увѣдомила о дуэли какая-то госпожа Ротикова... Вѣроятно, это и есть одна из послѣдних страстей моего мужа?

Викторія говорила шопотом из уваженія к больному, но этот шопот был отчетлив и тверд.

Князь Любецкій-Трувор отвѣтил ей с чуть замѣтной печальной улыбкой:

— Да, вы не ошиблись, дуэль произошла из за женщины и эта женщина — вы...

Викторія покачнулась, еле удерживаясь на ногах, и князь скорѣе угадал, чѣм услышал вопрос:

— Я?!

— Да, — вы, мадам Бѣлокутская. И даже в ин-

тересах раненаго, рѣшусь вам сказать еще больше. Насколько можно было понять, и мы, присутствовавшіе при роковой ссорѣ, в этом не сомнѣваемся, вы — единственная женщина, которую Леонид Львович любил, любит и будет любить, умирая.

Эффект этих слов был поразительный. Викторія закрыла лицо руками, в безсиліи опускаясь на снѣг, и глухо зарыдала.

Князь Любецкій-Трувор растерялся, а молодые секундаты предупредительно разостлали свои пальто на снѣгу и пересадили плачущую женщину. Барон Кок стоял на своем мѣстѣ, словно пригвожденный, ощущая в груди какую-то тупую боль, какую-то безнадежность, граничащую с отчаяніем, не отрывая глаз от Викторіи Бѣлокутской,

Сейчас женственный и страдающій ея образ еще глубже проник в сердце холоднаго, никогда прежде не увлекавшагося барона. Но пропасть, отдѣлявшая его от прекрасной женщины, стала еще больше теперь, когда его рукою ранен и, может быть, смертельно ея муж. Любит-ли она этого покинутаго мужа или только глубокое состраданіе, свойственное ея прекрасной душѣ, вырывает из ея груди это глухое, мучительное рыданіе? Но вот она поборола свою слабость, наскоро отерла слезы и жестом подозвала к себѣ князя Любецкаго-Трувора.

— Скажите мнѣ, кто из вас был его врагом и какое отношеніе имѣл он ко мнѣ?

Она оглянула всѣх присутствующих; кажется, всѣ эти лица ей незнакомы.

— Не могу-ли я спросить этого врага, почему именно зашел разговор обо мнѣ и за что он бранил меня, если вынудил моего мужа защищать мою честь?

— Он не бранил вас, — напротив, он сначала хвалил, а потом защищал... Барон фон-Кок, позвольте вас прадставить madame Бѣлокутской; она желает с вами говорить.

XXI

Тяжелая встрѣча.

Барон фон Кок медленно приблизился к Викторіи Бѣлокутской и молча поклонился ей.

Она почти впивалась глазами в его лицо, и голова ея усиленно работала, припоминая что-то, заставляя себя вспомнить... Наконец, словно яркій свѣт озарил перед нею недавнее прошлое... Так вот это кто? Да, она узнала, узнала его...

В одно мгновеніе перед нею промелькнул ярко освѣщенный зал, пышно убранный картинами, лентами и цвѣтами: пестрая, нарядная, шумящая толпа... чуждая ей и скучная, и восхищенные темные глаза, не отрывавшіеся от нея. В этих красивых глазах восхищеніе было такое искреннее, будто дѣтски наивное, и в первых фразах, обращенных к ней, столько почтительной робости, столько скромнаго обожанія, что она невольно вѣжливо отвѣтила и бесѣда завязалась.

Это была одна из тѣх бесѣд, которыя остаются надолго в памяти, поражают нас своей поэзіей, чистотой, серьезностью тем и искренностью... В разбитой жизни Викторіи Бѣлокутской, усѣянной только увядшими цвѣтами, сохранившими свои шипы, воспоминаніе о мимолетной встрѣчѣ на художественном балу являлось как свѣжій душистый цвѣток. Она не сказала ему своего имени, забыла то, которое он ей назвал, и мысленно рѣшила, что больше не встрѣтится с ним никогда... И вот... Ах, наша судьба всегда дѣлает все по своему.

Викторія увидѣла снова того, кто являлся единственным чистым ея воспоминаніем, и что-же? Теперь и этот послѣдній радужный цвѣточек поблек, обагряясь кровью ея мужа...

— За что? — спросила она сурово, головою указывая на Бѣлокутскаго, которому доктор окончил перевязку и с помощью молодых людей осторожно застегивал платье...

— Я не буду оправдываться, я сознаю, что невиновен... В одном только даю вам слово, что, когда говорил о вас с восхищеніем, „его“ раздразнившим, я не знал, что вы его жена. Когда-же он оскорбил вас, я не мог смолчать, я вас защитил. Эта защита словно свела его с ума; он стал говорить то, что смывается кровью, и сам же предложил драться. Первыя пули просвистали над нашими головами, оставляя нас невредимыми. Я предложил мир, но он с бѣшенством требовал продолженія кровавой расплаты и... вот он лежит с прострѣленной грудью... Я хочу вѣрить, что рана не смертельна, что в этой борьбѣ, которая предстоит его организму этот организм выйдет побѣдителем...

Но Викторія уже не слушала конца его тихой, взволнованной рѣчи; она замѣтила, что перевязка готова и больного собираются перенести в карету; она стремительно встала и пошла к печальному кортежу.

— Пожалуйста, прошу вас, в мою карету и прямо ко мнѣ... Я жена Леонида Львовича и имѣю право ухаживать за ним... Доктор, я прошу вас нас сопровождать. До свиданья, господа... спасибо от меня и от Леонида за сердечную помощь...

Она всѣм им поклонилась одним любезным кивком, и карета ея тронулась в путь, увозя ее, раненаго и доктора.

Секунданты с минуту молча глядѣли ей вслѣд, машинально исполнив всѣ ея желанія. Но вот карета медленно скрылась и первым опомнился Любецкій-Трувор.

— Пора и нам двигаться. Бѣдный Леонид! Это безчувственное состояніе, не смотря на боль, которую вызвала перевязка, пахнет очень скверным. Да и у доктора вид был довольно перепуганный; он трясся, как осиновый лист. Я думаю, что рана опасна, и не знаю, как с нею справится натура Бѣлокутскаго.

— Какая оригинальная красавица его жена, и, очевидно, женщина умная, с волей, и любит его. Удивляюсь. Оба любят друг друга и разстались;

страпные люди, — задумчиво проговорил один из секундантов.

— Да, эти семейныя от[redacted]ная махинація, и постороннему никогда в них не разобраться. Кажется, что спокойно относящіеся друг к другу супруги гораздо прочнѣе и тѣснѣе связаны, чѣм эти любящіе и влюбленные, — глубокомысленно заявил другой секундант, поглядывая на часы.

— Подумайте, господа, скоро шесть. Как затянулась вся эта исторія. Не поѣхать-ли нам пообѣдать вмѣстѣ?

Всѣ с удовольствіем приняли это предложеніе и только барон Кок отклонил его и, холодно, церемонно простившись с присутствующими, одиноко поѣхал домой.

„А здорово, видно, он влюблен в эту госпожу Бѣлокутскую. Уѣхал один, и увез с собой угрызенія совѣсти и тоску безнадежной любви“, — подумал князь Любецкій-Трувор и вслух прибавил:

— В какой-же ресторан мы поѣдем, а? Я предпочел-бы Кюба.

Вечером они поѣдут в театр или шантан, а сегодняшній инцидент под кровавым соусом будет вспоминаться иногда, как происшествіе, а, может быть, и забудется очень скоро совсѣм, утонет в морѣ новых впечатлѣній и происшествій . . . .

. . . .

Между тѣм Викторія Бѣлокутская прижалась в уголок кареты, руками поддерживая голову раненаго. Доктор сидѣл визави, заботливо охраняя больного. На каждом поворотѣ Бѣлокутскій стонал и вѣки его дрожали. Викторія не смѣла разспрашивать доктора в присутствіи мужа; она рѣшила отложить свои разспросы до дому. . Она была так нервно разстроена, что мысль ея безпорядочно скользила, ни на чем не останавливаясь, словно всѣ воспоминанія и ощущенія покрылись легкой дымкой... Наконец, карета доѣхала до мѣста своего назначенія и двери перед ними сейчас-же раскрылись, так как их ждала прислуга.

С предосторожностями внесли больного в спальню

Викторіи, раздѣли и уложили на ея постель. Викторія вызвала по телефону знаменитаго хирурга Яснева, как только [redacted] удалился, оставив свои предписанія и рецепты... Бѣлокутскій не приходил в себя, а жена его облачилась в свободный пенюар и прилегла тут-же в спальнѣ на изогнутой софѣ в ожиданіи Яснева. Теперь мысли ея сосредоточились, и прошлое живыми картинами рисовалось воображенію, то прошлое, которое она всѣми силами гнала, бывало, прочь, старалась позабыть... Счастливое дѣтство в небольшом провинціальном городкѣ, гдѣ барон, ея отец, был одним из первых лиц и представителем аристократіи, гдѣ дом их считался патріархальным и люди попадали в него, проходя сквозь строгій фильтр.

У нея была цѣлая куча братьев и сестер; всѣ жили дружно воспитывались строго, почитали родителей... Баронесса — мать напоминала наружностью Екатерину Великую, была добрая и нѣжнѣйшая мать, но старалась дѣтей не распускать для их же блага в будущей жизни, когда люди станут безпощадно их судить, не прощая ни малѣйших недостатков. Отец был высокій, худой старик, с тонкими правильными чертами лица, образованный, умный, и сам слѣдил за воспитаніем дѣтей... Всѣ его дѣти были красивы и трудно было дать которому нибудь предпочтеніе в этом семействѣ; но Викторія выдѣлялась даже между ними.

Во всѣх отношеніях она была какая-то особенная в своей семьѣ. С ея нервным характером пришлось-таки побиться; она была горда, своевольна, но добрая, а ея цѣльная натура не была лишена поэтичности и даже порою сантиментальности. Наконец, к 18 годам она выравнялась или просто сумѣла затаить черты своего характера, иногда только измѣняя своей спокойной скромности и предаваясь бурной безпричинной веселости... Тогда мать с огорченіем отворачивалась, она очень не любила, когда, Викторія начинала „дурить", и обожала свою дочку, когда она со скромно сложенными ручками выходила к гостям. Тѣ тоже не умѣли скрыть своего восхищенія, которое вызывала в

нихъ эта юная цвѣтущая дѣвушка — бѣлая, полная, румяная, с большими сѣрыми глазами, правильными чертами, цѣлой массой пышных пепельных волос, с соблазнительными ямочками на щеках при каждом сказанном ею словѣ.

Викторія стала выѣзжать с матерью, участвовала в благотворительных живых картинах, устраиваемых губернаторшею, танцовала на частных вечерах в лучших домах города. Толпа самой блестящей городской молодежи почтительно ухаживала за нею. И вдруг ей понравился один, тот, который стал впослѣдствіи ея мужем. О, если бы она понимала жизнь тогда, как теперь, и умѣла бы всему давать настоящую оцѣнку.

Все то, что потом составило несчастье ея жизни и разбило ея семью, тогда привлекало ее к Бѣлокутскому, заставляло его полюбить. Он не такой, как всѣ: безшабашный кутила, душа на распашку, красив, блестящ, разбрасывает и презирает драгоцѣнный металл, из котораго другіе создают себѣ кумир, женщины его обожают... Он никого никогда не любил, безпощадно играя сердцами, и вот, наконец, она сумѣла его побѣдить, смирить, склонить к своим ногам... И этот человѣк, который прожигал свою жизнь, играл ею шутя, буйствовал и кутил — тихо и смирно проводил время в их домѣ, около нея, все забыл и забросил, отдаваясь впервые охватившей его сердце любви . . .

Викторія приняла его предложеніе и сумѣла сломить упорство родителей... Еще наканунѣ свальбы мать со слезами умоляла ее отказаться, не губить себя. Вѣдь всѣ его знают: он кутила, пьяница, у него нѣт ничего святого; какой он муж и семьянин? Но Викторія только гордо улыбалась . . .

Да, так было, но она сумѣла его сломить и побѣдить и какой он будет чудный муж в ея руках, они увидят всѣ. Развѣ они его понимали? Они только дразнили и развивали его дурные инстинкты, она одна сумѣла разыскать на днѣ его души лучшія чудесныя струны и будет играть на них осторожно, с любовью, всю жизнь. И свадьба состоялась с пыш-

ностью, и пошли пиры то у родных, то у молодых, то у лучших знакомых.

Так пролетѣла недѣля... Увы, Бѣлокутскій снова втянулся в пирующую жизнь; он и дня тихо не просидѣл дома, он умчался с пріятелями и напрасно молодая жена с тоскою ждала его всю ночь, только утром его привезли пьянаго до безчувствія...

Плотина прорвалась, и дни потекли для Аркадія безшабашно, по прежнему. В минуты раскаянія он падал к ногам обожаемой жены, плакал, просил прощенія, цѣловал и . . . она прощала . . . Однажды Леонид уѣхал, а Викторія крѣпко уснула . . .

Под утро, еще разсвѣтало, он пріѣхал с ватагой пьяных друзей и они продолжали кутеж рядом с ея спальней. Викторія проснулась, с ужасом прислушиваясь... Пьяные товарищи пили здоровье молодой хозяйки и с разрѣшенія супруга требовали, по русскому обычаю, поцѣлуйнаго обряда.

Бѣлокутскій вошел в ея спальню лицо его горѣло, он пошатывался на ногах и сильный спиртный запах, которым было пропитано его дыханіе, наполнил спальню молодой жены.

— Викторія, пойдем, там мои друзья, надо их привѣтствовать. Ты должна понимать.. по русскому обычаю... поцѣлуйный обряд... Ты не бойся... Я с тобой — пьяным голосом, заикаясь, произносил Леонид.

Она сѣла на кровати, с ужасом вглядываясь в него.

— Ты пьян Леонид, выйди вон отсюда. Я раздѣта, хочу спать. Слышишь? вон отсюда!

Противорѣчіе только разсердило пьянаго и, не утруждая своей головы объясненіями, он силой вытащил упиравшуюся Викторію за руку в полупьяную мужскую компанію так, как она спала, в одной рубашкѣ... Даже эти пьянчуги были смущены ея слезами, отказались от выдуманнаго „поцѣлуйнаго обряда“ и выпили за ея здоровье, пожелав ей доброй ночи.

XXII

Тѣни прошлаго.

И теперь, вспоминая постыдное униженіе, Викторія почувствовала, как лоб ея покрывается холодными каплями. Цѣлую недѣлю она не разговаривала с мужем, не желала его видѣть и сидѣла в своей комнатѣ, запершись на ключ. Напрасно Леонид у запертых дверей молил о прощеніи, она твердо выдерживала характер, и отвергнутый, он снова закутил пуще прежняго. Душа его с бѣшенством жаждала мести; ему хотѣлось уколоть Викторію больнѣе, чѣм она колола его. Послѣдній раз он сложил свою гордость и униженно просил примиренія, в котором ему холодно отказали.

Тогда он поѣхал за город в маленькій ресторанчик и пригласил каких-то двух кутящих дѣвиц. Нелѣпая месть созрѣла в его головѣ: он подпоил дѣвиц, выпил сам „для храбрости" и в час ночи привез их к себѣ домой. Унылая тоска не давала спать Викторіи, и она сидѣла в легком пенюарѣ и старалась развлечь себя чтеніем какого-то романа.

И вдруг она услышала в сосѣдней комнатѣ визгливые женскіе голоса и наглый хохот, смѣшавшіеся с голосом ея мужа.

Вскорѣ все объяснилось. Он объявил ей, что привез старых подруг своей холостой жизни и требует, чтобы она забыла свою баронскую спѣсь, вышла-бы, как привѣтливая хозяйка, занимать этих дам, оказавших ему столько услуг.

Викторія отвѣтила молчаніем.

И когда взбѣшенный этим молчаніем Бѣлокутскій взломал дверь, а приведенныя им дамы, показались на порогѣ спальни, Викторія, державшая револьвер на-готовѣ, выстрѣлила себѣ в грудь дрожащей рукой. Невѣрно спущенная пуля ранила ей руку навылет и вонзилась в стѣнку спальни, а Викторія, обливаясь кровью, без чувств упала на ковер.

Бѣлокутскій с отчаяніем бросился к женѣ и

уложил ее на кровать. А когда привезенныя им дамы вздумали ему помогать, избил им физіономіи в кровь кулаками, так что онѣ с пронзительными криками, без памяти выбѣжали из его дома. Потом онѣ судились с ним и покончили миром на тысячѣ рублях.

И так текла жизнь молодых с постоянными инцидентами и непріятностями, отношенія обострялись, жизнь становилась невыносимой. И, эти люди, которые обожали друг друга, постепенно стали чужими; они сами уже не могли понять, гдѣ кончается взаимная любовь и гдѣ начинается ненависть.

Рожденіе сына на время все измѣнило к лучшему, но прежнее всосалось, как неумолимая болѣзнь, и снова вступило в свои права. Викторія стала совсѣм другою. Из толстой пышечки она превратилась в блѣдную, худую, стройную женщину. Правильныя ея черты сильно выиграли, избавившись от лишняго жира; глаза стали еще больше, а чудные пепельные волосы она перекрасила в темно-рыжіе.

Толпа влюбленной молодежи окружала Викторію и были между ними такіе, которые готовы были за нее на жизнь и смерть, но избраннаго между ними не было. Викторія веселилась, плясала, пожинала лавры успѣха, участвовала в спектаклях и живых картинах, ѣздила верхом на охоты, но до сих пор была вѣрна своему безпутному мужу. Воспитаніе сына, красиваго мальчика, больше походившаго на отца, она поручила своей матери, так как разсѣянная жизнь их дома могла пагубно отозваться на впечатлительном ребенкѣ.

И оба они, Викторія и Леонид, в тяжелыя минуты тоски приходили туда, в мирный патріархальный дом барона, и забывали невзгоды, лаская ребенка. Тогда баронесса старалась убѣжденіями и мольбами вліять на того, который приходил. Зять обыкновенно клялся, обѣщал и, выходя на улицу, снова все забывал. Дочь, — безнадежно качая головой, с прежней гордостью, даже мать свою не допускала заглянуть в глубину своего больного сердца.

Но Бѣлокутскій твердо и свято вѣрил в поря-

дочность своей жены и даже в мысляхъ не допускал ея измѣны. Даже злая провинціальная молва щадила ее и сожалѣла.

В таком натянутом положеніи семейных дѣл прошло три года.

Но вот в город было назначено на высокій пост новое лицо с громким именем и поразительно молодыми для такого поста годами. Молодой, блестящій генерал, избалованный женщинами столицы и утонченным западным развратом, сильно скучал в городкѣ и был пріятно поражен и даже очарован, когда представлен был Викторіи. Как сейчас помнит она этот бал в губернаторском домѣ.

На ней был розовый, сильно открытый туалет, украшенный только брилліантами, ее окружала толпа лучших кавалеров, и искренніе комплименты так и разсыпались вокруг нея. Как апоѳеоз ея успѣха на нее обратил вниманіе знатный молодой генерал и, с ея разрѣшенія, его ей представили. У новаго знакомаго была стройная, высокая, элегантная фигура и интересное лицо. Нѣжная, бѣлая кожа была так тонка, что просвѣчивали синія жилки; громадные глаза неопредѣленнаго, мѣняющагося цвѣта, с усталым, тусклым выраженіем, загоравшіеся мгновеніями; тонкія злыя губы и орлиный нос. В каждом его движеніи, в манерѣ говорить, в формѣ рук и ног, во всей его фигурѣ и в лицѣ — была видна порода и придворное воспитаніе.

Сначала он говорил с нею лѣниво, нехотя, но потом оживился и оказался далеко не глупым и видѣвшим много интереснаго в своей жизни... Он был мастер обращаться с женщинами, и Викторія скоро почувствовала это на себѣ.. Словно гипнозом усыпил он ея совѣсть, всѣ ея идеалы, ея гордость и сумѣл разжечь в пламенный огонь ея недовольство мужем и судьбой, жажду мести какими-бы то ни было средствами.

Как случилось, как могло случиться — она до сих пор не может понять. Несомнѣнно только то, что через два мѣсяца послѣ злополучнаго губернатор-

скаго бала она уже мчалась в вагонѣ в Петербург, покинув мужа, сына, родную семью, похоронив свою гордость и честь, одним ударом разрушив все то, что цѣлыми годами было взрощено в ея душѣ, что было завоевано сердечными муками, облито горькими, скрытыми от всѣх, слезами...

А он, важный генерал с высоким именем, развѣ он мог удовлетвориться любовью и тѣлом одной женщины, да еще скучной, порядочной.

Викторія скоро раскусила его... Не любовь зажгла в нем ея красота, а желаніе ею обладать, и его пресыщенная душа оцѣнила это и уцѣпилась, как за послѣдніе человѣческіе свои проблески. Одно в нем было несомнѣнно — порода и придворный лоск; все прочее рухнуло в ея глазах.

Его интересовали только разврат, сальные анекдоты, сальныя книги и еще блеск и быстрота его карьеры; все остальное не существовало, во всем остальном — он был даже глуп. Да, он был глуп, смѣшон важничаньем, своим достоинством, с которым он подчеркивал свое высокое имя и положеніе.

Что, кромѣ вреда, мог принести своему дѣлу и странѣ, которой служил, такой человѣк?

Порода — это, конечно, преимущество, но только тогда, когда она связана с порядочностью, с умом, с трудолюбіем. А этот глупый циник и бездѣльник!..

И разрыв произошел так быстро, что оскорбленный муж, явившійся требовать кровавой расплаты, застал „его превосходительство“ утѣшающимся с балетной артисткой.

„Его превосходительство“ нашел, что платить своею кровью не за что, да и не зачѣм; такая благородная, высокая жизнь могла пригодиться, по его мнѣнію, странѣ, которой он служил, и Бѣлокутскій должен был оставить Петербург со слезами неудовлетвореннаго бѣшенства на глазах.

Все это Викторія знала. Потом он вернулся в Петербург и она часто слышала его имя, в связи с другим каким-нибудь женским... И странно; всякій

раз не могла она побѣдить жгучей боли, хватавшей ее за сердце, когда произносили это имя, когда-то дорогое... Если-бы в ея жизнь ворвалась какая-нибудь новая струя, какое-нибудь увлеченіе или даже любовь, она сумѣла-бы побѣдить прошлое. Но нѣт, сердце Викторіи жило только этим прошлым, а ум напрасно старался его побѣдить, то заливая вином и весельем, то погружаясь в искусство, науки и труд...

И вот они встрѣтились; судьба их столкнула снова, хотя цѣлые годы их раздѣляли, и как!.. Она нашла его, залитаго собственной кровью, распростертаго в безчувственном состояніи на чьей-то шинели, наскоро брошенной на снѣжный земной покров, окруженнаго среди снѣжной пустыни секундантами и врагами.

Этого мало, — она, она сама является причиной этой кровавой трагедіи... Значит, и он так же, как и она, не мог слышать ея имени без содроганія, без боли, без бѣшенства.

Пріѣзд знаменитаго профессора-хирурга оторвал Викторію от дум и воспоминаній... Яснева провели в ея спальню; он пріѣхал в сопровожденіи ассистента и сестры милосердія...

Это был высокій, плотный военный, в генеральском чинѣ, с симпатичным моложавым лицом, хотя совершенно сѣдой... Он глядѣл на мір Божій сквозь синіе выпуклые очки... Викторія вышла из комнаты и предоставила профессору больного...

Осмотр показавшійся ей длинным, как вѣчность, привел профессора к грустным выводам.

Рана опасная; первая помощь оказана не так' как слѣдует; жар начинается, хотя обморочное состояніе, послѣ новой перевязки и принятых мѣр, скоро прекратится. Сам он, профессор, заѣдет еще раз сегодня и оставляет свою сидѣлку в помощь молодой супругѣ.

Викторія посадила сестру милосердія в сосѣднюю комнату, а сама стала мѣнять компрессы на головѣ... Раненый замѣтно успокоился и больше не стонал. Наконец, он глубоко вздохнул и разом открыл глаза....

Эти воспаленные глаза остановились на лицѣ склонявшейся молодой женщины и блѣдная, счастливая улыбка пробѣжала по губам страдальца...

Пусть это только сон или призрак воображенія, не все-ли равно?

— Викторія...

— Я, Леонид... Ну, что, как ты себя чувствуешь? Рана не болит, не безпокоит?

Он разом вспомнил все и безнадежно покачал головою. Так вот причины его бреда, вызвавшаго это дорогое видѣніе. Очевидно, рана не пустяшная и все путается в его головѣ, дѣйствительность и призраки.

Он обвел глазами вокруг. Незнакомая комната.

Роскошная спальня, вся обитая голубым шелком и разрисованная херувимами, словно на небесах. А вот среди незнакомых вещей какія-то картины и статуэтки, словно видѣнныя прежде когда-то, словно почему-то дорогія.

О, как все путается в головѣ. Как хорошо: на горячую голову призрак Викторіи кладет что-то освѣжающее, бодрящее.

— Послушай, кто бы ты ни была, прекрасное видѣніе, но ты приняла образ моей любимой жены, моей Викторіи... Дѣлай со мной что хочешь, терзай меня, жги, убей, но не мѣняй этого облика на другой, я тебя умоляю...

— Леонид, что ты говоришь, вѣдь это я, Викторія, твоя жена, с тобой.

Но мозг уже начинает ему измѣнять...

— Викторія... моя Викторія... А это кто там, в углу, ты видишь, твой генерал; прогони его, он жалкій трус, он не любит тебя, ему нужно только твое чудное точеное тѣло, но не надолго, нѣт Викторія... Не отдавайте ему; послѣ него я уже никогда тебя не поцѣлую, слышишь — никогда... Я не могу, не могу...

И Бѣлокутскій схватился за раненую грудь, стараясь сорвать повязку.

Он дико вращал глазами и ея слабыя руки напрасно пытались его удержать.

— Ты не Викторія, нѣт, нѣт . . . Уйди от меня. Ты продажная Зиночка — и вы всѣ, и ты, и ты, вы всѣ продажныя . . . Я ненавижу вас, презираю . . .

Викторія крикнула сидѣлку. Та быстро вбѣжала и вдвоем онѣ уложили и усмирили больного. Лед охладил его голову и бред стал успокаиваться, хотя призраки толпились у его изголовья.

Профессор пріѣхал в одиннадцать вечера, смѣнил перевязку и, прощаясь с Викторіей, покачал головой.

— Плохо его дѣло, барыня, ко всему надо быть готовой... Одна рана была бы еще полбѣды, но, очевидно, мозг его не выдержал всѣх потрясеній и начинается воспаленіе... Лед, лед, лед... и слѣдите, чтобы больной не вскакивал и не шевелил повязку. . . Вам придется чередоваться с сестрой . . . До свиданья-с . . . Завтра заѣду рано утром.

Профессор уѣхал, а Викторія с тяжелым вздохом опустила голову. Ночью она дала телеграмму матери и просила привезти немедленно их сына, а также телеграмму дядѣ Бѣлокутскаго...

XXIII

В „раю Магомета".

На первом вечерѣ, устроенном Еленой Маслиной, царила безумная, ослѣпляющая роскошь, но гостей было сравнительно мало.

Кое-какіе товарищи барона фон-Шмель и Реина, отборное милліонное купечество, нѣсколько дам с хорошими именами, но сомнительной репутаціей.

Конечно, Реин и барон фон-Шмель были среди присутствовавших и даже Реин привез с собою Люблинскаго.

Бѣдняк с протекціей барона фон-Шмель побывал у madame Эжени.

Эжени сразу оцѣнила его наружность и мундир и ссудила ему пять тысяч, из которых выдала только три, остальныя пошли, как проценты.

По мнѣнію Эжени, такого пріятнаго офицера всегда недурно держать в руках.

Люблинскій, временно вырванный из нищеты с обожаемой женщиной и тремя дѣтьми, пріодѣлся и стал походить на прежняго блестящаго Люблинскаго, а перенесенныя страданія только придавали ему особую интересность.

Елена заказала умопомрачительный туалет и прямо ошеломляла своей чувственной яркой красотой.

Парфен Власьевич Сопѣев, затянутый в парижскій фрак, по желанію хозяйки, замѣтно за нею ухаживал.

Его дочь была мила и поэтична в скромном бѣлом туалетѣ, отдѣланном, согласно капризной модѣ, розовыми кораллами.

На вечер попала, с помощью Реина, и госпожа „Футы-Ну-ты", во всеоружіи свей красоты, красиваго туалета и брилліантов. По ея милости, на вечерѣ красовался князь Любецкій-Трувор, как ея неотступный кавалер.

Роскошь поражала всѣх, даже видавших виды и очень богатых людей.

По совѣту Эжени, танцев не было: смѣшно задавать бал, когда мало знакомых; но гостей увеселяли всевозможными выдумками: румынскій оркестр, другой — струнный, хор цыган и нѣсколько извѣстных солистов и солисток.

Там, гдѣ дѣло стояло за деньгами, препятствій у Елены не было; ее огорчало только, что общество относится к ней как-то подозрительно и словно чуждается ея.

Она взяла в руки электрическій канделябр и, высоко поднимая его в рукѣ, освѣтила госпожу.

— Ах, madame, как вы хороши. Этот яркій мор-

ской цвѣт, весь в серебрѣ, выглядывает, как морская волна, покрытая пѣной, и ваша чудная головка вырисовывается из него, как головка морской царевны. Ах, madame, сегодня ваш день; мнѣ почему то кажется, — сегодня случится что-нибудь для вас особенное.

Первый звонок гостя прервал эту вдохновенную лесть madame Эжени.

Елена быстро направилась в переднюю залы принимать гостей, которые все прибывали.

При входѣ ея, грянул оркестр, а через полчаса началось концертное отдѣленіе.

Внимательным взором окинув зал, Елена увидѣла Вѣру Парфенову Сопѣеву, окруженную неинтересными кавалерами.

Хозяйка дома сейчас-же направилась к ней и пригласила слѣдовать за собой.

Умѣлой лестью и постоянными удовольствіями, на которыя вырывала разрѣшеніе у строгаго отца дѣвушки, Елена сумѣла завоевать симпатію Вѣры Парфеновны.

— Что это, душечка моя, какіе неинтересные кавалеры вас окружили? Этак вы заснете на моем первом вечерѣ и доставите мнѣ большое огорченіе... Пойдемте лучше со мною, я вам покажу мой зимній сад; там я устроила волшебный уголок к сегодняшнему дню; там теперь такое дивное освѣщеніе, что столѣтняя старуха покажется молодой.

— Спасибо вам, дорогая Елена Игнатьевна, что освободили меня из неинтереснаго плѣна... Гораздо пріятнѣе проводить время с вами вдвоем, но вы сегодня хозяйка многочисленных гостей.

— Всѣ мои гости — дорогіе гости, а вы неоцѣненная... А вот и сад... Неправда-ли волшебный?

Широкая стеклянная дверь, почти ворота, была настежь открыта. Тихіе звуки музыки неслись навстрѣчу... В мягком блѣдно-розовом свѣтѣ роскошный зеленый сад выступал, как видѣніе из рая Магомета...,

Как раз у входа в этот Магометов рай, Елену и Вѣру встрѣтил высокій стройный офицер.

Он был красив, и его особенная какая-то духовная красота выигрывала в этой особенной обстановкѣ, словно он был страж чудеснаго сада.

— А, Нестор Алексѣевич, вот вы гдѣ пропадаете? И неужели один?

— Один Елена Игнатьевна.

— Не вѣрю... Навѣрно, тут, в одном из гротиков, прячется прелестная нимфа или купается в одном из фонтанов.

Он улыбнулся, и эта улыбка была вмѣстѣ больная и свѣтлая.

Вѣра Парфеновна, заинтересованная, как никогда, не отрывала глаз от незнакомца... Эта встрѣча так много говорила ея поэтично настроенному воображенію...

Незнакомец произнес своим музыкальным голосом, как будто в тон этому ея настроенію.

— Здѣсь много нимф, Елена Игнатьевна. Однѣ — сладостно спят в таинственных гротиках, другія — купаются в фонтанах, и бриллiантовыя брызги играют всѣми цвѣтами на их нѣжных розовых тѣлах... Я любовался ими, это правда... Онѣ пробуждали в моей душѣ давно забытыя грезы, то сладостныя, то мучительныя... Но... едва осмѣливался я коснуться этих розовых ручек и ножек, этих разсыпавшихся дивных волос, всѣ чары спадали, я вздрагивал просыпался от грез, я отдергивал свою руку — вѣдь онѣ холодныя, не живыя, эти нимфы.

Улыбка сбѣжала с его лица, а глаза грустно взглянули на нѣжную незнакомую дѣвушку, стоявшую рядом с хозяйкой дома.

Рѣзким диссонансом ворвался в эту поэзію звонкій чувственный смѣх Елены и пошлыя шутливыя слова:

— О, о, вы мастер зубы заговаривать. Ишь, чего захотѣл, чтобы эти нимфы оказались живыми, отвѣчали на его пожатія и задушили бы его в своих объятіях!..

И так как оба ея собесѣдника молчали, она прибавила:

— Да вы знакомы-ли? Нѣт? Вот так потѣха. Нестор Алексѣевич Люблинскій — Вѣра Парфеновна Сопѣева. Надѣюсь, вы продолжите наш разговор, а меня отпустите на всѣ четыре стороны, гости уж, навѣрно, хватились меня.

И Елена, не входя даже в свой волшебный зимній сад, не выслушивая отвѣта Вѣры Парфеновны, быстрыми шагами пошла обратно в танцовальный зал.

Люблинскій так часто бывал в роли „занимателя" дѣвиц, что, конечно не растерялся, притом эта была ему симпатична своей миловидностью и нѣжной скромностью.

— Если вы позволите, я возьму на себя роль чичероне и покажу вам этот дѣйствительно волшебный сад. Когда идешь по его аллейкам, право, не вѣрится, что это не сон. Великая сила богатство. Когда человѣку ѣсть нечего, пропадают послѣдніе остатки человѣчности, а поэзія даже близко не подходит.

Они медленно подвигались вперед вглубь сада.

— Вы нервны. Когда поэзія в душѣ человѣка, ее нищета не прогонит. Смотрите, какіе перлы поэзіи рождает горе. Богатство-же, напротив, пресыщает душу и убивает в ней тонкія чувства. Вот Елена Игнатьевна — она создала красоту этого сада с помощью лучших мастеров и денег, но ей он не доставляет удовольствіе настолько, насколько может поразить и удивить гостей.

Нестор Алексѣевич быстро и с удивленіем взглянул на свою собесѣдницу. Кажется, эта нѣжная головка умѣет шевелить мозгами?

— Отчасти вы правы, ибо бывали такіе примѣры, но, по моему, только в видѣ исключеній. Для этого надо быть геніем. Увы, геніи родятся раз в сотни лѣт, а какая масса просто талантливых людей гибнет в нищетѣ. И знаете, к обыденным личностям всѣ эти пороки не прививаются так мучительно быстро, как к гибком талантливым натурам. Тѣх уже грязная тина

жизни засасывает быстро, безпощадно и почти всегда безвозвратно.

Вѣра Парфеновна слушала его, не возражая, удивленная и заинтересованная горячностью и образностью его рѣчи, а Люблинскій высказывал то, что давно накипѣло в сердцѣ, и удержу ему не было.

XXIV

От свѣта к мраку

— Все это так, — сказала Вѣра Парфеновна, внимательно прислушиваясь к словам Люблинскаго.

— Хотя опять-таки я здѣсь сохраню свое особое мнѣніе. Отдав должное природѣ, я заступлюсь за грандіозную попытку человѣка создать искусственное.

Не давая ему времени для возраженія она качнула своей бѣлокурой головкой и упрямо добавила:

— Да, во всем и всегда я останусь при своем мнѣніи, я опять возражу вам, что напрасно вы всѣ страданія отдаете бѣднякам, потому что их страданія физическія. О, Боже мой, я так ясно чувствую, как будто испытала сама, что нравственныя муки могут быть так сильны, когда с отчаяніем будешь проклинать „золотой потоп" вокруг тебя и со стонами будешь вымаливать у судьбы самых страшных физических мук, голода, бѣдствія, — чтобы только найти минуту забвенія...

Вѣра Парфеновна замолчала и Люблинскій не находил отвѣта. Не слова его поразили, а звук этого голоса, что-то в нем было страшное, будто пророческое, будто предвидѣла эта дѣвичья душа такую минуту в своей жизни, когда будет задыхаться в „золотом потокѣ", тщетно призывая забвеніе нравственных мук.

Был уже час ночи, когда Нестор Алексѣевич впервые догадался посмотрѣть на часы.

И Вѣра Парфеновна с удивленіем замѣтила, как яркая волна крови залила его лицо вплоть до корней волос. Он встал как-то порывисто и заговорил быстро, со смущеніем.

— Виноват, Вѣра Парфеновна, я должен спѣшить, и так страшно опоздал... Позвольте предложить вам мою руку и проводить вас к хозяйкѣ дома; она постарается о том, что-бы вы не скучали...

Как чуждо звучал его голос, каким далеким, другим показался он сам Вѣрѣ Парфеновнѣ...

Она молча встала и приняла предложенную руку, а он повел ее, быстро увлекая за собой, как будто дѣйствительно страшно спѣшил.

Попрежнему тихіе звуки неслись ему навстрѣчу, а в мягком блѣдно-розовом свѣтѣ роскошный сад выступал как видѣніе из рая Магомета... Попрежнему журчали фонтанчики, разсыпая милліарды брилліантовых искр на розовыя тѣни прекрасных нимф, а коегдѣ мигали зеленые электрическіе свѣтлячки... Попрежнему разливался вокруг сильный сладостный аромат рѣдкостных цвѣтов, чаруя и опьяняя сердца...

Только у самаго выхода Нестор Алексѣевич замедлил свои шаги; он круто повернулся и с послѣдним прощальным взглядом покинул сад.

— Сейчас мы переступим волшебную черту, и с нас спадает очарованіе этих нѣскольких мгновеній... Я никогда не забуду, Вѣра Парфеновна, как много было в них поэзіи... В мою жизнь они ворвались блуждающим огоньком, но я тот запоздалый путник, который хорошо изучил свой путь и не собьется... Только, когда вѣрной, знакомой дорогой я добреду до своего дома, он вспомнится мнѣ снова, этот поэтичный, красивый, блуждающій огонек... А теперь...

Он улыбнулся холодной свѣтской улыбкой.

— А теперь — вашу ручку Вѣра Парфеновна, и перешагнем волшебную черту...

Они вышли из зимняго сада и яркій ослѣпительный свѣт явился на смѣну мягкаго красноватаго, тихая музыка смѣнилась громкой цыганской хоровой

пѣснью, а тихое журчанье фонтанов — несдержанным говором...

Люблинскій в концертном залѣ сейчас-же розыскал хозяйку дома, которая прогуливалась между гостями в сопровожденіи Реина, замѣтно с ним кокетничая.

Она поразилась, что Нестор Алексѣевич не остается ужинать... Но он вѣжливо и непреклонно отклонил всѣ ея попытки задержать его и незамѣтно покинул блестящій вечер.

Он, конфузясь, сунул двугривенный в руку лакея, набросившаго на него шинель и швейцара, широко открывшаго перед ним двери. Вѣроятно, они остались недовольны такой нещедрой подачкой, а Люблинскій быстро зашагал, похлопывая галошами о мокрую мостовую.

Путь его был далек, но бюджет предписывал строгую экономію.

На вечер он попал собственно неволей, так как Эжени, устроившая ему заем в тяжелую минуту, через посредство барона фон-Шмель, поставила ему непремѣнным условіем посѣщать дом и вечера своей госпожи.

Наконец Люблинскій добрел до своей квартиры, почти в самом концѣ Невскаго, к Лаврѣ, с трудом дозвонился дворника и совершенно запыхался, залпом пробѣжав высокую лѣстницу.

Ему, ворча, отворила дверь сонная грязная прислуга.

— Жрать нечего, а шатаются. Ни днем, ни ночью покоя нѣт. Кабы вам одним служить, а то жильцов тут понапихано, что и чорт ногу сломит, не то, что обыкновенная женщина...

Но Люблинскій не обратил вниманія на ея слова: в дни своей нищеты он привык философски относиться и не к таким уколам. Он был безсилен и презирал их... Несмѣлой рукой он постучался в дверку своей комнаты. Ему сейчас-же открыли дверь; как будто та, которая открывала, уже давно стояла на стражѣ, в ожиданіи.

Старенькій темный ситцевый капотик от постояннаго мытья стал узким и мѣстами плотно обхватывал высокую, стройную фигуру: он не доходил до полу и стройныя бѣлыя ножки виднѣлись в потрепанных туфлях. Блестящіе, темные волосы без претензіи и завивок, небрежным узлом была наскоро собраны на красивой, нѣсколько крупной головкѣ.

Лицо поражало правильностью черт, а глаза мрачной глубиной; но и тут царила полная небрежность, блѣдная увядшая кожа, глубокая синева вокруг глаз.

Такова была женщина, которая встрѣтила Люблинскаго, его сожительница, мать его троих дѣтей, еще пять лѣт тому назад гремѣвшая своей красотой, извѣстная всему Петербургу своими блестящими свѣтскими успѣхами. Слѣдуя за порывом своего страстнаго сердца, она поставила на смарку всю свою жизнь и отдалась всецѣло Люблинскому. Когда нищета постепенно охватила любящую чету своими цѣпкими объятіями, не было такой тяжкой, грубой работы, которой не коснулись-бы эти изящныя, когда-то холеныя руки. Для болѣе благороднаго труда блестящая свѣтская львица была слишком мало образована, пожалуй, слишком мало умна; притом дѣти, появлявшіяся на свѣт один за другим, положительно привязывали ее к тѣсной комнаткѣ.

Нестор Алексѣевич нѣжно поцѣловал огрубѣвшую руку женщины и виноватыми ласковыми глазами заглянул в ея сердитое нахмуренное лицо... Все существо его еще не успѣло сбросить с себя очарованія только что видѣнной безумной роскоши, ту поэзію, которая унесла его на нѣсколько мгновеній от мрачной сѣрой дѣйствительности. И это так ясно выражалось во всей его фигурѣ, дѣлало его не таким, как всегда, и чуткій взор ревнивой женщины уловил эту тонкую перемѣну.

— Знаешь-ли ты, который теперь час, Тора? — сурово спросила молодая женщина.

— Знаю, знаю, Ниночка, я запоздал... Ты меня

простишь, дорогая, да? Только, почему сама ты не спишь? Нездоровится тебѣ? Или маленькая мѣшала?

Сердце Нины уже смягчилось, но ей стыдно было еще в этом сознаться.

— Почему не сплю? Безсовѣстно и спрашивать... И так уж я тебя отпустила веселиться, а сама, как всегда, осталась в грязной берлогѣ, а тут еще ты засидѣлся Бог знает до какого часа. Небось, не очень-то по вкусу было возвращаться из земного рая в бѣдный угол... Смотри, как бы женщины, осыпанныя брилліантами, разодѣтыя и надушенныя не показались бы тебѣ лучше твоей, правда любящей, но подурнѣвшей, постарѣвшей, утопающей в бѣдности и грязи Нины?

XXV

Золотая рыбка клюет.

— Грѣшно тебѣ так говорить, Нина, — возразил печально Нестор Алексѣевич, — ты знаешь, что не по своей охотѣ я ѣзжу на эти скучные, утомительные вечера и притом это еще только первый. Ты знаешь, что мы умирали с голоду всѣ и нам ссудили деньги только под этим странным условіем... Ради тебя и дѣтей, в которых все, что я люблю и весь мой мір я пойду на многое, на все, может быть, на преступленіе.

В его словах было так много искренности и притом каждое приносило блаженство сердцу Нины. И она, забывая эти долгіе, больные часы ожиданія, прильнула головкой к груди Нестора Алексѣевича.

И вдруг сразу она вспомнила, что он все еще стоит у дверей с шашкой через плечо, затянутый в мундир.

— Что же это я? Тора, снимай шашку, раздѣвайся. Завтра тебѣ рано в полк, надо скорѣе заснуть.

Он послѣдовал ея совѣту и спросил:

— А не дашь ли ты мнѣ кусочек чего-нибудь съѣсть?... Я пришел пѣшком и голод мучает меня.

— Как, ты не ужинал?

— Я ушел перед самым ужином... Видишь, как ты была ко мнѣ несправедлива?

— Мой бѣдненькій...

Она с нѣжностью его расцѣловала и заботливо достала маленькую тарелку между окнами и накормила Нестора Алексѣевича холодной телятиной...

— Ну разскажи мнѣ, как было там: весело? красиво? многолюдно?

— С кѣм же ты провел эти часы? С тобой, вѣдь, обращались там как с холостым, молодым, блестящим офицером... Какую даму тебѣ навязали? Или, может быть, ты выбрал сам?

— Говорил со многими, вѣдь моя обязанность была занимать. Но больше всего пришлось проболтать с юной купеческой дочкой, полудѣвочкой еще.

— Хорошенькая?

— Молода и неиспорчена, этим все сказано. Я предпочел ея искреннюю бесѣду кривлявіям баб, мнящих себя свѣтскими, неотразимыми львицами. А теперь, дорогая, пора и на отдых. Ну их всѣх в болото, исполнил свое назначеніе и забуду о их существованіи до новой встрѣчи, если таковая совершится.

Он не дал ей возражать и спрашивать, он поцѣловал ея озабоченный лобик, улегся и скоро его ровное дыханіе раздавалось в тишинѣ.

Ему снились сладкіе сны. Роскошный золотой поток бурлил у его ног, и он черпал золотую воду и раздавал ее тѣснившейся вокруг него толпѣ. Над ним разстилалось южное небо и между ним и золотым потоком висѣли роскошные сады Семирамиды.

Оттуда выглядывали головки его дѣтей и их охраняла, нѣжно склонясь над ними, бѣлокурая дѣвушка с чертами Вѣры Парфеновны. Но вот ее заслонила другая женщина, давно знакомая, любимая, — ее заслонила темная головка Нины со скорбной улыбкой на блѣдных устах.

Он что-то бормотал во снѣ, и Нина склонилась над ним, ей не спалось; только ничего не разобрала

она, ни одной фразы, ни одного слова из его бреда.

Усталая, она прилегла и наконец тишина водворилась в комнатѣ.

Было уже почти утро, а роскошный вечер в квартирѣ Маслиной еще был в разгарѣ...

. . . .

По уходѣ Люблинскаго, Елена пристроила около Вѣры Парфеновны двух молодых людей, искателей богатых невѣст, и онѣ на перебой старались занимать свою разсѣянную даму. Они вынесли не особенно отрадное впечатлѣніе о ея разговорчивости и умѣ, но ей до них не было никакого дѣла.

Развѣ могла ее занимать эта жалкая свѣтская бесѣда послѣ проведенных только что поэтичных минут? Развѣ этот блестящій зал, этот концерт, этот оживленный говор могли нравиться ей послѣ чуднаго уголка зимняго сада, гдѣ все соотвѣтствовало ея вкусу?.. Развѣ эти словно вылощенныя физіономіи, с искусственным восхищеніем, со слащавой лестью на устах могли вытѣснить стройный образ и вдохновенную рѣчь Нестора Алексѣевича?..

Нѣт, нѣт его уже здѣсь не было, но его образ, как живой, стоял перед нею, то грустно ей улыбался, то сердито хмурился.

Сердце Вѣры Парфеновны заговорило впервые и теперь ей казалось, что наконец встрѣтился тот идеал, о котором давно тосковала душа.

Но Елена мало заботилась о том, насколько удовлетворяли ея юную гостью приставленные протеже, — она слишком была занята своей собственной судьбой...

Весь вечер Рейн, видимо, за нею ухаживал и весь вечер она неустанно кокетничала с ним.

Чувственная красота милліонерши поддразнивала воображеніе полковника и какіе-то неясные планы, в которых самому себѣ еще стыдно было сознаться, начинали роиться в его головѣ.

Елена поглядѣла на него с дразнящей усмѣшкой. Он положительно ей нравился и эта видимая холод-

ностьего, которая как будто разделяла их все вре делала победу над его сердцем еще соблазнительнѣе.

Правда, Елена мечтала о титулѣ, но вѣдь всего не поймаешь за хвост. Вот барон фон-Шмель, он с титулом, но развѣ он сумѣет дать своей женѣ твердое и блестящее положенiе? Развѣ это настоящiй мужчина? Развѣ не претит ей его сухая фигура, птичiй ум?

Этот Реин по крайней мѣрѣ нравится ей, этот — сильный, умный, этот — кого угодно согнет в бараний рог своей желѣзной волей.

Она даже как будто смущалась и побаивалась той холодной неумолимой властности, которую читала в его глазах, ловила в очертанiях его рта.

— Не правда ли, немного скучно быть кавалером хозяйки дома? Но теперь уже до ужина остается мало времени, и я его отдам, как награду, моему покорному спутнику, тѣм болѣе, что предстоит нам небольшая бесѣда, которая может или укрѣпить нашу дружбу, или сильно ослабить ее. Вашу руку, полковник, и идемте, идемте, идемте.

Он улыбнулся своей холодной, так привлекавшей ее улыбкой.

— Когда приказывают, надо повиноваться.

Елена сильно оперлась на его руку, слегка склоняя голову к его высокому плечу, задѣвая пышной прической его блестящiе эполеты. Они прошли через весь зал медленно, и глаза присутствующих с любопытством слѣдили за ними.

Молоденькiй офицер, худой, с птичьим носом, таинственно склонился к стоявшему рядом с ним барону фон-Шмель.

— Обратите вниманiе, любезный барон, наш полковник закинул свою удочку и, кажется, брилiантовая рыбка клюет.

Барон даже подпрыгнул, негодуя на такое неправильное предположенiе.

— Вы слишком молоды, корнет, а молодость идет об руку с неопытностью. Это большая ошибка, увѣ-

ряю вас. Я знаю, кто нравится прекрасной хозяйкѣ, он мой пріятель, очень, очень хорошій, он ничего от меня не скрывает. Сегодня он выберет минутку и сдѣлает предложеніе и, может быть, в концѣ вечера уже будут поздравлять жениха и невѣсту.

— Ну, хоть я и молод, а совѣтовал бы вашему пріятелю поторопиться. Как наскучило это концертное отдѣленіе. Пойду поищу партнерчиков и сыграю на билліардѣ.

Корнет, позвякивая шпорами, перешел зал и скрылся за дверью, а барон фон Шмель разсѣянно поглядѣл ему вслѣд. Что это? Как будто в прощальном взглядѣ корнета мелькали насмѣшливыя до дерзости искорки?

Барон фон-Шмель сейчас же направился разыскивать Маслину и Реина. Он обошел всѣ гостиныя, всѣ уголки, которые были ему знакомы, исходил весь зимній сад, но парочка, которую он розыскивал, ни разу не попалась ему на глаза, как будто волшебныя силы переносили ее именно туда, откуда он уходил.

XXVI

Рыбка клюнула и трепещет.

В дѣйствительности дѣло объяснялось гораздо проще... Елена провела полковника в тот будуар, в котором принимала прежде так часто Андрея... В этот будуар барон фон-Шмель ни разу не попадал.

— Мой любимый уголок,—сказала Елена, и странные огоньки заиграли в ея глазах; эти огоньки зажглись воспоминаніем былых наслажденій, но Реин плохо знал эту женшину, еще он не умѣл читать в ея глазах.

Она опустилась на излюбленную кушетку и указала ему бывшее мѣсто Андрея, мягкій пуф у ея ног. Но Реин как бы не замѣтил ея движенія, он медленно подошел к большему креслу и опустился на него.

Елена гибким движеніем повернулась на кушеткѣ,

склоняя на обнаженныя руки голову и глядѣла прямо на Реина, не отрываясь своими большими глазали, низкій голос ея то звучал ровно и металлически, то трепетно колебался.

— С вами, я думаю, Александр Иванович, надо быть вполнѣ откровенной и прямой, да?

— Конечно.

— Такой я и буду... Я не лгала и не интересничала, когда предупреждала вас, что это будет роковая для наших отношеній бесѣда. Я буду говорить прямо, но начну издалека... Я думаю, вы не спѣшите и полчаса не покажутся вам вѣчностью?

— Я очень заинтересован, Елена Игнатьевна, и готов вас слушать...

— Ну, так не прерывайте меня, я начинаю...

Голос Елены звучал вкрадчиво и слегка насмѣшливо и Реин слушал внимательно, а мысль его та, что зародилась сегодня, неясно стала выступать все ярче и ярче...

— Не правда ли, хорошо здѣсь вокруг меня? Я думаю, вы понимаете почему? Я не закрываю глаз на дѣйствительность, я не приписываю чар своей молодости, красотѣ и прочим аксесуарам... Всѣ они выдѣляются и блестят потому, что выглядывают из „золотого потока", в котором утопают. Да, Александр Иванович, я чувствую себя царицей золота, а потому царицей своих желаній... О, я понимаю прекрасно: ко мнѣ, царицѣ золота, с удовольствіем потянутся десятки, сотни мужских рук, предлагая свою поддержку... Но мнѣ нужен тот, котораго я цѣню... Ему я отдам всю себя и полную власть над моим золотым царством, когда повѣрю, что он мой и только мой. Пусть он не спѣшит с отвѣтом и пусть не рѣшает сразу, пусть обдумывает. Он должен помнить, что этим отвѣтом или все создает, или все разрушает.

— Я понял вас, Елена Игнатьевна. Вы были со мной откровенны; позвольте же и мнѣ отплатить вам тѣм же. Когда мужчина говорит о бракѣ, он начинает со слов любви, если даже ея не чувствует... Я этого не сдѣлаю. Вы мнѣ нравитесь, ваша красота, — я не

могу ея не признавать,—меня раздражает, но я вас не люблю. Может быть, это и явится со временем, но поручиться я не могу. Не забывайте никогда этих моих слов... У меня есть все—вы правы; нѣт только золота, я бѣден,—вы угадали,—и потому крылья мои связаны... Я карьерист, вы это тоже уловили, и пока иду очень успѣшно; всѣ мнѣ завидуют... Я дам своей женѣ твердое и блестящее положенiе, если она пойдет рука об руку со мной и согну, ее в баранiй рог, едва она только посягнет на честь моего имени и положенiя... Я умен, меня провести невозможно и трудно скрыть что-нибудь от меня... По натурѣ, я человѣк холодный и бездушный и в мести, в наказанiях, буду безпощаден... Я все вам сказал, Елена Игнатьевна, всю правду... Может ли улыбаться вам такой человѣк, как спутник жизни?..

Теперь настало время ему ждать отвѣта. Елена наклонила голову и молчала; ей становилось как-то жутко. Но самоувѣренность одержала свою побѣду над всѣми ощущенiями; она снова лихо подняла опущенную было голову и вызывающая улыбка заиграла на ея устах.

— Больше, чѣм когда-либо, я увѣрена в себѣ и готова всѣ свои слова повторить с начала и до конца.

— В таком случаѣ, вот вам моя рука, Елена Игнатьевна... Попробуем вмѣстѣ пройти жизненный путь... Теперь мы знаем недостатки друг друга.

Он предложил руку Еленѣ, и она твердо на нее оперлась. Жених и невѣста прошли в зал; они не воспользовались своим уединенiем: ни один поцѣлуй не сорвался с их губ.

В маленькой гостиной Елену и Реина встрѣтил барон фон-Шмель.

— Гдѣ вы были, прелестная хозяйка? Мы всѣ вас ищем и не находим. Полковник похитил ваше общество, всѣ в отчаянiи, а я так чуть с ума не схожу с горя. Удѣлите и мнѣ, божественная Елена Игнатьевна, до ужина пять минут для важнаго разговора.

— Сейчас, барон, ни в каком случаѣ; я уже ве-

лѣла подавать ужин и больше не могу задерживать своих гостей...

— Только пять минут.

— Никак не могу. Да, что вам собственно нужно? Говорите прямо и при полковникѣ,—у меня нѣт тайн от него.

Барон фон Шмель откашлялся.

— Кхе, кхе, кхе... У меня тоже нѣт тайн от полковника, он мой друг и посвящен в мои планы... Вот в чем дѣло, Елена Игнатьевна.

Он откашлялся еще раз и торжественно вытянул свою длинную худую шею.

— Честь имѣю просить вашей руки, Елена Игнатьевна, и предложить вам высокое имя моих предков баронов фон-Шмель.

Он покраснѣл как рак и моргал глазами в ожиданіи отвѣта.

Елена мило улыбнулась.

— Очень тронута и очень польщена, милѣйшій барон.

Он захлебнулся, схватывая ея руку.

— Значит?

Она медленно освободила руку.

— Но... к сожалѣнію принуждена отказаться от высокой чести носить имя баронессы фон-Шмель. А теперь—надѣюсь, это не испортит наших дружеских отношеній,—теперь, как хозяйка дома, прошу вас к столу, откушать.

Она кивнула ему головкой и прошла дальше, опираясь на руку полковника.

XXVII

Ужин.

Эжени торопливо прошла в свою комнату.

Кровать стояла только для „глазу", ибо Эжени на ночь отпускалась домой и телефон давал ей знать когда раздавался первый звонок из спальни госпожи; она спѣшила тогда снова на Колокольную.

В своей комнатѣ Эжени надѣла пальто и шляпу, забрала кошелек и черным ходом спѣшно вышла на улицу.

Сторговавшись с извозчиком, она поѣхала к себѣ на квартиру, находящуюся при ея лавкѣ на Садовой улицѣ.

Небольшая лавочка серебряных и золотых вещей была старательно затворена и заперта на ночь с помощью толстых ставен, желѣзных болтов и секретных замков...

Эжени через ворота снова черным ходом пробралась в квартиру за лавочкой, состоявшую из четырех комнат; одна из них сдавалась жильцу.

В одной из них было свѣтло; очевидно, ея муж не спал, ожидая свою супругу.

Эжени сердито передернула плечами: право, старый дурак, до сих пор с непобѣдимой нѣжностью и страстью докучает ей своею любовью, которая и так порядком отравила ея молодость.

Она сердито хлопнула дверью и пошла в крохотную переднюю. Куда дѣвалась блестящая, хитрая камеристка, ловкая Эжени, с мягкими кошачьими манерами, безшумно скользящая по крытым коврами паркетам, со скромно опущенными глазами и незамѣтно пробѣгающими насмѣшливыми искорками в них?

Воздух в квартирѣ был тяжелый, смрадный; запах рыбы мог бы разозлить самаго нетребовательнаго человѣка и можно только было поражаться, как Эжени, которая дышала тонким ароматным воздухом квартиры Маслиной, переносила этот смрад.

А между тѣм удушливый воздух квартиры на Садовой был гораздо больше по сердцу Эжени: он был ей родной, с колыбели она привыкала к нему, сживалась с ним.

Эжени с мужем вошли в первую комнату, служившую гостиной и столовой. Тут еще рѣзче выдѣлялся запах рыбы и духота. Мебель была сборная, но вещи все хорошія, нѣкоторыя прямо художественныя.

Все, что могла, Эжени тащила в свое гнѣздо.

В комнатѣ горѣла яркая лампа, и в этом свѣтѣ вырисовывалась невзрачная, но типичная фигура ея мужа.

Он был уже очень стар и стан его согнулся, а на вытянутой шеѣ покачивалась обросшая волосами и бородой голова. Свои сѣдѣющіе жесткіе волосы он подкрашивал, и они выглядывали пестро-рыжеватыми... Длинный нос загибался к подбородку, а под нависшими бровями сверкали живые небольшіе каріе глазки... Его рот терялся в усах и бородѣ, но при улыбкѣ или смѣхѣ он широко открывался, разстегивался, как темная пасть.

Эжени с насмѣшкой на него поглядѣла.

-- Ты бы лучше спал, сатана! Чего ты не спишь? Поглядѣл бы на себя, чудовище! Ну, к лицу ли тебѣ нѣжности? Вот я так могу сказать—тьфу!

Старик с укором поглядѣл на супругу.

— Злая ты, развѣ я сплю когда-нибудь, тебя не дождавшись?.. У меня и сегодня припасен сюрпризик для тебя...

Он протянул женѣ грушу, искренно ею любуясь. Еще бы, рядом с ним, затянутая, разодѣтая, причесанная—она была совсѣм красавица.

— Дурак, у нас чего-чего только не было... Ну, да сейчас спать хочу, устала... и не смѣй меня будить, слышишь? Я пойду в свою комнату... И ты, Давид, ложись, голубчик. Завтра тебѣ рано вставать,—прибавила она мягко и протянула ему для поцѣлуя свою холеную руку в кольцах и браслетах.

Жадно прильнул он к этой рукѣ, покрывая ее поцѣлуями и, наконец, она с нетерпѣніем выдернула руку и вышла из комнаты.

За нею щелкнул два раза ключ, и муж остался один.

Не снимая своего халата, он завернулся в плед, подсунул под голову кожаную подушку и заснул на одном из диванов... Скоро его храп раздавался с разными варіаціями, пониженіями и повышеніями. Между тѣм Эжени прошла в свою комнату и заперлась на ключ. Это была кокетливая спальня, и вещи

в ея комнатѣ были еще лучше, стильнѣе, но за то еще больше напоминали коллекцію или магазин.

Она сейчас же сбросила свое платье и сѣла к туалетному столу. Шел шестой час утра, но для Эжени только начиналась жизнь.

Она вынула из ящика коробку с бѣлилами и усердно принялась натирать свое лицо... Не прошло и двух минут, как это лицо словно было покрыто бѣлой маской

Далѣе слѣдовали румяна, губная помада и всевозможные карандаши для бровей и рѣсниц.

Когда лицо и прическа, по мнѣнію Эжени, были закончены, камеристка Елены набросила на себя роскошный голубой пеньюар и осторожно три раза посучала в другую дверь комнаты.

На осторожный стук Эжени послѣдовал другой, не менѣе осторожный, и тогда она, уже не колеблясь, отворила дверь и так и оставила ее открытой все время, пока находилась в сосѣдней комнатѣ.

На порогѣ ее встрѣтил коренастый юноша, смазливый брюнет, в ярком шелковом халатѣ, с трубкой во рту.

— Поздно у вас сегодня, — заговорил он сладким тенорком, — я очень хорошо выспаться успѣл, завалился в семь часов... Ну, давай ужинать Эжени, у меня все готово.

В комнатѣ жильца все было разсчитано на комфорт: удобная оттоманка, кресла, ковры... В углу стоял столик, накрытый чистой скатертью на два прибора.

На нем высились бутылки, ваза с фруктами, стаканы, маленькія тарелочки и кое-какая закуска.

— Прежде всего, мой дорогой, дай обнять тебя... Голубочек мой, котик усатенькій...

Эжени положительно душила в своих объятіях юношу'

— Красавчик мой, как я люблю тебя!

Он терпѣливо нагибался и подставлял свое лицо поцѣлуям...

— Погоди, мой любимый мальчик, у тебя будет современем не мало золота, только люби свою Эжени...

— Уж как я люблю, сами знаете! — он, быстро обтерев рукой сальныя губы, оставил сочный поцѣлуй на ея щекѣ...

— Скоро, скоро, вот увидишь. Все идет, как по маслу, все хорошо... „Моя" сегодня помолвилась с одним полковником. Ох, и задаст же он ей перцу! Как я могла замѣтить, она уже начинает втюриваться в него... Я навела справки и выходит — хорошая штука... Он не любит ее, мою-то, и никогда любить не будет, потому что другая у него, молоденькая, хорошенькая, порядочная дѣвушка... В ту он втюрился сам, да денег нѣт, вот на моей и женится... Да, да, как разыграется все это, помутнѣет водица, тут и лови рыбку золотую...

Юноша мало разбирался в этих туманных планах, но нюху Эжени вѣрил, даже поклонялся и заранѣе потирал руки на золотую рыбку, из коей, он знал, львиная доля — его...

XXVIII

Васька Пухов.

Юноша вздохнул и покачал головой.

— Нѣт, Эжени, нѣт... Ты мало меня любишь... Я только забава для тебя, игрушка. Вот ласкать тебя, цѣловать, сидѣть с тобой... А когда надо мнѣ что-нибудь, ты никогда не даешь.

— Развѣ не все есть у тебя?.. Развѣ я не исполняю даже самаго малѣйшаго твоего желанія? Развѣ я не балую тебя? Стыдно и говорить так.

Он горько усмѣхнулся.

— Я, вѣдь, мужчина, а не кукла... Ты все покупаешь сама, а, может, я бы выбрал другое...

— Ну так пойдем вмѣстѣ в магазин, в какой хочешь...

— Это все не то...

Он подвинулся к ней и, цѣлуя ее, попросил:

— Эжени, дай мнѣ денег... Ну, рублей сто... Дай, милая, я так не могу, всегда без гроша...

Она вспылила.

— На что тебѣ деньги? На что? Говори... Я все тебѣ даю, дам, только попроси.., На что тебѣ деньги?

— Ну, хорошо, Эжени, я все сдѣлал, что мог, все... Я хотѣл принадлежать только тебѣ одной... Ну, так хорошо, Эжени... Я приму то, что мнѣ предлагают...

— Безсовѣстный... Что тебѣ предлагают? Что? Что?.. И ты за мою любовь так отплачиваешь, так?.. О, мой Бог, мой Бог... Змѣю я пригрѣла, подлую змѣю... Ох, ох, ох!

— Да, перестань, погоди... Все ты не так понимаешь... Просто работу предлагают и жалованье хорошее.

— Какую работу?..

— В оперетку берут. Голос у меня хорошій. Сначала в хор, а потом и большія роли дадут. Тенор вѣдь у меня, тенор! Понимаешь? Легче бриллiант найти, чѣм тенор... Говорят, года через два большія деньги зададут — всю тысячу в мѣсяц...

Эжени окончательно растерялась.

— В оперетку?.. Там тебя испортят... Пить будешь, пьяницей станешь, а бабы-то, бабы станут ловить тебя, красавчик мой, дусик.

Он самодовольно усмѣхнулся.

— Ну, еще-бы... Вот тогда и ты меня любить будешь, Эжени, да ревновать будешь... Подожди, еще пожалѣешь, что за какія-то деньги меня отдала...—злорадствовал он.

Каждое его слово, как капля яда, отравляла кровь Эжени.

— Нѣт, нѣт! — воскликнула она, ни — за что!.. Бери деньги, бери... На...

Она вытащила спрятанное на груди портмонэ и стала выбрасывать деньги ему на колѣни...

— На, на, бери, все бери.. Двадцать пять, пятьдесят, сто... Бери, бери! — Кровь мою пей, пей, пей!..

Ярко и жадно заблестѣли глаза юноши, он так и подхватывал летѣвшія бумажки. В портмонэ было полторасто рублей и всѣ они оказались в его руках... Вот так счастье! Покутить вволю и припрятать еще можно. Даром что-ли цѣловать такую старуху? Вишь увидѣла, одѣвает, да поит... Тоже.. Его, такого красавца, в золотой дворец надо, на своих лошадях катать!.. Хорошо, что сумѣл разыскать ея слабую струнку, — теперь будет таскать деньги... А не даст, так плюнет и в самом дѣлѣ в оперетку пойдет... Что ему она? Только молодость и голос теряешь...

Он запрятал деньги и стал горячо благодарить Эжени.

— Вот, понимаю, любовь! К чорту оперетку!.. Ты лучше всѣх...

Через час Эжени уже вползла в свою комнатку и снова притворила завѣтную дверь, скрывая всѣ слѣды своего ночного посѣщенія.

Она кольдкремом смыла свой нарядный грим и улеглась в постель... О, ей не спалось...

Только на разсвѣтѣ, уже совсѣм на этом позднем петербургском разсвѣтѣ, сомкнула она глаза в тревожном снѣ... А завтра цѣлый день работы, хитростей, выдержки, напряженія ума, нервов, вниманія...

Теперь уж надо драть со всѣх без сожалѣнія, потому что ея не жалѣют, с нея дерут...

И во снѣ Эжени преслѣдовали эти кровныя бумажки, которыя выманил ея возлюбленный.

Между тѣм напротив, Васька Пухов, по уходѣ Эжени выпил остатки вина и завалился спать.

Глубокое дыханіе вздымало его грудь, а щеки во снѣ заливались здоровым румянцем.

Он сладко улыбался, очевидно, и во снѣ продолжал упитывать закуски, запивая их винами, и получать ассигнаціи.

Его насилу добудилась Эжени утром, уже одѣтая и словно готовая на зов Елены Маслиной.

— Ну, прощай, мой котик, прощай, до вечера... Спи себѣ, гуляй, ѣшь, пей и думай о своей Эжени, —

бурно цѣлуя его, говорила она и вдруг не вытерпѣла и прибавила: — А денежки береги, ох, береги... Немного их у меня, и трудно даются. Я вот сейчас приму только двух-трех просителей и уѣду... Прощай.

Еще десятка два-три поцѣлуев и Эжени ушла... Васька посмотрѣл ей вслѣд, смѣясь...

— Ничего. Она достанет денег, хватит с меня...

Он повернулся на другой бок и сладко заснул...

Эжени вышла из своей комнаты с совсѣм другим лицом, невольным, сердитым, надо было на ком нибудь сорвать свою злобу... Первым ей попался ея муж.

— Эй ты, мосье Артур, чего ты тут торчишь... Лавка пустая, покупателей теряем... По ночам только бродишь, спать не даешь. Я тебѣ когда нибудь так огрѣю, что и не встанешь.

— Ты, милая, напрасно... Я рано встал и все время сидѣл в лавкѣ, только пришел кофе пить, теперь уже двѣнадцать, вмѣстѣ и выпьем... В кои-то вѣки приходится тебя домашним угощать... А покупателей мало, ой, как мало.

Она сердито отплюнулась и сѣла за накрытый стол к кофейному прибору.

В комнату вошла молодая дѣвушка средняго роста, цвѣтущая и смазливая, с надутым лицом...

— Здравствй Лили... Только кофе пить пришла? Кто-же в лавкѣ?

— Приказчик, — сердито буркнула дѣвушка.

Это была единственная дочь, Эжени, двадцатитрехлѣтняя Лилія или „Лили“, как называла ее Эжени...

— Что-же ты опять бурчишь и злишься? Вѣчно всѣм недовольна... Кормят и поят, и одѣвают, как куклу, эту корову, а она ничего не дѣлает, да еще изволите видѣть — вѣчно недовольна. Чтобы я таких рож не видѣла больше — иначе на улицу выкину.

Дѣвушка изподлобья подарила мать таким взглядом. что если-бы она поймала его, — содрогнулась бы.

Эжени одѣлась и через лавку прошла на улицу.

XXVIII

Продавщица.

Лавочка Эжени на Садовой была небольшая, но свѣтлая и уютная, а красивыя золотыя и серебряныя вещи поблескивали за окном и под стеклом прилавка.

Эжени равнодушно скользнула глазами по лавкѣ и вышла на улицу, но почти у порога лавки встрѣтилась лицом к лицу с бароном фон-Шмель.

— Я к вам, любезнѣйшая Эжени, к вам...

— Я очень спѣшу, но для барона всегда найдется часок и другой даже, — льстиво отвѣтила она, снова входя в свою роль — роль „Эжени", и провела барона в гостиную.

— Может быть, барон выпьет чашечку кофе или закусит... У Эжени все найдется для барона . . . — предложила камеристка Елены ея гостью и претенденту. — У меня чудный кофе . . .

— Спасибо, спасибо, Эжени... Какой тут кофе?.. Я так спѣшил застать вас. Вы, конечно, слышали новость? Как удружил мнѣ пріятель? А? Дѣло сорвалось, Эжени?... Что-же теперь?

Эжени соболѣзнующе покачала головой.

— Что-же, развѣ Эжени не предупреждала барона? Ужасно досадно, — но я это предвидѣла. Такой женщинѣ, как Елена, нужен блеск мундира и чиновный почет... Она кровная мѣщанка, что понимает она в благородном титулѣ? Чѣм-же я могу служить барону?...

Фон-Шмель заерзал на стулѣ.

— О, у меня, от Эжени секретов нѣт. Положеніе мое безвыходное — денег нѣт, кредита нѣт, но есть кредиторы.. Один шанс — баронскій титул...

Желанія два — разбогатѣть и отомстить Реину... Теперь ваш голос, Эжени..

Нѣкоторое время Эжени молчала, как будто сосредоточенно обдумывая.

Фон-Шмель спросил:

— Ну, а насчет Сопѣевой, что вы думаете? . . . Клюнет?

Эжени даже руками замахала.

— Что вы, что вы, барон... Это уж вовсе не выгорит... Какой-же вам дать совѣт. Я сама заинтересована в вашей судьбѣ... Помимо моего рѣдкаго к вам расположенія, вы, барон, знаете, сколько у меня ваших векселей... тысяч на двадцать. Развѣ мнѣ охота их терять? Вот что?... Дайте мнѣ обдумать, я хочу вас сдѣлать своим союзником. Пока будьте любезны с Реиным и не показывайте вашего недовольства, а потом... я все придумаю... А сейчас не хотите ли призанять, а? Много дать не могу, — рублей сто, полтораста; ну, и векселек, как всегда.

— Знаю, знаю, — кивнул головою обрадованный барон, — и условія ваши знаю... Завтра утром пріѣду с векселем на триста рублей и получу полтораста. Вот умрет мой дѣдушка и вы все, все получите... Я один наслѣдник.

Эжени таинственно улыбнулась.

— Сколько лѣт уже вы, барон, ждете наслѣдства... Может быть, один из нас или даже мы оба умрем раньше вашего добраго дѣда. А мои-то денежки, вѣдь, настоящія, не бумажки.

— Да, Эжени. Но, вѣдь вдвое, всегда вдвое.

В комнату постучали, прерывая их бесѣду.

— Что надо? — окрикнула Эжени.

— Звонок по телефону, госпожа Маслина проснулись.

Эжени заторопилась.

— Ну, идемте барон, я больше не могу. Она всегда сердится, ваша бывшая „будущая".

Она провела его через лавку.

Лили уже сидѣла без слез, подпудренная и кокетливо улыбнулась барону.

— Может быть, мосье что-нибудь купит? — сверкая бѣлоснѣжными крѣпкими зубами, спросила Лили

Барон замялся, он был без денег, но его глазки с видимым удовольствіем остановились на хорошенькой дѣвушкѣ.

Эжени удивленным, гнѣвным взглядом окинула дочь, но, что сказано, то сказано.

— Мадемуазель позволит и завтра я куплю что-нибудь, но сегодня спѣшу.

Барон вѣжливо ей поклонился и с восторгом замѣтил уже на улицѣ, обращаясь к Эжени.

— Какая прелестная у вас продавщица. Кто она?

Эжени строго поглядѣла ему прямо в глаза.

— Это не продавщица, это моя дочь. Надѣюсь, господин барон оцѣнит это и не попробует даже ухаживать за Лили, так как ему не выгодно ссориться со мною. Лили порядочная, честная дѣвушка.

Барон закашлялся.

— Кхе, кхе, кхе. Гм... Конечно... конечно. Миленькая дѣвушка, розочка, улыбка — амур. Но ваша дочь... Я думал продавщица, простая продавщица. Кхе, кхе... Но ваша дочь. Нѣт, нѣт.

Эжени сѣла на извозчика и уѣхала. Ея примѣру послѣдовал и барон фон-Шмель.

Все-таки он велѣл своему извозчику повернуть и еще раз проѣхать мимо витрины магазинчика.

В окошко за ним слѣдили блестящіе темные глаза Лили, а ротик лукаво улыбался, сверкая зубками.

— Канашечка!.. Душка!.. — мысленно адресовал ей барон. — Затра же буду покупать брошечку потихоньку от матери, на ея же деньги. О, кхе, кхе... Жизнь не плохая штука, а женщины, женщины...

Между тѣм Лили все еще стояла у окна, глядя ему вслѣд.

Он ей нравился? Нисколько. Но, кажется, он

барон, должно быть богат и... Ах-ах, как хочется Лили вырваться на свободу от этого прилавка, ничего не дѣлать, наряжаться, кататься в колясках, ѣсть конфекты Баллэ или Гурмэ и нюхать живые цвѣты.

— Лили, Лили, — позвал ее отец, — жилец встал, иди подай ему кофе, а я тут посижу.

Дѣвушка оторвалась от мечтаній и прошла в комнату... В передней перед зеркалом поправила свои волосы и вошла в столовую...

Кофе остыл, его пришлось подогрѣвать. За этим занятіем застал ее жилец Василій Васильевич Пухов.

Смазливый юноша пріодѣлся в хорошо сшитый сюртучек и кокетливо завязал голубоватый галстух . . .

Он хорошо выспался и румянец ярко играл на его юных, еще покрытых пушком персика, щеках.

— Мое почтеніе, Елизавета Артуровна. Как поживаете?..

Она немного вспыхнула.

— Прекрасно, Василій Васильевич!.. О, какой вы сегодня интересный... Собрались куда-нибудь?.. Пожалйста, садитесь... Вот кофе, сливки, масло, хлѣб...

— Благодарю... Д, я сегодня „ѣду на суд“, — важно прибавил он.

— На суд? Ея глаза округлились от удивленія.

— Да... Я буду пѣть, а леня будут судить. Если мой голос понравится — я поступаю на сцену и буду богат, очень богат... и всѣ женщины будут бѣгать за мной... да...

Она передвинула сухари к нему поближе.

— Но знаете, я бы... Ах, как вам это сказать?.. голос, сцена, дамы — это все глупости. А вот, если вы будете богаты, это хорошо... Только этого и стоит желать, — быстро проговорила Лили, как-то особенно прищелкивая толстыми губками, что всегда восхищало Пухова.

— А вы любите деньги, Лили? — спросил он ее, окидывая смѣющимися глазами.

— О, да...

— Поцѣлуйте меня, и я дам вам много денег.

— У вас нѣт.

— Есть.

Он вытащил пачку бумажек и любовался ея разгорѣвшимися глазками.

Она подошла к Пухову и поцѣловала его. Он вынул из пачки пятирублевку и отдал ей. Но пачка притягивала Лили как магнит. Она кошачьим движеніем раздвинула его руки и сѣла ему на колѣни... Но Пухов уже успѣл запрятать деньги, обхватив ее за талію и прижался поцѣлуем к ея губам.

— А теперь прощайте, Лили. Учитесь цѣловаться. Вы не умѣете. Прощайте, я иду на суд.

Пухов, смѣясь, выбѣжал из комнаты, и Лили, подпрыгивая, вернулась в лавку.

Там уже наклевывались покупатели и ея присутствіе, улыбки, умѣніе торговаться были необходимы...

XXX

Двѣ женщины.

Реин со службы проѣхал обѣдать к невѣстѣ.

Елена встрѣтила его нарядная, кокетливая, опьяняя тонким ароматом духов. Обѣдали они вдвоем, и обѣд прошел оживленно... Когда подали шампанское, Реин, поднимая бокал, предложил тост за ускореніе свадьбы.

Послѣ обѣда пили кофе в будуарѣ Елены и Реин говорил еще откровеннѣе, чѣм наканунѣ.

— Моя прекрасная невѣста, я хотѣл бы ускорить нашу свадьбу, — всякая сдѣлка не должна тянуться, а то явится масса причин, которыя ей повредят или ее разобьют.

Еленѣ слышались какіе-то намеки в словах полковника, но ей как-то страшно было его разспрашивать.

Теперь уже всякая помѣха этой свадьбѣ пугала Елену и напрасно она себя увѣряла, что только выгода вызывает этот страх, сердце подсказывало ей другое; оно то тревожно билось, то замирало. Но уста ея все-таки смѣялись.

— Хорошо, прекрасный жених. Вы находите, — не надо тянуть, великолѣпно... А что называете вы не тянуть? Назначайте сами.

— Оглашеніе можно снять. Подвертывается еще праздник. Сегодня суббота. Значит, вѣнчаніе в слѣдующее воскресенье.

Она усмѣхнулась.

— С моими деньгами я все и всегда успѣю. Итак, через восемь дней.

Елена прошлась по комнатѣ, потом подошла к Реину и залпом выпила рюмку ликера.

— Скажите откровенно, полковник, вы любите кого-нибудь?

Она смотрѣла ему прямо в глаза, но он не смутился. Его бы могли смутить невинные, чистые глаза Настеньки, но не эти лживые, наглые, самоувѣренные.

— Мнѣ четвертый идет десяток... Конечно, у меня бывали романы и связи... Н... я вам сдѣлал предложеніе, этим многое сказано... А если вы хотите знать больше, — я скажу вам в день свадьбы... Хотите? Послѣ вѣнчанья?

— Хорошо, как и я вам, — бравурно бросила она.

— Меня ваше прошлое не интересует, — грубо отвѣтил он. — В наш договор входит только будущее... А теперь, — он взглянул на часы, — о, мнѣ давно пора!.. Дѣл масса... До свиданья, прелестная невѣста. Приготовляйтесь к свадьбѣ и я... также... Видѣться, значит, до свадьбы придется мало...

Он поцѣловал ея руку и вышел.

Двѣ женщины в короткое время вступили на путь Реина.

Одна, будущая жена, проводила его пламенным

взором, который бы ему много сказал, если бы он его увидал.

Другая встрѣтила его на порогѣ квартиры с просвѣтленным, послѣ горячей молитвы, лицом, с кроткой, покорной улыбкой.

XXXI

Не уѣзжай голубчик мой.

Не долго грустила Зиночка „Фу-ты, Ну-ты“, когда узнала о печальном исходѣ дуэли для Бѣлокутскаго.

Первую вѣсть она встрѣтила со слезами, которыя высохли очень скоро.

Эгоистичное, безнравственное созданье, кого могла она глубоко сожалѣть?

Еще Бѣлокутскій боролся с тяжкой раной, окруженный заботливостью Викторіи, в бреду переживая много раз свою неудачную жизнь, а Зиночка уже веселилась с беззаботным игривым смѣхом.

— За Леонида я не боюсь... Он в надежных руках и нашел свое счастье... Свое разбитое семейное счастье я ему прощаю... Великая штука... Не я первая, не я послѣдняя... Уж и так он пострадал бѣдняга. Господь с ним! — с лицемѣрными вздохами говорила Зиночка всякому встрѣчному... И ей вѣрили, и ее жалѣли...

Особенно искусно и кокетливо повѣряла она свое горе князю Любецкому — Трувор, и юноша с каждым днем влюблялся в нее все больше и больше, первой чистой, безумной любовью.

Вот и сегодня Зиночка разодѣлась и ждет юнаго поклонника. Стрѣлки часов показывают без пяти минут семь и Зиночка знает, что ровно через пять минут, с первым же ударом часов он позвонит в ея столовую... Сегодня он обѣдает у нея.

Дѣйствительно, через пять минут явился князь, даже на минуту раньше. Обѣдали вдвоем, очень

весело. Зиночка кокетничала, шутила, ея хорошенькая ручка то и дѣло нечаянно задѣвала руку князя и... юноша вспыхивал.

Послѣ обѣда, когда они остались совершенно одни, без докучливых постоянных появленій прислуги, Зиночка рѣшила, что пора бросить настоящую удочку.

— Мой князь, я должна вас немного опечалить... Хотя... мнѣ самой еще грустнѣе. Мы... должны разстаться.

В голосѣ Зиночки слышались слезы.

Юноша поблѣднѣл.

— Разстаться? Почему? Неужели я вас оскорбил или чѣм нибудь обидѣл? Ради Бога, Зинаида Карповна.

Она нѣжно и печально улыбнулась.

— Вы? Как могло вам это придти в голову? Вы так сердечно отнесились ко мнѣ, как никто... Я так вам благодарна, так, так... И так больно уѣзжать, потому что вас уже не увижу и... и... — голос Зиночки оборвался.

— Боже мой не мучайте меня Зинаида Карповна... Уѣзжать? Куда? С кѣм? Почему?

Она поникла головой...

— Одна, совсѣм одна... Ах, эти проклятыя деньги... Все онѣ.

— При чем деньги?

— У меня их слишком мало, чтобы жить в столицѣ, я волей-неволей переберусь в провинцію и буду там... работать...

Он ужаснулся.

— Вы? Работать? Вот этими ручками?... Не мучайте меня, я вас обожаю. Я люблю вас так чисто, так свято... Позвольте мнѣ...

— Вы? Меня... любите? Вы?.. Милый, хорошій, мой, мой!

Зиночка бросилась его цѣловать и вдруг отшатнулась, закрывая лицо руками.

— Что я? Что я? Стыд какой!

Но князь был уже у ея ног, цѣловал эти ножки, задыхаясь от счастья.

Через четверть часа они уже сидѣли голубками на диванчикѣ и строили планы на будущее.

— Ах, как все перемѣнилось, по волшебству... Как я счастлива. Ты меня любишь? Глазки мои, василечки, губки мои чудесныя. Князечик мой, ненаглядный.

— Любимая моя, куколка. Ты увидишь, какое золотое чудное гнѣздышко я тебѣ устрою... И как скоро. Только два дня дай сроку. А то выдумала в провинцію, работать... Ребенок ты, как я люблю тебя.

— А не разлюбишь? — лукаво заглянула она ему в глаза, любуясь их синевой.

— Никогда... клянусь...

— Нам будет весело, хорошо... В театр, в балет, в рестораны, всюду, всюду вмѣстѣ.

— Ты мнѣ только скажи, гдѣ, я абонирую ложи. Какіе выѣзды тебѣ устрою, осыплю бриллiантами... Пусть всѣ видят, какая моя куколка, и как я ее люблю...

Слова князя, как сладкій мед были для Зиночки...

Долго он засидѣлся у нея, а когда она его проводила с поцѣлуем, со словами „до завтра", веселью ея не было границ... Она запѣла, запрыгала и заплясала...

Ну, развѣ жизнь не рай? Развѣ не исполняются всѣ ея мечты, самыя завѣтныя? Ну, развѣ не умница она?...

Итак, госпожа „Фу-ты-Нуты шагнула еще на нѣсколько ступеней выше и в этой высотѣ начинала слегка кружиться ея упоенная роскошью и счастьем головка.

XXXII

Дядя.

Проходили томительные дни и часы, пожалуй, томительныя мгновенія для Викторіи Бѣлокутской.

Леонид Львович метался в жару, дремал, часто нарушая рѣзкими движеніями правильность повязки.

Здоровая, молодая, натура Леонида Львовича начинала сдаваться и уступать, напрягая послѣднія силы в жаркой схваткѣ со смертью.

Викторія, просиживая безсонныя ночи и томительные дни, с каждым днем становилась все тоньше, все прозрачнѣе, все блѣднѣе.

На четвертый день болѣзни, когда Викторія задремала на своей софѣ, потому что Леонид Львович лежал спокойно, ее разбудил тихій, словно сдержанный звон и только ея чутко-дремлющее ухо могло уловить этот звон в тишинѣ. Викторія сейчас-же вскочила и прислушалась.

Очевидно, слабый звонок не был услышан даже прислугой, и вот он снова повторился так-же сдержанно и тихо.

Викторія осторожно вышла из комнаты, приказала открыть дверь и доложить ей, кто звонит.

Ей подали визитную карточку, и она прочитала с нѣкоторым волненіем: „Сергѣй Иванович Бѣлокутскій".

— Просите, — приказала она дрожащим голосом горничной.

Через нѣсколько мгновеній Викторія Адольфовна Бѣлокутская и Сергѣй Иванович Бѣлокутскій стояли друг против друга в свѣтлой гостиной и, казалось, проницательным взглядом хотѣли вывѣдать все, что таилось на днѣ их душ.

Викторія как-то сразу сумѣла оцѣнить стоящаго перед нею человѣка и рука, которую она было протянула гордым движеніем, безсильно опустилась, а в глазах заблестѣли слезинки.

Но почему он, этот гордый, настойчивый старик, единственный близкій родственник ея мужа, дядя, который так боготворил своего племянника, а потом, когда племянник не оправдал возлагавшихся на него надежд, с презрѣніем отвернувшійся, почему этот человѣк, который шел навстрѣчу Викторіи твердыми

шагами, теперь попятился назад и как будто отстранился от нея.

Что это? Эти спокойныя, гордыя черты начиют нервно подергиваться, какая то жалкая улыбка изкривляет упрямый рот и вдруг, неожиданно, он сидится на первый попавшийся стул и, опустив голову на дрожащія руки, тихо рыдает.

Так вот она, жена, жена Леонида.

Нервы старика, уже натянутые роковым извѣстіем о дуэли и болѣзни племянника, этим длинным тревожным путешествіем, когда он проводил безсонныя ночи и тяжкіе дни в мучительных думах, эти бѣдные нервы не выдержали и вот теперь он рыдал, напрасно стараясь усиліями воли сдержать себя.

Викторія нѣсколько мгновеній слѣдила за ним, совсѣм растерявшаяся, и вдруг, движимая неожиданным порывом, подошла к нему и безмолвно положила свою руку на сѣдую склоненную голову.

Старый дядя схватил эту руку, покрыл ее поцѣлуями и слезами, этими рѣдкими слезами, которыя уж лѣт двадцать не тревожили его глаз, и как-то сразу они сблизились, стали родными на всю остальную жизнь.

— Ну, что наш больной, что мой бѣдный, дорогой Леонид? Неужели так плох и нѣт надежды. Неужели невозможно возвратить ему жизнь, чтобы вырвать из этой пошлой, грязной среды, и дать ему возможность сдѣлаться настоящим человѣком, честным гражданином, мужем и отцом.

Викторія крѣпко, до боли стиснула свои руки.

— Вот уже четвертый день, как он борется со смертью. Я все надѣюсь, что побѣдит молодая, здоровая натура; но профессор качает головой и не подает мнѣ даже слабой надежды.

— Могу я взглянуть на него.

Она сейчас-же повернулась и пошла в комнату, гдѣ угасал Леонид Львович, ни одним словом не предупреждая стараго дядю быть осторожным; она знала, что любовь сама подскажет ему эту осторожность.

Мѣшки со льдом скрывали темную голову Леонида Львовича и среди этой бѣлизны выступало только его лицо с заострившимися чертами, глубокая синева вокруг закрытых глаз, и яркая словно пламенная краска, сжигавшая его щеки.

Милое, дорогое лицо! Несмотря на всѣ эти жаркія превращенія старик узнал его, узнал. Жгучая боль защемила его сердце.

Долго стояли они так, эти двое, в цѣлом мірѣ только они любили его и страдали вмѣстѣ с ним.

Под пристальным взглядом больной стал тревожиться, и Сергѣй Иванович с Викторіей поспѣшно, словно сговорились вышли из комнаты...

Викторія попросила сидѣлку замѣнить ее у постели больного а сама пригласила дядю в столовую, чтобы угостить чаем и закуской послѣ долгой дороги.

Послѣ завтрака, он попросил подарить ему полчаса для бесѣды, и они перешли в кабинет Викторіи. Молодая женщина в коротких словах повѣдала старику свою горькую жизнь, а недосказанное дополнили его живое воображеніе и ум. Послѣ откровеннаго разговора дядя и племянница сблизились еще больше и оцѣнили друг друга...

XXXIII

Гдѣ?

На слѣдующее утро пришла телеграмма от баронессы Граун, чтобы с курьерским в десять с половиной встрѣтили ее и маленькаго Бѣлокутскаго на Николаевском вокзалѣ.

Викторія поѣхала сама, а дядя остался замѣнять ее дома.

Викторія пріѣхала на вокзал за десять минут и уныло бродила в разношерстной толпѣ по платформѣ.

Наконец показались огни поѣзда, послышалось

его грозное дыханіе и, замедляя с каждым мгновеніем свою быстроту, он остановился, шипя и свистя.

Из купэ перваго класса выглянула крупная знакомая сѣдая, красивая голова и за ней черненькая кудрявая дѣтская головка.

Викторія быстро вбѣжала по ступенькам в этот вагон и замерла в материнских объятіях, другою рукою прижимая к себѣ головку маленькаго Сережи.

Четверть часа спустя, всѣ трое уже уѣхали в ландо, загроможденном вещами Сережи и баронессы.

Баронесса Граун внимательно вглядывалась в черты своей любимицы.

Боже мой, что сдѣлал с нею этот человѣк!

Прежде всегда, когда думала о Бѣлокутском, баронесса к слову „человѣк", прибавляла титул „негодный", но теперь он на смертном одрѣ, тщетно борется за угасающую жизнь, и баронесса стала относиться к нему с горькой снисходительностью.

Но не сожалѣть свое дитя, свою любящую красавицу дочку, она не могла . . . Развѣ такою отдала она ее этому человѣку!

— Ну, что? Как Леонид? — спросила она.

— Плохо, мама, — коротко отвѣтила дочь, и всю дорогу обѣ молчали, отдаваясь каждая своим мыслям, как будто не раздѣляла их долгая разлука и не явилось многое „новое" в жизни каждой из них...

Экипаж остановился, и Викторія ввела впервые свою мать и своего сына в этот свой дом, гдѣ переживала одиночество...

В передней их встрѣтил Сергѣй Иванович, познакомился с баронессой и схватил внучатаго племянника на руки.

— Настоящій Бѣлокутскій, — пробормотал он, — весь в дядю и в отца... Копія Леонида...

Ребенка удалили в самую крайнюю комнату, так как Сережа шалил, кричал и вообще не умѣл сдерживать своего серебристаго голоса...

Прошло еще два мучительных дня и вдруг про-

фессор выразил желаніе переговорить наединѣ с Сергѣем Ивановичем, предварительно собрав консиліум . . .

Сергѣй Иванович, весь блѣдный, провел профессора Яснева в кабинет Викторіи...

— Могу-ли я говорить с вами откровенно? — прямо спросил профессор Яснев.

— Я прошу вас об этом, профессор.

— Ваш племянник безнадежен. Мнѣніе мое подтвердил весь консиліум...

Здоровая натура упорно боролась со смертью, но надежды нѣт...

— Во всем воля святая Господа, — дрожащим голосом сказал Бѣлокутскій.

— Я боюсь, что, если не принять мѣр, больной скончается в безпамятствѣ. Лично я распоряжаться не имѣю права, рѣшайте вы, его близкіе. Сильными средствами я верну ему сознаніе, но это сократит борьбу жизни и смерти на нѣсколько часов... Дайте мнѣ отвѣт теперь же, но обдумайте хорошенько.

Сергѣй Иванович безсильно опустил голову и глухая борьба завязалась в его душѣ.

Как поступить?... Дать возможность умирающему проститься с близкими, сдѣлать предсмертныя распоряженія, примириться с Господом? Но отнять у него нѣсколько часов жизни, этой жизни, каждое мгновеніе которой священно? . . Что предпочел бы сам Леонид?

— Ну... конечно...

— Профессор, я беру на себя смѣлость рѣшить этот тяжелый вопрос... Мой племянник, вѣроятно, одобрит меня... Верните ему сознаніе... Что стоят нѣсколько лишних часов безсознательной жизни в сравненіи с возможностью умереть христіанином, проститься с близкими, примириться с ними и сказать свою послѣднюю волю? Мы не имѣем права лишать больного всего этого, я рѣшаю этот вопрос безповоротно, профессор... И даже прошу вас не посвящать

в нашу маленькую тайну его супругу, она и так уже убита и больна, держится одними нервами.

Профессор сочувственно кивнул головой.

— Я того-же мнѣнія, иначе не предложил-бы вам рѣшеніе этого вопроса, а прямо-бы предоставил больному умирать, когда настанет его час... Если позволите, я приступлю к этой моей послѣдней, по отношенію к больному, обязанности...

. . . .

Через два часа послѣ этого разговора Бѣлокутскій был приведен в сознаніе сильными мѣрами и послѣдній остаток фитиля его жизни догорал, сложенный вдвойнѣ.

Леонид Львович внимательным взглядом обвел комнату.

Но почему-же опять эти стѣны, незнакомая комната, и эти вещи, так странно знакомыя и дорогія?

Профессор и дядя молча ожидали пробужденія мысли, давая ей развертываться, постепенно, не стѣсняя и не ускоряя вмѣшательством ея полета . . .

— Дядя? Это ты?

— Я, милый Леонид...

— Милый? Значит ты не сердишься, простил, дядя?

— Ну, конечно, Леонид... Не волнуйся пустяками.

Больной перевел впавшіе лихорадочные глаза на профессора.

— Я очень слаб, профессор, мнѣ кажется, я умираю. Не скрывайте истины, я шел на смерть, и она не страшна для разбитой жизни, но... я желал-бы умереть... Христіанином. Всю жизнь отдал людям и земному, пускай хоть послѣдніе мои часы я проведу в мирѣ с Господом...

Лоб профессора нахмурился, брови сдвинулись, тѣнь страданія пробѣжала по живым, энергичным чертам. Профессор страдал всегда, когда на его руках угасала жизнь и он еще раз убѣждался, как жал-

ка, как слаба еще его земная наука и как ничтожна она в сравненіи с волей Господа..

— Ваша жизнь в опасности, Леонид Львович, но воля Господа нам неизвѣстна.. Конечно, вам слѣдует прежде всего исповѣдаться и причаститься, часто послѣ святого Причастія больные исцѣляются... Я, человѣк науки, говорю вам это и вы должны мнѣ вѣрить... Не раз вѣдь умирали на моих глазах и я раз был свидѣтелем, как послѣ Причастія поправлялись безнадежные больные . . . Объясняйте это поднятіем нервов, самогипнозом — как хотите, но фактам вѣрьте.

— Благодарю вас, профессор, я грѣшник и чудес недостоин. Но... Благодарю вас. Я понял, я прочел в ваших словах приговор, и я счастлив, счастлив —Видите, я не боюсь смерти. В ней, может быть, я вижу высшую милость... Давно и тщетно я молил Господа. Это была, может быть, единственная моя молитва.

Больной говорил много и слова его звучали неестественным оживленіем.

— Милый дядя пошлите сейчас за священником. Только постойте. В моем карманѣ... в том сюртукѣ, в котором я дрался, адрес священника. Его фамилія Виноградов, он стар, очень стар, но... мнѣ приходилось с ним встрѣчаться на пути... и он был прав... настал час, когда я посылаю за ним.

Когда Сергѣй Иванович вернулся снова в комнату больного, розыскав адрес и послав за священником Виноградовым, а профессор уѣхал, племянник обратился к нему с вопросом.

— А теперь, дядя, скажи мнѣ, гдѣ я?..

XXXIV

Послѣдняя исповѣдь.

Блѣдная улыбка промелькнула на печальном лицѣ Сергѣя Ивановича.

— Гдѣ ты, Леонид? Гдѣ? Вглядись, как слѣдует,

посмотри, может быть, нѣкоторыя вещи покажутся тебѣ знакомыми, может быть, художественность этой комнаты, эта нѣжная, граціозная простота, эта обитель которая дышет чистотою и окружает тебя заботами, подумай, чья может быть она?

Взор больного снова с вопросом обратился к знакомым картинам, к знакомым вещицам... Гдѣ видѣл он их?.-

И вдруг другая мысль, как молнія прорѣзала его мозг.

Так вот гдѣ он видѣл эту маленькую граціозную картинку, эту вѣточку бѣлых лилій, надломленную вѣточку с покорно опущенными головками цвѣтов? И эту искусно выточенную цвѣточницу из слоновой кости, и эту вазочку, и много, много еще других вещей...

— Викторія, — чуть слышно прошептал он, но Сергѣй Иванович так напряженно ждал в устах больного это имя, что уловил чуть слышный шопот.

— Да, да, —с глубокой нѣжностью подхватил он,—Викторія, твоя Викторія... Она хотѣла помѣшать дуэли, она опоздала, но приняла тебя раненаго в свои объятія и привезла сюда в свой дом. Она заботилась о тебѣ, ловила каждое твое дыханіе, дни и ночи без сна проводила у твоей постели. Она, как никто в мірѣ, дрожала за твою жизнь. Она все забыла, все простила и... заслужила твое прощеніе. Хочешь я позову ее, Леонид?

Но больной лежал молча, ни одно слово не сорвалось в отвѣт на горячую рѣчь дяди.

При первых словах этой рѣчи, этой сообщенной ему вѣсти, острая радость охватила душу.

Но ум взвѣсил все. Нѣсколько дней, может быть часов в его распоряженіи. Жизнь угасает, силы слабнут, он это чувствует.

О, если бы ему повторили эти слова тогда, когда полный жизненных сил, он изнывал от нравственных страданій. Но теперь, теперь...

На душу Леонида Львовича спустилось особенное настроеніе, свойственное только умирающим, ка-

кая то отдаленность от всего земного, словно всѣ интересы земли уже не касаются его, а только видны ему сквозь прозрачную дымку.

И в голосѣ его прозвучали торжественныя ноты, что-то не от міра сего, когда он медленно и вдумчиво отвѣчал дядѣ.

— Нѣт, не зови теперь Викторію, мы еще успѣем проститься с нею. Прежде всего, дядя, я должен думать о другом примиреніи, котораго жаждет теперь моя душа.

Раздался сильный, твердый звонок и отзвук его заколебался в комнатѣ больного.

Леонид поднялся на локтѣ и проговорил с увѣренностью.

— Батюшка Виноградов пріѣхал.

Сергѣй Иванович пошел провѣрить предположеніе племянника и вернулся в сопровожденіи высокаго совершенно сѣдого священника с бѣлой длинной бородой, в скромном черном подрясникѣ.

— Здравствуй, сын мой, — своим ясным спокойным голосом проговорил священник, отчетливо выговаривая слова.

— Здравствуйте, батюшка, — также ясно, но с видимым волненіем отвѣтил умирающій.

Они оба узнали друг друга, хотя видѣлись однажды и то случайно.

Сергѣй Иванович как-то сразу почувствовал, что он лишній, незамѣтно вышел из комнаты, плотно притворяя за собой дверь.

Батюшка без приглашенія подошел к Леониду Львовичу и опустился на край его широкой постели.

— Я умираю, батюшка, и хотѣл бы исповѣдать вам всѣ мои грѣхи, я хотѣл бы умереть, примиренный с Господом . . . и людьми . . .

— В добрый час, сын мой . . . Приступим к исповѣди . . . Только, сын мой, заклинаю тебя, вглядись в свою душу, в свое сердце, вспомни всю свою жизнь, ни одного грѣха не унеси с собою в вѣчную жизнь . . .

— Батюшка, помолитесь за меня, а я сейчас по-

стараюсь припомнить все, все, всю свою жизнь . . .

В комнатѣ умирающаго воцарилось молчаніе. Священник горячо молился, а Леонид Львович напрягал свою память, припоминая жизнь до мельчайших подробностей и мысленно отмѣчая всѣ свои грѣхи.

В торжественном молчаніи пролетѣло около получаса, наконец, раздался свѣтлый, ясный голос:

— Батюшка, я приготовился к святой исповѣди!..

. . . .

Долго длилась послѣдняя исповѣдь и в столовой, безмолвно сидѣли всѣ члены семьи Бѣлокутскаго, только сын его беззаботно играл в лошадки с бонной.

Наконец вошел священник с просвѣтленным лицом.

— Моя обязанность окончена. Больной примирился с Господом. Поздравьте его всѣ с принятіем Святых Тайн и очищеніем от грѣхов. Только прежде всѣх он просит свою супругу.

Викторія быстро встала. Волненіе давило ея грудь, слова останавливались в горлѣ . . . Она подошла к священнику и безмолвно наклонила голову, как бы прося благословенія, поцѣловала протянутый ей крест и прошла в комнату мужа.

Леонид Львович сбросил компрессы и лед с головы, все это „ненужное" уже . . .

Теперь его темные спутанные кудри выдѣлялись на бѣлых подушках, все лицо просвѣтлѣло неземною любовью, а глаза просто сіяли, как двѣ большія вечернія звѣзды.

Викторія подошла к постели и поцѣловала худую, горячую руку.

— Моя Викторія. — сказал он нѣжно, — моя дорогая, любимая жена... моя бѣдная, пострадавшая голубка... Дай заглянуть в твое личико, проститься с дорогими чертами.. Боже мой, Боже мой...

Со стоном вырвалось из больной груди, когда он увидал, как похудѣла она, как блѣдна, прозрачна,

какая мука и тоска свѣтятся в окруженных синевою глазах.

— Как я измучил тебя... Боже мой, Боже мой... моя дѣвочка..

Ах, если бы, если бы эти полныя нѣжности слова были сказаны ей тогда... тогда... когда... не было поздно...

— Не мучь себя, Леонид, перестань... Наша встрѣча... так свѣтла, не затемняй ея чистоты... Я люблю тебя, любима тобой. Пусть это будет день или даже час, но даже за миг полнаго счастья стоит страдать всю жизнь.

Леонид Львович заметался в постели, послѣдніе проблески земного стали томить его душу...

— Какая ты хорошая, чистая... Ты!.. Как могли мы быть счастливы, так... Но вдруг рѣчь его круто оборвалась, словно маленькое распятіе, которое он сжимал в горячей рукѣ, отрезвило его, напомнило, что он умирает, что сведены уже всѣ земные счеты.

И тонкая душа Викторіи понимала его без слов.

— Не надо, милый, к чему? Все то, что я говорю тебѣ, свято... Я полюбила тебя и, умирая, буду любить... Мы огорчали друг друга, но оба прощаем всѣ ошибки, всѣ страданія. Ты у меня, в моем домѣ, и мы опять вмѣстѣ... Я этого жаждала, ты этого также хотѣл; теперь мы снова друзья до гроба и потом, в новой вѣчной жизни... Один из нас уйдет первым и будет ждать другого, этот первый, по моему, счастливѣе... На долю второго много еще останется страданій, но вѣчная надежда — это вѣчное счастье... А теперь...— она снова чистыми поцѣлуями покрыла его руки... Теперь, мой дорогой, тебя хочет видѣть дядя, моя мама и наш... сын...

Острая радость отразилась в глазах больного и все тѣло его вздрогнуло от счастья.

— Сережа?.. Ты ангел, Викторія. Благодарю, благодарю... Только ты не уходи сама, позвони...

Викторія позвонила и вскорѣ вошел Сергѣй Иванович с баронессой.

При видѣ этого несчастнаго умирающаго, послѣдніе остатки неудовольствія погасли в душѣ баронессы и свиданіе ея с безшабашным, стоившим ей столько слез, зятем вышло трогательным и полным примиренія...

Сергѣй Иванович, по просьбѣ Викторіи, принес маленькаго Сережу...

— Это папа, — сказал он, — папа болен и Сережа будет тихій, пай, поцѣлует папу...

Бѣлокутскій благословил и прижал к сердцу своего сына. Малютка чутким сердечком почувствовал торжественность этой минуты, присмирѣл и свѣжими губками звонко отвѣтил на поцѣлуи отца.

Вдруг Леонид Львович почувствовал, что его клонит ко сну и силы ему измѣняют.

— Дядя, мнѣ хочется заснуть. Милый дядя, пусть Викторія посидит со мной. Тебѣ поручаю ее и Сережу.

— Будь спокоен, дорогой. Конечно, лучше отдохни.

Голова Леонида погрузилась в подушки. Викторія сѣла рядом, и он все время не выпускал ея руки.

Всѣ вышли из комнаты и супруги снова остались наединѣ.

Викторія мелкими нѣжными поцѣлуями покрывала руку, сжимавшую ея теплую руку.

Но вот это пожатія стало слабѣть, а горячая рука постепенно стала охладѣвать.

Маленькое конвульсивное движеніе всего тѣла и рука разжалась... уже почти холодная.

— Леонид, милый, — тихо позвала Викторія и заглянула в его лицо.

Какое оно странное, неподвижное, а грудь не колышется, как будто он не дышет.

— Леонид! — нервно вскрикнула Викторія и вдруг поняла истину и громко зарыдала.

Сейчас вошли всѣ, потому что были на-сторожѣ.

Сомнѣнія быть не могло. Леонида Львовича Бѣлокутскаго не стало.

Жена его билась в полу-безпамятствѣ в конвульсивных рыданіях на руках дяди. А Зинаида Карповна Ротикова задавала первый вечер на новосельѣ, прельщая гостей туалетами, кокетством и пѣніем цыганских романсов.

Викторія всю ночь не спала, молясь у тѣла мужа а Зиночка „Фу-ты-Ну-ты“ сладко заснула, мечтая о новом возлюбленном.

XXXIV

Свѣт и тѣни.

Послѣ похорон мужа, Викторія ходила, как во снѣ, не находя себѣ мѣста, не имѣя сил взяться за дѣло и даже не находила слов для молитвы.

Сергѣй Иванович болѣл за нее душой и, наконец, рѣшил серьезно с нею переговорить. Он выбрал минутку, когда Викторія показалась ему нѣсколько спокойнѣе.

— Во первых, позвольте вам передать предсмертное письмо Леонида. Вот вам, оно еще запечатано.

Викторія лихорадочно разорвала конверт и прочитала эти строки, продиктованныя предчувствіем смерти и любовью к ней.

Что новаго онѣ сказали ей? Только подтвердили, какая глубокая ошибка была их жизнь: ея и Леонида.

— А вот письмо мнѣ, — продолжал Сергѣй Иванович. — Прочтите.

Она прочла и положила письмо на колѣни с безмолвным вопросом в глазах.

— Вы видите, он поручает мнѣ вас и сына, он довѣрил мнѣ, зная меня с первых минут своей жизни, и довѣрил мнѣ все свое самое дорогое. Я думаю, вы

можете вѣрить мнѣ и моим совѣтам, я, вѣдь, тоже очень любил Леонида.

— Я вам вѣрю, — просто сказала она.

— Ну, так перестаньте так отдаваться отчаянію. У вас сын — ваша и его плоть и кровь, а вы как будто забывали про этого сына. Развѣ это не огорчило бы его?

Она провела рукой по блѣдному лбу.

— Что мнѣ дѣлать? Горе сильнѣе меня.

— Прежде всего надо оставить эту квартиру. Здѣсь воспоминанія слишком тяжелы. Ради вас и Сережи я остаюсь пока в Петербургѣ, уже нанял квартиру, вѣрнѣе, цѣлый домик, мы там размѣстимся и займемся прежде всего Сережей. В нем много отцовскаго, хорошаго и дурного; воспитывать его надо серьезно, а не так, как я воспитал Леонида. Вѣдь вы бы хотѣли избавить своего сына от участи отца?

Она вся задрожала и могла только говорить:

— О . . . не говорите! . . Думать страшно.

— Ну так вот . . . Подумайте все-таки и рѣшайте . . .

На слѣдующій день, послѣ безсонной ночи, Викторія сама пошла к Сергѣю Ивановичу.

— Я обдумала уже. Давайте переѣзжать.

— Могу вас обрадовать: баронесса тоже остается и выписывает ваших двух сестер, которыя остались на ея попеченіи, а барон, ваш отец, будет хлопотать о переводѣ сюда... Таким образом, нас составится цѣлая семья.

Переѣзд совершился быстро, и всѣ хлопоты взял на себя Сергѣй Иванович: он нанял особняк на Васильевском островѣ, для „воздуха“, как объяснил он баронессѣ, а так как экипажи были свои, то разстоянія пугаться было нечего.

Пріѣхали и сестры Викторіи, пятнадцатилѣтняя Ритта, и девятилѣтняя Женя.

Онѣ внесли оживленіе в дом и развлекали Викторію.

Но . . . наступала долгая ночь и тупая, безнадежная тоска давила сердце молодой вдовы . . .

———

На другой день, в назначенный час, барон фон Шмель уже сидѣл в гостиной Эжени с готовым и подписанным векселем на триста рублей в руках.

Она не замедлила выпорхнуть в гостиную и даже невнимательный взгляд барона замѣтил что глаза ея покраснѣли от слез.

Эту ночь Эжени не спала... Когда она вернулась домой, Васеньки Пухова еще не было и напрасно стучала она в завѣтную дверь.

Эжени бѣгала по своему будуару, как разъяренная львица, ломая руки и громко причитывала:

„Вот, вот, старая дура, дала сама денег, теперь сама лови вѣтра в полѣ, теперь ея денежки развѣет он там с разными фефелами . . . пропала она, совсѣм пропала“.

Васенька пріѣхал часов в пять и болѣе чѣм навеселѣ . . .

Между любовниками разыгралась дикая сцена... Эжени положительно не узнавала своего красавца... Куда дѣвалась его мягкость, его ласка...

У пьянаго, что на умѣ, то и на языкѣ... и Пухов выдал себя „с головою“...

— Прилѣзла-таки? — встрѣтил он свою даму сердца.

— Да ты пьян! Васенька, голубчик, откуда ты?

— Там меня больше нѣт! — крикнул он задорно, — и денежек твоих тоже нѣт, всѣ фюить...

Руки Эжени безсильно упали.

— Всѣ!.. Пол-то-раста? Всѣ?

Васенька подступил к ней, посмѣиваясь ей прямо в лицо, обдавая ее винным дыханіем.

— Всѣ, всѣ! Подумаешь! Я полтораста рублей не стою? Я? Да, ты знаешь-ли, старая как меня оцѣнили сегодня, а?.. Я вѣдь на суд ходил . . . Все важные были господа, антрепренеры разные . . . Зна-

ешь, как меня оцѣнили? Бархатный тенор. Вот кто я! Бархатный тенор . . .

Эжени слушала его и ушам своим не вѣрила, не находила слов для возраженія.

— Да-с. А хочешь жить по хорошему,— так никогда с тобой не поссоримся . . . Я человѣк добрый и буду любить тебя, меня, вѣдь, разныя там юбки не заманят, не таковскій . . . Слышишь, Эженичка, а? Ну, так давай мнѣ по хорошему денежки . . . У тебя их много, хе, хе, хе . . . Шельмочка, право шельмочка . . . ну, сотняжку еще . . . Я вѣдь кутить не буду больше, мнѣ на ученье надо . . . Я, вѣдь, сегодня с радости, за бархатный тенор . . . Потом, вѣдь, и у меня денежки будут, — тогда пополам. . . ну-с абгемахт . . . Хе, хе, хе . . . Шельмочка ты.

От просьб и угроз Васенька Пухов перешел к поцѣлуям и ласкам, и тогда уже Эжени окончательно поняла, что она раба, безпомощная раба этого человѣка.

Снова, как и наканунѣ, вынула она запрятанный на груди бумажник и нервными движеніями повыбрасывала всѣ кредитки к ногам Пухова, опять собралось злополучных полтораста рублей, словно сумма эта была заколдованная для Эжени.

— Я вѣдь добр,—бормотал окончательно пьяный и подбирая кредитки Васенька Пухов, — я добр. . . Всѣм дам, всѣм. Вот и дочкѣ твоей дал сегодня, дал . . . Красавица она, твоя дочка, Эженичка . . . Пять рублей ей дал, один только раз поцѣловала.

Казалось, чаша терпѣнія Эжени переполнилась, слезы прорвались из сухих вытаращенных глаз. Она выбѣжала из комнаты возлюбленнаго, заперлась на ключ и, рыдая, бросилась на кровать.

Когда утром подошла она к зеркалу, оно отравило смѣшную физіономію. Еще бы! Обычный кокетливый гримм, который она накладывала только для Васеньки Пухова, забытый на лицѣ, разползся от слез длинными цвѣтными полосками. Эжени стерла его кольд-кремом и снова прилегла. Теперь уже сон ско-

вал ея вѣки так крѣпко, что она с трудом проснулась, когда стучались в ея дверь.

Стучалась Лили.

— Мамаша, просыпайтесь, господин барон вас ожидают.

— Хорошо, сейчас, — грубо отвѣтила Эжени.

А, скверная дѣвченка. Цѣловаться с ея Васенькой, таскать у него деньги, „ея" деньги! С каким удовольствіем сейчас-же Эжени втащила-бы ее к себѣ в комнату, избила-бы, исщипала, изорвала бы эти свѣжія, толстыя губы, которыя осмѣлились!...

Но нѣт, благоразуміе все-таки еще не совсѣм покинуло эту влюбленную голову, конечно, она вздует Лили, но найдет другой, болѣе удобный предлог.

И вот Эжени вошла в гостиную, гдѣ ждал ее барон фон-Шмель, сразу с удивленіем замѣтившій эти вспухшіе от слез красные глаза Эжени.

— Здравствуйте, мадам Эжени, я вексель привез на триста.

— Господин барон простит мнѣ, что заставила его ждать немного. Сегодня всю ночь болѣла голова и только под утро заснула. Деньги готовы, пусть господин барон не безпокоится, все свѣженькія и чистенькія бумажки, полторы сотни сполна.

Эжени снова старалась войти в свою роль важной и таинственной камеристки. Она вытащила деньги и лицо ея оживилось немного, когда она посмотрѣла и спрятала правильный новенькій вексель на триста рублей.

XXXVI

Брошка.

Коммерческая душа ея не могла не испытывать нѣкотораго удовлетворенія. Еще бы: сто — на сто! В том, что получит с барона по всѣм его векселям сполна, Эжени не сомнѣвалась. Рано или поздно, а это будет так, не может-же человѣк, его дѣдушка, оказаться безсмертным.

— Я вам еще одну радость приготовила, любезный господин барон.

— Какую, Эжени?

— А насчет полковника, господин барон. Мы ему поднесем такую тютю, что ах! Я уже много пронюхала и разузнала... и уже план составила, геніальный план, господин барон. Увѣряю вас, это будет сладкая месть, медленно, но глубоко вонзится она в сердце полковника... И господину барону придется сыграть одну маленькую роль: написать и доставить одно письмецо.

— Я, Эжени, я... я готов... ах, готов, — захлебнулся с удовольствіем барон. — Я сейчас могу сварганить это письмо.

Эжени улыбнулась.

— Господин барон уже очень торопится.

— Дѣло успѣется. Пусть господин барон зайдет ко мнѣ утром в день свадьбы полковника и госпожи Маслиной.

— А... — протянул барон с разочарованіем, — значит эта свадьба все таки состоится?

Эжени притворила всѣ двери и таинственно приблизилась к барону.

— Этой свадьбѣ, господин барон, никто не может помѣшать. Надо только постараться отравить им жизнь обоим, и они разбѣгутся, я вас увѣряю. Теперь их ничѣм не остановишь, — не такіе они люди. Но потом, потом на слабых струнах их сердец я сыграю вам чудную пѣсню. О, я композитор, великій композитор, господин барон.

Они вмѣстѣ вышли на улицу и разъѣхались в разныя стороны, но через полчаса барон фон Шмель уж подъѣзжал к маленькому магазинчику золотых и серебряных вещей на Садовой, куда притягивала его дразнящая и многообѣщающая улыбка юной продавщицы мадеумазель Лили.

Он вошел в магазин с самой глупой улыбкой, на какую только был способен.

— Мадемуазель предлагала мнѣ вчера очарова-

тельную брошку. Сегодня я пріѣхал посмотрѣть и купить, если понравится.

— Вот эта брошка,—сверкнула зубками и глазками Лили.

— Чудесная брошь, мадемуазель.

— И недорогая, господин барон... всего сорок рублей, а, вѣдь, какой хорошенькій, чистенькій брилліантик посрединѣ, а розочки так и играют, право!..

Лили подставляла футляр тусклым солнечным лучам и искренне любовалась слабой игрой скверных каменьев.

Барон молча вынул свое портмонэ и выложил на прилавок восемь золотых пятирублевок.

Лили, привыкшая к немилосердному торгу своих мелких покупателей, умѣла запрашивать и теперь поразилась щедрости барона, окончательно рѣшив своей неопытной, но испорченной головкой, что барон очень, очень богат... Она оглянулась и, замѣтив любопытные взоры приказчика, удалила его под благовидным предлогом.

— Позвольте завернуть брошку? — кокетливо спросила Лили барона, когда они остались одни.

Он засмѣялся.

— Ну, зачѣм, мадемуазель? Что буду дѣлать я с этой брошкой, я — одинокій бродяга... Если мадемуазель позволит, я надѣну ее как раз возлѣ галстука мадемуазель; там есть очень удобное мѣстечко...

Лили потянулась к нему и, закинув шейку, предоставила ему распоряжаться брошкой.

— Видите, как хорошо.

Она взглянула в зеркальце и вздохнула...

— Да, очень хорошо... И вообще... много есть на свѣтѣ хорошаго...

— Вы скучаете?.. Я думаю, вам надоѣло сидѣть за прилавком... Это не дѣло для такой юной красавицы... Вы созданы для восхищенія и обожанія, для роскоши.

— Сказать вам откровенно, господин барон, я того-же мнѣнія... Мнѣ так скучно тут, что право лучше умереть, не вѣрьте моему веселому лицу и улыб-

кѣ. Я, вѣдь, тоже умѣю мечтать, желать и знаю себѣ цѣну... Если-бы я встрѣтила богатаго человѣка, который мог-бы вырвать меня отсюда, дать мнѣ роскошь и удовольствія, я-бы о, я полюбила-бы его выше мѣры.

На эту откровенность юной продавщицы барон отвѣтил не менѣе откровенно.

— Браво, мадемуазель. Об этом нам с вами стоило-бы потолковать, как слѣдует. Вот моя визитная карточка. Дома всегда от восьми до девяти вечера... А теперь до свиданья. Носите брошку на счастье...

— Мерси... Буду носить...

— А придете?

— Я.. думаю, что... приду...

Он послал ей воздушный поцѣлуй и удалился.

Она долго задумчиво глядѣла на его визитную карточку и, наконец, спрятала ее на груди.

XXXVII

У барона

Барон фон-Шмель проснулся как-то особенно рано. Против обыкновенія, он был нервно настроен...

Барон совсѣм не по аристократически почесал свой затылок и позвонил лакея.

Этот послѣдній появился уже не так быстро и угодливо, как раньше, позабыл держаться в струнку и прямо-таки раздражал барона своими развязными движеніями.

— Господин барон, вас давно уже дожидается какая-то барышня.

Барон вскочил.

— Барышня, говориш ты, Антон? Это прекрасно... А какова канашка? Хорошенькая или нѣт?

— Черненькая такая, молодая, никогда ея не видывал, ваше сіятельство.

— Кхе, кхе... Антон, давай скорѣй мои туфли и

халат. Пока я умоюсь и приведу свое лицо в порядок, ты приберешь мою спальню и надушишь тут все, как слѣдует.

Через полчаса барон и спальня приведены были в порядок и Антон пригласил черненькую „канашку" перед ясныя очи барона.

Мадемуазель Лили, так как это была она, — вошла; плутовскими смѣющимися глазками она проэкзаменовала комнату и подумала:

— А, недурно, настоящій баронскій шик. О, шельмец, навѣрно очень богат!..

Барон с своей стороны проэкзаменовал пикантную свѣженькую дѣвченку, и словно маленькія острыя иголочки пробѣгали по его спинѣ; это всегда с ним бывало, когда он видѣл или предчувствовал что-нибудь пикантное.

— Ах мадемуазель Лили, как счастлив я вас видѣть и как долго вы меня томили своим отсутствіем. Пожалуйста, присядьте, без стѣснѣнія, снимайте вашу шляпку... Вот так, мадемуазель Лили. Какая у вас чудесная ручка, мягкая и душистая. Если не знать, что вы стоите за скучным прилавком, можно, судя по этой ручкѣ, подумать, что вы княгиня или даже герцогиня.

Да, как ни безпечна и испорчена была Лили, но глухая мучительная борьба удерживала ее у скучнаго прилавка. Может быть, желаніе блеска, покоя и бездѣлья не побѣдило бы так скоро ея совѣсти и дѣвичьяго стыда, еслиб не вѣчные укоры, уколы и даже побои матери.

С тѣх пор, как Эжени узнала о поцѣлуѣ Лили и Васеньки Пухова, ревнивый бѣс вселился в нее и душа не знала покоя. Она придиралась к каждому слову, к каждому взгляду Лили, она с удовольствіем сыпала увѣсистыя пощечины на свѣжія щечки Лили и прямо впивалась когтями в ея плечи и руки,

Дикая домашняя сцена произошла наканунѣ. Лили провела безсонную ночь и эта ночь побѣдила ея совѣсть, укрѣпила ея рѣшеніе.

И вот Лили здѣсь, у этого знатнаго богача — барона.

Она не любить его, пожалуй даже он противен ей с этой длинной сухой фигурой и тонкой жилистой шеей, выступающей из роскошнаго голубого халата.

Но... он вырвет ее из прежде скучной, тоскливой, а теперь прямо-таки несносной жизни, он поселит ее в роскошной квартирѣ, даст ей удобный экипаж, осыплет ее бриллiантами и деньгами.

Вѣдь тогда в магазинѣ она ясно изложила ему свои требованiя и желанiя, и он принял их и вполнѣ одобрил.

Но, чтобы вполнѣ быть увѣренной, она еще раз ему повторила все, точь в точь, как тогда, в магазинѣ.

. . . .

Незамѣтно прошло два часа и барон фон-Шмель, словно сразу опомнившись схватился за часы.

— Ах, Боже мой, а твоя мать, моя кошечка, ждет меня. Мы должны разстаться, Лили, увы! Не надо ждать лакея и вмѣшивать его в наши дѣла, я сам доведу тебя до передней... Не надо только говорить мамашѣ... Ты понимаешь это конечно?

И барон фон-Шмель взял шляпу Лили и протянул ее молодой дѣвушкѣ.

Лили сразу вся поблѣднѣла и задрожала. Машинально надѣла она шляпку и застегнула шубку до самой послѣдней пуговки. Нетвердыми шагами прошла она в маленькую гостиную барона слѣдом за ним и вдруг остановилась, крѣпко схватывая его за руку.

— Домой? Опять домой? Зачѣм? — еле слышно прошептала она.

— А как же, моя кошечка? Конечно, домой.

Барон фон-Шмель чмокнул ее еще раз на прощанье и выпустил за дверь. Лили машинально вышла на улицу и поспѣшно зашагала она по тротуару, как будто гнался кто-нибудь за ней по пятам.

Моросило... и легкiй вѣтерок задувал ей мокрыя капельки в лицо.

От скорой ходьбы и от этой холодной влаги Лили пришла в себя немного.

В голову ей стучало, сердце учащенно трепетало в груди, а эта грудь болѣзненно ныла и лихорадка пробѣгала по всему тѣлу.

Слезы стыда, обиды, злобы, раскаянія и сожалѣнія жгли ея глаза, но кругом сновали незнакомые ризношерстные люди, проѣзжали экипажи.

Вот пролетѣло мимо Лили шикарное ландо и в нем разодѣтая, намазанная кокотка с крупными брилліантами в ушах.

Эта съумѣла! А она, она, Лили!

Позор . . .

Но куда-же теперь? Домой?

„Да, домой, — безпощадно отвѣтил разсудок, — больше некуда".

И Лили тихонько пробралась в свой дом, через двор... Мать еще была дома; у нея кто-то был по дѣлу.

Лили вспомнила, что барон спѣшит к Эжени. Вѣроятно, это он. На извозчикѣ он пріѣхал втрое быстрѣе, чѣм принеслась она „на своих на двоих".

Она прокралась в свою комнатку с одним косым окном, срѣзанную углом.

Как противна теперь казалась ей эта комната и чистенькій туалет с голубыми лентами и зеркальцем, и два новеньких платьица, которыя она берегла и которыми гордилась.

Лили прилегла на свою нарядную кроватку и прикрылась платком.

Теперь она дала волю душившим ее жгучим слезам, только уткнула голову в подушку, чтобы заглушить стоны и всхлипыванія...

— О, подлец... шептала она. — Противная, сухая, жилистая жердь, как низко он обманул!

Да, теперь вмѣсто квартиры, коляски, брилліантов, покоя в роскоши и бездѣльи, теперь...

Позор...

. . . .

Барон дѣйствительно сидѣл в гостиной Эжени.

Перед ним на столѣ была чернильница и бумага, а в руках перо.

Эжени, заложив руки на спину, прогуливалась по комнатѣ и, наконец обдумав, продиктовала.

Барон, лицо котораго было такое глупое и натянутое, как всегда, только, пожалуй, немного усталое, пунктуально записывал ея слова.

„Милостивая государыня, сегодня ваш любовник Реин женится на богатой купчихѣ Маслиной, ради денег. Зайдите в церковь на улицѣ Л. — там только одна — и вы лично убѣдитесь, что это не клевета. Вѣнчаніе в девять часов вечера, билет на вход прилагаю. Ваш доброжелатель“.

— Готово?—спросила Эжени.

— Готово...

— Теперь адрес...

Барон послушно взял конверт.

— Пишите: Анастасіи Николаевнѣ Гласовой...

Письмо было вложено в конверт и запечатано.

— Знаете вы адрес Реина?

— Ну, конечно...

— Узнайте, кагда не будет его дома, так в половинѣ девятаго, илп даже в девять вечера, передайте через посыльнаго, пусть вручит ей лично...

— Все это исполнить легко, только какой толк и почему это сдѣлает Реина несчастным? Я думаю, он рад будет раздѣлаться со старой любовницей...

Даже Эжени с сожалѣніем поглядѣла на барона... Конечно, гдѣ ему понять, что есть страшная земная сила, — любовь и эта сила крушит все остальное, если попасть под ея власть.

Уж на что она, Эжени, мошенница и плут, да и та постигла силу любви... А этот?.. Ну, куда ему! Сухая, безмозглая мумія!.. Однако, она отвѣтила, улыбаясь:

— Вы только передайте, а за успѣх я ручаюсь. Тут моя маленькая тайна...

. . . .

В половинѣ девятаго посыльный рыскал у подъѣзда дома Реина, а без четверти девять позвонил...

— Здѣсь барышня, Анастасія Николаевна Гласова, живет?

— Здѣсь.

— Им письмо.

— Сейчас передам. Отвѣта не надоть?

— Нѣт.

Посыльный ушел, а Карп понес письмо Настенькѣ...

Она сидѣла одиноко в кабинетѣ Реина и что-то вышивала, временами печально вздыхая..,

— А вам письмецо, — с доброй улыбкой заявил Карп.

Настенька взяла письмо.

XXXV

Не может быть!

Никогда, во всю свою жизнь не забудет денщик Карп, какою смертельною блѣдностью покрылось лицо Настеньки, как страшно исказились ея нѣжныя черты, когда она прочла роковое письмо, написанное бароном фон Шмель под диктовку Эжени.

Прошло минуты двѣ полнаго молчанія. Настенька так и сидѣла с поднятой рукой, словно пораженная молніей.

— Барышня, голубенька, что вы? Христос с вами!

Поднятая рука с письмом как-то сразу ослабла и упала на колѣни.

Настенька встала, выпрямилась и вдруг по дѣтски, попрежнему, улыбнулась.

— Не может быть! Нѣт, нѣт не может быть... Неправда ли, Карпушка, не может этого быть, люди вѣдь не звѣри, а „он“ вѣдь лучшій из людей.

„Он“ вѣдь любимый, обожаемый... Не может быть, Карпушка. Я ему все отдала, всю себя, всю свою жизнь — на забаву, но он вѣдь не звѣрь, не убійца, Карпушка... Скажи мнѣ, вѣдь он никогда ни-

кого не убивал? Ты знаешь его больше, чѣм я, так скажи же, никого он не убивал?

Денщик растерянно отступил.

— Что вы, барышня, Христос с вами!..

Но вдруг молодая дѣвушка сразу стала серьезна, как будто какая то мысль, достойная вниманія, осѣнила ея голову.

— А мы все-таки поѣдем, Карпушка, непремѣнно поѣдем... Вот и билетик мнѣ прислали, постарались, пропуск в церковь...

Настя сказала это слово „церковь" и сразу вздрогнула.

— Пойдешь со мною, Карп?

— Слушаю, барышня.

— Ну, так иди, одѣвайся, только скорѣе, спѣшить надо! И я одѣнусь.

Денщика не надо было подгонять; он просто счастлив был, барышня брала его с собой, а не ѣхала одна.

Мало ли что? И он может оказаться не лишним.

Не прошло и десяти минут, как оба они уже выходили из подъѣзда на улицу.

Вечер был темный и туманный, как и утром моросило, и вѣтер разносил мокрыя капли... Только теперь этот вѣтер усилился, набѣгал рѣзкими порывами, то шумѣл, то уныло посвистывал.

— Мы поѣдем, Карп... Зови извозчика.

Лошаденка попалась быстрая, крѣпкая, а хорошая плата подбодрила „ваньку", и он похлестывал кнутом лошадку.

— Ну, ты, дорогая, вали!..

Не доѣзжая церкви, Настенька приказала „ванькѣ" остановиться, сунула ему серебряный рубль и словно вся в лихорадкѣ направилась к виднѣвшейся церковкѣ.

. . . .

Елена Маслина с утра тревожно готовилась к вечернему вѣнчанью.

Вспоминалось ея первое вѣнчанье, на которое

она смотрѣла, как на выгодную аферу, как спокойно относилась она к нему, никакого волненія. Ей сказали, когда настала пора одѣваться, и она одѣлась. Пріѣхала за ней карета и она спокойно сошла и поѣхала и церковь.

А теперь? Теперь уже совсѣм не стоило бы волноваться. В сотый раз повторяла она себѣ, что это замужество выгодная для обоих сдѣлка — и больше ничего. А между тѣм... Сердце билось тревожно, замирало так сладко, словно предвкушалось что-то хорошее, дорогое, дорогое.

Каждый пустяк занимал ее, как шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, а никогда не испытанное чувство душевнаго счастья обволакивало ее всю.

Туалет был закончен, а шаферов еще не было.

Елена велѣла зажечь в большой залѣ, гдѣ преобладали зеркала, всѣ электрическія лампы и в сопровожденіи Эжени и горничных направилась туда.

Роскошное бѣлое, серебрившееся, как парча, платье, сидѣло, как вылитое, на пышной, стройной фигурѣ.

Цвѣты из настоящих тонких серебряных нитей, усыпанные мелкими капельками бриллiантов, как чистыми росинками, расползались по платью, сверкали в черных волосах.

Роскошныя нити бриллiантов и жемчуга тянулись вокруг фигуры, заливали грудь и шею.

Тонкая, как паутинка, фата из настоящих кружев, как прозрачное легкое облако обволакивала всю эту царственную фигуру и головку, тянулась вдоль всего громаднаго шитаго жемчугом и бриллiантами трэна и укрѣплялась коронкой из разноцвѣтных драгоцѣнных камней на маковкѣ головы.

Эта коронка дополняла, оживляла блѣдный серебристый туалет, оттѣняла его...

Елена осталась довольна собой.

Освѣщенная электричеством ея фигура отразилась в безчисленных зеркалах и горѣла, как волшебное видѣніе, созданное самой пылкой фантазіей.

Так застали ее многочисленные шафера и прямо таки замерли с открытыми ртами у дверей зала.

Елена разсмѣялась.

Когда она вошла в церковь, то же безмолвное восхищеніе ее встрѣтило и потом, когда всѣ опомнились, словно рокот морских волн, пронесся возбужденный шопот.

Реин встрѣтил невѣсту и стал рядом с нею к аналою.

Вѣнчаніе началось.

Как жадно вслушивалась Елена в слова священника, в голоса пѣвчих.. как искренно обѣщалась быть вѣрной женой и лучшим другом.

А кругом тѣснилась блестящая толпа приглашенных и всѣ взоры были устремлены на „счастливую" парочку.

XXXIXI

Да, без сомнѣнья!

Настенька вошла в церковь...

Первое, что бросилось ей в глаза и осталось навсегда в памяти, была блестящая, нарядная, равнодушная к ней толпа, с изумленіем оглядывавшая ее с ног до головы.

Еще бы, как темное пятно, она выдѣлялась на этом свѣтлом фонѣ роскоши.

Когда она входила, слышался тихій голос священника, ясно произносившаго слова Евангелія.

Потом, заглушая его послѣднія слова, грянул хор, — громко и торжественно.

Из этих стройно слившихся голосов выдѣлялся один, чистый, серебряный, высокій; он словно пѣл отдѣльно свою пѣсню и каждое спѣтое им слово было так ясно. Этот голос проникал в душу Настеньки и долго потом звучал в ея ушах.

Все дальше и смѣлѣе прорывается она сквозь тѣсную толпу.

Теперь видит она уже спины брачущихся.

Сквозь прозрачное свѣтлое облако фаты вырисовывается высокая, роскошная фигура невѣсты; как темная туча, чернѣют кольца кудрей, и вся она горит, горит бриллiантовыми и серебряными огнями... И только корона, которая, словно удерживает своею тяжестью прозрачное облако фаты на темной головкѣ, эта золотая корона играетъ самоцвѣтными камнями.

Какъ ясно замѣчает Настенька всякую мелочь, как запечатлѣвается все в ея памяти навѣки, навѣки!

А вот и спина жениха, высокая, — цѣлою головою он выше невѣсты, — статная и широкая въ плечах... А вот и затылок, красиво выстриженный, округленный, до болѣзни знакомый.

Настенька пробирается все дальше.

Вот заглянула она в лицо невѣсты.

Красивое, но страшное какое-то...

Безпощадное, холодное, а в глубинѣ глаз виднѣется темная злобная ночь... Настенька переводит свой взор на жениха...

Онъ!.. Александр!..

Теперь уже „не может быть“ сомнѣнія... Сначала больно Настенькѣ, больно до безумія...

Но она стоит твердо на своих маленьких ножках.

О, как странно пріятно давить это больное мѣсто, слышать каждое слово священника, которое связывает „их“, а „ее“, Настеньку, гонит все дальше и дальше, устраняет, утаскивает в пучину безпросвѣтнаго, безнадежнаго отчаянія, разбивает сладкія, смутныя надежды и мечты...

Что думает она?

— Он никогда никого не убивал, Карпушка, никого? Ты вѣдь знаешь его больше и дольше, чѣм я. Так скажи же, скажи, он никогда, никого не убивал?

— Христос с вами, барышня.

— Нѣт, нѣт, не может этого быть. Вѣдь люди не звѣри, а он... лучшій из людей. А все-таки, Кар-

пушка, скажи мнѣ, скажи мнѣ, скажи, он никого не убивал?

И вот сейчас, в церкви, Настенька снова улыбается дѣтской улыбкой.

— А ты бы посмотрѣл, Карпушка, теперь на его лицо... Посмотрѣл бы... О, такіе убивают...

Настенька не отрываясь, теперь глядѣла в лицо Реина. Холодное, застывшее, но спокойное и твердое, а большіе глаза, тѣ, которые так нѣжно, так страстно ей улыбались, теперь поражают стальным, жестким блеском...

И страшная боль снова разрывает на части сердечко Настеньки; она так невыносима, что вырывается невольное, мучительное, слабое:

— А-ах!..

И Реин вздрагивает и смотрит вокруг, даже оглядывается.

Что это?

Его спокойное, безжизненное лицо начинает подергиваться, глаза расширяются, теряют стальной блеск, тускнѣют.

Что это? Не ошибается ли он, не призрак ли перед ним, призрак любимой дѣвушки, с такою мукою в васильковых глазах, с перекосившимся от страданія ртом. Он даже протирает свои глаза и дѣлает шаг вперед.

Но вѣнчаніе уже кончилось и священник уже второй раз повторяет ему, чтобы он поцѣловал свою Богом данную жену...

Толпа поздравляющих оттѣсняет Настеньку, скрывает ее от глаз Реина и от глаз... Елены.

Та уже уловила нѣмую сцену, разсмотрѣла темную фигурку и нѣжное страдальческое личико, заглянула в прекрасные, синіе глаза и все внутри ея закричало:

„Смотри, смотри... запомни... это она..."

Но никто тут в блестящей толпѣ не видѣл и не замѣтил нѣмой сцены...

Настенька машинально двигалась все дальше и дальше к выходу.

На паперти ее сейчас же увидѣл Карп и они, не перемолвившись ни словом, сѣли на извозчика.

Молча они доѣхали домой.

Острая боль в душѣ Настеньки смѣнилась тупою... Ей казалось, что она видит дурной сон, что свинцовая тяжесть кошмара давит ее, но в то же время ей казалось, что она должна проснуться, и тогда сразу ей станет легко и весело, как прежде, у мамы, в большом домѣ, в родной Москвѣ, гдѣ высятся золотые куполы и кресты.

Когда она подъѣхала к дому, подымалась по лѣстницѣ, входила в переднюю и комнаты, ей казалось все новым, чужим, словно она никогда здѣсь не была...

Машинально сбросила она пальто и шапочку, забралась на отоманку в кабинетѣ Реина и забилась, как дикій звѣрек, поджимая ноги и обхватывая их руками.

Карп в изумленіи поглядывал на барышню. Думал — плакать будет, жаловаться, заболѣет, а она смирнехонько сидит, только ни слова не проронит, и лицо другое какое-то стало, словно не ея, чужое...

— Не прикажете ли чего, барышня? — робко спросил он, наконец.

Она подняла на него свои глаза, голубые, словно забыл в них Господь кусочек Своего неба, — так испуганно-удивленно.

Будто пробудил он ее и сразу не знает, что ему отвѣтить.

— Что, Карпушка?

— Не надо ли чего, говорю, барышня?

— Нѣт, Карпушка, ступай, оставь меня одну.

Денщик понурил голову и вышел. Настенька снова забилась в уголок оттоманки, прижимая руками колѣни к тупо нывшей груди и стараясь разобраться в хаосѣ дум, чувств и мук.

. . . .

Послѣ вѣнца роскошная квартира новоиспеченных молодых наполнилась гостями.

Эта квартира была буквально засыпана цвѣтами,

заздравное шампанское лилось рѣкой, дессерт поражал обиліем и разнообразіем, гремѣла музыка и блистали тысячи огней.

Но в скором времени гости, подвыпившіе и закусившіе, стали понемногу разъѣзжаться, и видно было, что молодые скоро останутся одни.

Оба они выглядѣли какими-то странными, разсѣянными, не такими, как всегда.

Елена нервно и оживленно хохотала, часто отвѣчая невпопад, Рейн искал уединенія и старался разобраться в хаосѣ своих мыслай.

Он разсѣянно блуждал по анфиладѣ комнат, как-то не отдавая себѣ отчета в том, что вся эта квартира теперь его квартира.

На душѣ было тоскливо... Дѣйствительно ли Настенька была в церкви или разстроенное воображеніе нарисовало ея милый образ? Эта мысль точила мозг Александра Ивановича; он должен провѣрить ее во что бы то ни стало.

К нему поминутно подходили уходящіе гости, прощаясь с ним и прямо осыпая разными благопожеланіями.

Но все это душило, давило его: ему хотѣлось, чтобы эта толпа разсѣялась; ему хотѣлось остаться с глазу на глаз с Еленой, лицом к лицу с своим будущим.

Эжени, шмыгая по комнатѣ, наблюдала за своими господами и, наконец, розыскав барона фон-Шмель, издали указала ему на Реина.

— Поглядите, господин барон, неудовольствія и невзгоды начинаются для полковника, едва только он шагнул в этот дом, как в свой. То ли будет еще, господин барон?!

Барон фон-Шмель смѣялся и повторял, как восковая кукла:

— То-ли будешь еще, то-ли будешь еще?!

Наконец уѣхал послѣдній гость и Елена стремительно, с кокетливой улыбкой, подошла к своему одинокому и задумчиво стоявшему мужу.

— Подемте, Александр, я покажу вам ваш ка-

бинет. Думаю, что вы будете очарованы, я сама убирала его и сдѣлала что-то волшебное.

Он вѣжливо предложил ей руку.

— Пойдемте, Елена...

Ему нужно было говорить с ней наединѣ немедленно, а гдѣ — не все ли равно?

Она что-то такое говорила, нервно смѣясь и наклоняла душистую темную голову к его плечу. Но он не слышал ея слов; он шел так поспѣшно, что она едва поспѣвала за ним.

Наконец, они остановились у дверей кабинета и Елена их распахнула.

Путь им преграждал кусок тяжелаго шелка. Елена приподняла этот кусок и они очутились в большой палаткѣ из тяжелой шелковой матеріи, в персидском вкусѣ.

Дѣйствительно, это было что-то волшебное. Смѣсь ярких, восточных цвѣтов восхищала глаза, повсюду разливалися роскошь и нѣга.

Нога безшумно скользила по мягким коврам, тахты расположились во всю длину стѣн палатки, а электрическій свѣт нѣжно разливался из фантастических ламп. Однѣ из них изображали прекрасных гурій, другія—пасти звѣрей, третьи возвышались в видѣ длинных фантастических цвѣтов.

— Это кабинет для отдыха, для „фарніенте", — сказала Елена, внимательно слѣдя за впечатлѣніем, произведенным кабинетом-палаткой на ея мужа...

XL.

Послѣ брака.

Только на одно мгновеніе сѣрые, холодные глаза Реина загорѣлись восхищеніем и потом погасли, а уста промолвили сухо с ледяной вѣжливостью.

— Присядьте, Елена, я должен сказать вам нѣсколько слов. Я обѣщал. На всякую другую, любящую жену они произвели-бы тяжелое впечатлѣніе, но вам, я думаю, будет все равно.

Елена поблѣднѣла и с вопросом в глазах, молча, опустилась на роскошную новенькую тахту.

Реин оглянулся вокруг, отыскал глазами на нѣкотором разстояніи от Елены маленькій пуфик и присѣл на него.

— Я не скрывал от вас, Елена, что наша свадьба была выгодная сдѣлка, как для вас, так и для меня. Вы хотѣли знать, связан-ли я с какой-нибудь женщиной? Сначала я думал не посвящать вас в свою интимую жизнь, но вы сумѣли вырвать у меня обѣщаніе. Да, Елена, сердце мое не свободно, и о близости между нами не может быть и рѣчи. Пустой обряд связал меня с вами, но духовно я связан с другой.

Как острыя, безпощадныя иглы вонзались его слова в сердце Елены, но она сумѣла возвратить себѣ свою желѣзную силу воли и громкій, наглый хохот ея раздался в отвѣт вмѣстѣ с развязной фразой.

— Вѣроятно, какая-нибудь женщина, — бросила Елена своему мужу, — завладѣла вашим сердцем и чает подобраться к моему карману?

Глубокое презрѣніе отразилось в чертах Реина, но голос продолжал звучать так ровно, так спокойно.

— Если хотите разговаривать со мной, не прикасайтесь грязными руками к тому, что мнѣ дорого. Та, о которой я говорю, молодая дѣвушка, чистая и святая, она мнѣ одному отдала и довѣрили всю свою жизнь.

Елена снова громко засмѣялась.

— Ах, не разсказывайте мнѣ сказки. Какая чистая святая дѣвушка вступит в такую связь, да еще пошлет своего любовника жениться на богатой, ради выгодной сдѣлки?

Реин поник головой.

— Да, она не послала-бы, она даже не знает еще, и сейчас я должен оставить вас, Елена, должен спѣшить к ней покаяться на колѣнях, вымолить прощеніе. И вы не осуждайте меня, отнеситесь ко мнѣ, как добрый друг; я сумѣю вас отблагодарить. Я

сумѣю поднять вас на такую высоту, о которой вы мечтаете, я сумѣю сдѣлать вашу жизнь вѣчным праздником, я окружу ваше имя опьяняющим благородным успѣхом.

Она не смѣялась больше. Она встала и трепетными неровными шагами безшумно скользила по коврам, сжимая свои руки, стараясь овладѣть собой.

Реин тоже встал и направился к дверям.

— Так оцѣните и взвѣсьте все, что я сказал вам, Елена. А сейчас, простите меня, я должен уйти.

— Но что скажет прислуга? — еле слышно возразила она.

— Повѣрьте, я сумѣю вас оградить от ея сужденій, — твердо отвѣтил он, и, наклонив голову в знак прощанья, снова направился к выходу.

Елена смотрѣла на него расширенными, растерянными глазами. Он уже взялся за тяжелый шелк и приподнял разрѣзанный край палатки, отдѣлявшей его от двери.

— Александр! — каким-то странным, сдавленным голосом вырвалось из груди Елены.

Он остановился изумленный, не выпуская из рук края палатки.

— Чѣм могу служить? — уже с нѣкоторой досадой бросил Реин.

Елена нѣсколько овладѣла собой.

— Александр, еще одно слово, еще одно возраженіе.

— Я вас слушаю, Елена. Только поторопитесь, — предупреждаю, у меня мало свободнаго времени.

Послѣдній раз глаза Елены блеснули вызывающим наглым огнем.

— А развѣ забыли вы, Александр, что я уже ваша жена и уже ношу ваше имя? Вы забыли это?

— Я никогда ничего не забываю, Елена.

— Так вы, вѣроятно, забыли тогда, что я еще очень молодая и красивая женщина, что мое сердце так-же как и ваше, может жаждать любви? Что, если вы считаете нашу свадьбу сдѣлкой, дающей вам

полную свободу, развѣ я не могу потребовать того-же? Что раз вы так смѣло завели себѣ любовницу, будучи моим мужем, развѣ я не могу себѣ завести любовника, нося ваше имя.

Реин тихо засмѣялся, не выпуская из рук края палатки.

— Так вот что вас волнует, о чем вы безпокоитесь, а я так сразу и не догадался. Ну, так вот, что я вам скажу, и не забывайте никогда моего отвѣта.

Смѣх его затих, улыбка погасла, лицо стало серьезным и даже нахмурилось слегка.

— Любить — я никогда вам не помѣшаю, Елена, но наружную честь моего имени, для свѣта, вы должны свято охранять. Вы слишком богаты, чтобы не умѣть устроиться и комфортабельно, и незамѣтно. Совѣтую вам только никогда не впутывать ваших повѣренных, словом лиц, которыя вас знают. Ваш поклонник всѣ такія хлопоты может взять на себя. В нашей сдѣлкѣ мы подѣлили одинакого мое имя и ваше состояніе, и оба должны пещись одинаково, как о том, так и о другом. Поэтому, я никогда вам не позволю тратить на ваши любовныя фантазіи такія крупныя суммы, которыя могли-бы пошатнуть ваше состояніе. Положим, вы настолько богаты, что половина ваших доходов, которыми вы будете распоряжаться сами, будет вам больше, чѣм достаточно...

Он оборвал на мгновенье свою рѣчь и прибавил твердо, в заключеніе, тоном своим как-бы предупреждая, чтобы сегодня больше возраженій не было.

— Я все сказал, Елена, не пробуйте со мной бороться... У меня твердый, опытный, закалившійся мужской ум и желѣзная сила воли... Я не побоюсь бороться даже со своей собственной женой и всегда сумѣю из змѣйки сдѣлать колечко для своего мизинца. Мое почтеніе, Елена!.

Дверь открылась и закрылась, а тяжелый шелковый край палатки слегка зашуршал, словно прошептал что-то, и склонился к ковру, заслоняя дверь.

Елена рванулась вперед.

— Александр! — чуть слышно вырвалось из сдавленнаго горла.

Но он, конечно, не услышал этого догонявшаго его шопота, а то, может, он вздрогнул-бы, остановился и прислушался к нему. Может быть, этот шопот сорвал-бы завѣсу непониманія с его глаз, открыл-бы ему тайну Елены.

Елена снова безсильно опустилась на тахту и обвела глазами кабинет-палатку, который устраивала с такой любовью и стараніем.

— К чему и для кого?

Роскошь, ея сказочная роскошь, все с тою же силой царила вокруг нея, вся она горѣла, осыпанная брилліантами, в своем бѣлом вѣнчальном нарядѣ, но никогда еще, нѣт, никогда, такое острое мучительное чувство не впивалось в ея сердце и не томило ея грудь.

— Что с нею?

Как растоптана, смята ея гордость, с каким презрѣніем ее оттолкнули, отказались от нея, предпочли другую!

Другая! Елена живо вспомнила нѣмую сцену в церкви. Пред нею воскресла тонкая фигурка в темном, нѣжное смертельно блѣдное личико, и голубые испуганные глаза, заглянувшіе в глубину ея темных очей и с трепетом закрывшіеся.

Как сразу почувствовало сердце, как угадала она соперницу.

Долго просидѣла так Елена; наконец условленным звонком призвала Эжени.

Камеристка появилась как-то слишком быстро, будто ждала, что ее призовут.

Она тихим кошачьим движеніем приподняла край палатки и одним взглядом проэкзаменовала лицо своей госпожи и всю комнату.

Эжени тотчас-же опустила свои глаза, потому, что они смѣялись торжеством.

Елена схватила ее за руку и просто бросила на пуф.

— Не стойте передо мной с таким лицом Эжени... Сядьте, сядьте и не шевелитесь.

И вдруг с больным стоном остановилась перед Эжени, яростно разрывая тонкое бѣлое кружево.

— Это чудовищно, это ужасно! Эжени, моя гордость страдает, я не могу! О, Эжени, Эжени... я должна отомстить! Я должна его смять, уничтожить, бросить к своим ногам!

Она с силой схватила камеристку за плечи и повторяла, словно в безуміи.

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

— Что разсердило так мадам? Я никогда не видѣла ее в таком гнѣвѣ... — осторожно спросила Эжени.

— Я говорю вам, что меня растоптали, меня, Елену! Мой муж пошел к своей любовницѣ и бросил это прямо мнѣ в глаза.

— Может-ли быть, мадам?

— Ах, да не болтайте глупых, ненужных слов!... Раз я говорю, значит это так. Эжени, докажите, мнѣ вашу преданность, идите, разузнайте, кто она, давно-ли он любит? Все, все разузнайте мнѣ. Нанимайте сыщиков, не жалѣйте денег. Я все готова отдать до послѣдней копѣйки, до послѣдняго бриллiанта, чтоб только узнать, узнать, узнать... Чтоб сломить их, уничтожить, развѣять, как пепель, их счастье, чтоб бросить его к моим ногам. Да не молчите, Эжени, отвѣчайте мнѣ, возражайте, старайтесь утѣшить меня!

— О, мадам, вам стоило только выразить свою волю! Вы хорошо знаете меня, мадам, я все могу, что захочу. Вы будете знать всю правду о господинѣ полковникѣ и его дамѣ и тогда мы подумаем и составим план дѣйствiя. А по моему, если разрѣшите, мадам, сказать вам правду...

Эжени засмѣялась.

— Говорите.

— Напрасно, мадам, волнуется из-за какой-то юбки. Мужчины — всегда мужчины и без этого не обойдутся. Вы молоды, красивы, а главное в ваших руках всепобѣждающая сила — золотой поток.

Глаза Эжени загорѣлись вдохновенiем.

— О, мадам, все умирает: молодость, красота, любовь, даже жизнь человѣческая, а только он, золотой поток, льется все так же бѣшено, все с той же силой к нему присоединяются все новые и новые ручейки, сила его растет, он становится грозным и могучим, он превращается в золотой поток, в котором гибнет все человѣческое, все остальное! Может быть, когда все погибнет, как в древнем писанiи, в этом новом золотом потокѣ, может быть, тогда он постепенно всосется в землю и на этой обновленной землѣ народится все новое, новые люди с высокими чувствами и добрыми сердцами, а золото потеряет свою безконечную силу. Но нас, мадам, тогда уже не будет. А пока вы — сила, потому, что в ваших руках широко льется золото. Не унывайте, мадам, не тревожьтесь. Мы будем бороться и мы должны побѣдить!

Вдохновенная рѣчь Эжени всегда, как бальзам, цѣлила душу Елены, но сегодня, увы, бальзам потерял свою силу.

— Хорошо, хорошо, — сказала Елена нервно, — пойдемте, я дам вам денег, сколько надо... и дѣйствуйте, узнавайте.

Сегодня Елена дала Эжени много денег и не высчитывала, как прежде, карандашем, сколько дать; ей было не до того.

Эжени ликовала... О, теперь всѣ убытки, которые она несет, благодаря Васенькѣ Пухову, покроются с лихвой.

XL

Куда?

Первая тяжесть свалилась с плеч Рейна, когда, послѣ откровенной бесѣды с женой, он вышел из кабинета — палатки.

Теперь ему предстояла другая бесѣда, которая еще тяжело лежала на душѣ и которая теперь казалась ему много труднѣе, потому что с Еленой он дѣйствовал как хладнокровный дѣлец, а в бесѣдѣ с

Настенькой будет обливаться кровью его любящее сердце.

Что даст ему эта бесѣда? Развѣ не поставил он на карту свое счастье?

Стремительно накинув шинель, он прошел мимо изумленнаго швейцара, подарив его таким холодным, грозным взглядом, что тот сразу дал слово молчать о странном несвоевременном уходѣ барина . . . Мѣсто теплое и не дай Боже его лишиться.

Реин сѣл на лихача и помчался.

Вѣтер налетал бѣшеными порывами, поднимая невообразимый гам и шум. Реин подъѣхал к подъѣзду своего дома.

— Барышня не выходила? — тревожно спросил он швейцара.

— Так точно, ваше высокородіе, выходила на часок... А сейчас уже давно дома.

— В котором часу выходила?

— Да так, ваше высокородіе, в десятом.

— Странно, — подумал Реин, — очень странно.

И вспомнилась ему та Настенька, что почудилась его разстроенному воображенію в церкви. Неужели?

Вот, сейчас он войдет в свою квартиру и все узнает, все объяснится сразу...

Реин позвонил дрогнувшей рукой.

Карп отворил очень скоро с таким разстроенным лицом, что, еслиб Реин взглядѣлся в это лицо, он несомнѣнно задал-бы Карпу нѣсколько тревожных вопросов.

Но Реину было не до того, он даже не взглянул в лицо своего денщика, он молча сбросил шинель на его руки и прямо прошел через кабинет в спальню.

Постель была не смята, и молодой дѣвушки в спальнѣ не было.

Реин снова вернулся в кабинет и тут только замѣтил маленькую, согнувшуюся фигурку на оттоманкѣ.

— Настенька, — позвал он тихо.

Она медленно подняла склонившуюся на руки голову, и лицо ея сразу поразило Реина.

Оно было какое-то словно помертвѣлое, осунувшееся, словно горе одним налетом сорвало нѣжную краску с ея щек и губ, разгладило дѣтскія ямочки. Глаза казались впавшими, утомленными; но они были широко открыты, и в их хрустальной чистотѣ Александр Иванович мог, как в книгѣ, прочитать свой приговор.

— Настенька, — проговорил он еще тише.

— Что вам угодно? — спросила она.

Голос ея был чистый, свѣтлый, металлическій, но это был чужой голос, какой-то не ея, не Настенькин.

Увы, Реин не знал еще этой натуры, не понимал ея; он привык быть нѣжным властелином, он привык к ласковой, часто молчаливой покорности. Сначала он хотѣл сѣсть рядом с Настенькой на диван, заключить ее в свои объятія и, лаская, тихонько приступить к роковому сообщенію. Но в пристальном взглядѣ сегодня было что-то особенное и это что-то удержало его.

Александр Иванович почти машинально опустился в кресло, в то самое кресло, на котором сидѣла Настенька с таким благоговѣніем в первое свое посѣщеніе этой квартиры.

Она вспомнила это, и усмѣшка засвѣтилась в ея глазах. Начал обманом, продолжал обманом и кончает обманом.

— Нам предстоит сегодня тяжелое и серьезное объясненіе, Настенька, — сказал Реин и в голосѣ его и во всей этой мощной и согнувшейся фигурѣ было что то жалкое.

Настенька отвела глаза от его лица и смотрѣла в сторону.

— Нам не предстоит никакого объясненія, Александр Иванович. В этих случаях порядочныя женщины не объясняются. Я знаю все и думаю, что для вас этого достаточно. Позвольте мнѣ самой молча вас осудить; вѣдь, мое осужденіе не принесет вам ни-

какого вреда. Я тихо и незамѣтно вошла в вашу жизнь, уйду еще тише и незамѣтнѣе. Может быть, вы ждали сцен, упреков, огласки? Ах, Александр Иванович, как мало вы меня поняли, какой чужой, неразгаданной осталась для вас моя душа!.. Да что говорить об этом? — и поздно, и не нужно. Итак, не бойтесь ничего, Александр Иванович, идите теперь, сейчас, скорѣе домой. Я останусь тут до утра, а утром уйду отсюда навсегда. А то куда-же было мнѣ идти ночью? Куда?

Голос Настеньки отдавался звонко, отчетливо, но монотонно.

Мучительный вздох вырвался из груди Реина ей в отвѣт.

— Но ты можешь выслушать меня, Настенька?

— Не к чему, — покачала она головкой.

Он сразу выпрямился во весь свой рост, крупными, спѣшными шагами подошел к дверям передней, единственному выходу из квартиры, и словно загородил его своей статной фигурой.

— Дѣлай, что хочешь, Настенька, — ругай меня, презирай, убей меня, наконец, но я не сдвинусь с своего мѣста, пока ты меня не выслушаешь. Ты должна меня выслушать.

Настенька снова перевела свой взор на Александра Ивановича и что-то усмѣхнулось в глубинѣ этого взора.

— Должна? А, Александр Иванович... должна... Впрочем, я не спѣшу, спѣшить надо вам, я могу вас выслушать, но только...

Брови Настеньки рѣшительно сдвинулись, усмѣшка погасла в глазах и в голосѣ послышалась непоколебимость.

— Но только, Александр Иванович, предупреждаю вас: все, что вы мнѣ скажите, будет ничѣм для меня. Я могла свято вѣрить и опираться на каждое ваше слово, пока не знала, что вы умѣете лгать. А теперь...

— Да, Настенька, ты можешь судить меня, ты

можешь разбить мою жизнь ненавистью и презрѣнiем, ты, только одна ты, потому что я люблю тебя. Но ты этого не сдѣлаешь, ты не станешь разбивать нашего счастья, того счастья, которое с таким трудом я старался создать. Не смѣйся, — да я старался создать. Правда, я женился на другой женщинѣ, но я прямо и открыто поставил ей вопрос: между нами нѣт и никогда не будет ничего общаго. Она знает, что я люблю другую, и ей до этого нѣт никакого дѣла. Наш брак простая сдѣлка. Ей нужно было положенiе и имя, мнѣ — ея богатство, чтоб окружить тебя роскошью, чтоб лелѣять тебя. Но ты, моя чистая, мой ангел, тебѣ, вѣдь, не нужно ничего. Настенька, не уходи, не оставляй меня! Я не обманул тебя, я сдержу свое слово, клянусь тебѣ, я когда-нибудь буду твоим мужем. Я просил тебѣ ждать и вѣрить; ты обѣщала; так вѣрь мнѣ, так жди: вѣдь, ты моя теперь! Настенька, безпомощная крошка, куда пойдешь ты теперь? Как будешь жить одна? Того, что было между нами, ты все равно, вѣдь, не вернешь, стать женой другого тебѣ не позволит твоя чистая совѣсть... А мы, как хорошо мы будем жить! Всѣ свободныя минутки я буду проводить с тобой... Ты видишь, даже в первую брачную ночь — я у тебя. Я окружу тебя комфортом, богатством... Я буду читать малѣйшiя твои желанiя... Наша жизнь пройдет, как сладкая минута... И наконец.. и даже скоро, может, настанет день, когда я освобожусь от золотых цѣпей и... стану твоим законным мужем перед людьми... Вѣдь, перед Богом, перед совѣстью, ты, только ты одна, моя жена... Настенька... Настенька... скажи мнѣ что нибудь в отвѣт...

Молчанiе....

Настенька долго и пристально вглядывалась в лицо Реина, словно впервые видѣла его перед собою.

— Так вот он какой?.. А!..

— Отвѣтить вам, Александр Иванович, отвѣтить?.. Ах, если б вы знали, как это трудно.. Каждым своим словом, планом, надеждой — вы разбивали

уничтожали мой идеал, который создало мое наивное дѣвичье воображеніе. Правда, любовь — святая сила, и я отдала вам всю свою жизнь, любя... Но вы мнѣ обѣщали у алтаря благословить мою любовь... Я вѣрила вам, потому что любила; если бы я не вѣрила, я бы никогда не рѣшилась.. Если-бы вы сразу заикнулись о своих планах, я бѣжала бы от вас. У нас разныя понятія, Александр Иванович. То, что вам кажется удобным, выгодным и естественным, для меня... просто гадость... Не знаю, кто из нас прав... Вы — муж другой, и для меня этого довольно; ея права — святыня для меня. На роль содержанки я неспособна... Вы ошиблись... Золота и блеска мнѣ не надо... Вы тоже ошиблись. А коснуться чужих денег, денег жены моего любовника, чтобы вы купили меня тѣми деньгами, которыми „она" купила вас!.. О, что вы... Развѣ это мыслимо было предположить, не только сдѣлать!.. Вот мой отвѣт, Александр Иванович!..

— И больше ничего?

— Да, вот еще... Лучше бы все таки было, если б вы просто, увлеклись другой и... потому... меня обманули, это было-бы легче... А то, что вы могли... Ах, это еще больнѣе, еще хуже... А теперь — уходите... Вам пора... Как рѣшились вы так оскорбить свою жену, женщину... которая...

— Договаривайте.

— Вас купила.

— Я ухожу, Настенька, — сказал он глухо.

— Да, уходите, — твердо отвѣтила она.

Реин нетвердой рукой открыл дверь и вышел в переднюю... Настенька закрыла глаза...

Она твердо переносила свое горе, она, слабая дѣвушка; но он, крѣпкій, твердый мужчина, не выдержал и со слезами на глазах снова вернулся к ней, стал цѣловать край ея платья...

— Если вы не уйдете, то мнѣ придется волей — неволей уйти... Не лишайте же меня возможности провести эту ночь под вашим кровом, не заставляйте же меня всю ночь, как бездомную, проходить по улицам.

Реин встал...

— Ты права... До свиданья, Настенька... Я ухожу, но я буду надѣяться... Я буду жить, пока буду надѣяться. Реин ушел. Он возвратился в свой роскошный, новый дом, гдѣ было все, все, что только может пожелать самый прихотливый человѣк, только не было там одного счастья...

Настенька осталась одна... Она предалась своему горю... Глухія, беззвучныя рыданія потрясали ея тѣльце...

Настало утро... Надо уходить отсюда...

Но куда?..

XLII

Кошка и мышка.

Сѣрое, непригляднoе утро заглянуло в еще болѣе неприглядную квартирку Люблинскаго.

Был праздник и Нестор Александрович проводил утро дома, свободный от службы

Дѣти пищали и капризничали, Нина Петровна возилась с ними.

Люблинскій сидѣл блѣдный и нахмуренный, отдаваясь непріятным думам о своем запутанном денежном положеніи...

Через мѣсяц — срок его векселю на пять тысяч... Вчера он сдѣлал попытку переписать этот вексель еще на полгода.

Он сам ѣздил к мадам Эжени с этой просьбой, он, вѣдь, сам ея должник.

Та приняла его утонченно-любезно, но рѣшительно отказалась переписать вексель.

Нестор Алексѣевич уѣхал, а Нина принялась за свою скучную обычную работу, тяжелую, но незамѣтную.

Вскорѣ в дверь ея осторожно постучали...

Когда она открыла эту дверь, на порогѣ стояла незнакомая женщина, поблекшая брюнетка, одѣтая скромно и элегантно.

— Кого имѣю удовольствіе видѣть?
— Я пришла по дѣлу к Нестору Алексѣевичу Люблинскому.
— Его сейчас нѣт дома...
— Очень жаль. Мнѣ очень нужно...
— Не могу ли я ему передать? ...
Эжени, это была она, уже успѣла оглядѣть комнату и обитателей, а так как вполнѣ была в курсѣ жизни Люблинскаго, то сразу угадала, кто перед нею.
— Вам?.. С удовольствіем, сударыня.
— Присядьте пожалуйста...
Эжени сѣла.
— Видите ли... Господин Люблинскій мнѣ должен... пять тысяч — через мѣсяц срок.
— Знаю, но не думаю, чтобы ему удалось достать к сроку... Если бы вы подождали, он постарался бы...
Эжени, быстро ее перебила.
— О, мадам, когда я давала деньги, я не имѣла понятія о положеніи дѣл господина Люблинскаго... Но теперь... Я знаю... Ни через мѣсяц, ни через год, никогда я не получу своих денег... Это ужасно, мадам, я польстилась на проценты и теперь наказана, страшно наказана... Я бѣдная женщина, у меня старый больной муж, дочка... Деньги кровныя, тяжело заработанныя . . .
— Да, да... Это ужасно, вы правы... И так уж мы погибаем с дѣтьми, зачѣм было впутывать и губить еще вас... Трудовыя деньги, говорите вы? Это ужасно... И, может быть, послѣднія?
Эжени всхлипнула.
— Послѣднія, мадам... А это ваши дѣточки? . . . Какія прелестныя... Бѣдняжки...
Ласка, обращенная к ея дѣтям, ласка этой „бѣдной" женщины окончательно покорила Нину.
— Но подумайте, что дѣлать? Нельзя ли помочь? Не могу ли я?
Эжени тяжело вздохнула.
— Есть одно средство, только...

— Какое, говорите. Положеніе так ужасно, что, кажется, я на все соглашусь.

— На это, — не согласитесь.

— В чем дѣло?

— Нестор Алексѣевич покорил сердце одной дѣвицы, богатой купеческой дѣвицы... Если бы он женился на ней...

— Тора? женился?...— мучительным криком вырвалось у Нины.

— Видите, я права, мадам... Всѣ мы люди и жертвовать не умѣем, хотя бы даже ради своих трех прелестных невинных дѣтей.

Нина ломала руки, а Эжени подошла к дѣтям и гладила их головки, приговаривая:

— Бѣдненькія. Отрѣжьте мнѣ голову, если они не погибнут. Миленькія! Ну совсѣм ангелочки. Уж лучше не смотрѣть на них, а то...

И вдруг Нина пробудилась от оцѣпенѣнія своих дум. Глубокій вздох вырвался из ея груди.

— Послушайте. Все, что я могу, я сдѣлаю, научите меня. Вы правы, вы открыли мнѣ глаза, благодарю. Другого выхода нѣт, и мы, родители, я и Тора, должны теперь платить за свое счастье, должны забыть себя ради дѣтей.

Голос Нины обрывался, доходил до больного шопота.

— Видите, как мнѣ трудно. Но, я сумѣю, я переборю себя... Я вам обѣщаю... Я клянусь этими дѣтьми. И тогда... ваш долг.. тоже.

— О, мадам, не говорите, не говорите так... Вы благородная женщина и, повѣрьте, Нестор Алексѣевич никогда не забудет вас. Этим поступком вы себя на пьедестал поставите. На вас он всю жизнь будет молиться. А эти малютки, мадам, когда они выростут, о... Слов нѣт, мадам.

— Ну, — хорошо... Теперь ступайте. Он может вернуться каждую минуту... Я должна собраться с мыслями.. Я...

Эжени уже застегивала свое пальто.

— Да, да, мадам. — Вы не должны ему показы-

вать страданій ради дѣтей... Прощайте, мадам... Прощайте дѣточки, милыя.. Господь с вами...

Эжени до конца выдержала свою трудную роль и ушла со слезами на глазах.

XLIII

„Замолчите!..“

Нестор Алексѣевич Люблинскій прямо проѣхал к Реину.

Полковника не было дома, его приняла молодая жена и оставила его к завтраку.

— Александр скоро вернется, да и я ужасно скучаю в одиночествѣ.

Люблинскій остался, а Елена сейчас же написала записку Вѣрѣ Сопѣевой, приглашая ее немедленно к себѣ.

Молодая дѣвушка призналась ей в своей внезапно, но ярко вспыхнувшей, склонности к офицеру, и Елена поставила себѣ задачей женить парочку... Вот почему вѣчная союзница во всѣх ея затѣях, лозкая Эжени, посѣтила сегодня Нину Петровну.

Не прошло и получаса, как пріѣхала Вѣра Парфеновна... Она сразу вспыхнула, когда увидѣла Люблинскаго, хотя сердце ей подсказало, почему прилетѣла записка Елены.

— А, Вѣрочка, здравствуйте, моя душа... У меня гость... Сейчас только о вас шла бесѣда... Он сомнѣвался: помните ли вы своего спутника по зимнему саду?

Краска еще ярче залила щеки Вѣры Парфеновны... Помнит-ли она? Его? Она застѣнчиво протянула ему руку.

— Я думаю что такія бесѣды, как наши с вами „запоздалый путник“ не забываются. Вѣдь, все идет в жизни по шаблону, а всякое от него уклоненіе запечатлѣвается в самых равнодушных умах. Ей не

хотѣлось терять того тона, который завязался между ними в первую встрѣчу.

Нестор Алексѣевич казался Вѣрѣ встревоженным и блѣдным. Он отвѣтил ей вялой улыбкой, которую отразили только уста, тогда как все остальное лицо и, главное, глаза оставались печальными...

— Счастлив, Вѣра Парфеновна, что не показался вам скучным... Это все, что мог вам дать „запоздалый путник"... Он нашел свой огонек в тот вечер, и жизнь его снова потекла по грустному шаблону.

— Господа, я приглашаю вас, „по шаблону" к завтраку, гдѣ опять таки подадут вам все „по шаблону", — грубо пошутила Елена.

Завтрак прошел-бы вяло, если-бы Елена не старалась во всю, чтобы развлекать гостей, минорно настроенных.

— Просто они влюблены друг в друга, — рѣшила Елена.

Послѣ завтрака она под каким-то предлогом выскользнула из гостиной и оставила их вдвоем.

Нестор Алексѣевич, который прислушивался не идет-ли Реин, долженствующій его спасти опять на нѣсколько дней, напрягал вниманіе, чтобы понимать то, что говорила ему Вѣра.

Молодая дѣвушка рѣшила, что Люблинькій чѣм-то глубоко встревожен и, как только вошла Елена, поднялась прощаться.

— Куда вы Вѣра?

— Я никак не могу. До свиданья, Нестор Алексѣевич. Мы побесѣдуем в другой раз, когда... когда „путник" собьется немного с дороги.

— Он сбивается уже, Вѣра Парфеновна, — сказал Люблинскій, и в голосѣ его прозвучала такая боль, что дѣвушка вздрогнула.

Она совсѣм иначе поняла его.

— Может быть, я именно буду счастлива, когда он совсѣм собьется, — нѣжно улыбнулась она, заглядывая в эти печальные глаза, которые так привлекали к себѣ ея сердце.

Елена проводила ее до передней, в залѣ останавливаясь на минуту.

— Вы замѣтили, Вѣра, какой он сегодня?.. Он положительно влюблен в вас . . . Такіе люди чувствуют сильно и не умѣют скрывать своих чувств...

— Вы думаете?.. Мнѣ . . . тоже показалось, — вспыхнула и просіяла Вѣра.

— Так как, Вѣрочка, пойдете вы за него?..

— Он, вѣдь, еще не просил моей руки, — застѣнчиво наклонила она головку.

— Попросить... Я ручаюсь . . . Итак, я — ваша сваха . . . До свиданья, я завтра буду у вас . . . А вы подготовьте папеньку . . . Хорошо, Вѣра? . . .

— Да, да... не мучайте меня, Елена . . . Гостья ушла, а хозяйка вернулась в гостиную...

— Поздравляю вас с побѣдой, Нестор Алексѣевич . . .

— С какой? — машинально спросил он, отрываясь от горьких дум...

— Вѣра Сопѣева в вас влюблена! Сопѣева?.. Это пахнет милліонами, а? . .

— Мнѣ не до шуток, Елена Игнатьевна . . . Вы знаете, у меня семья, и я гибну в нищетѣ . . .

Отчаяніе придало ему смѣлость.

— Вот жду Александра и хочу просить, чтобы спас меня...

Елена презрительно повела плечами.

— Конечно, Александр не откажется вам помочь. Но надолго ли хватит этой помощи, Нестор Алексѣевич? И притом, развѣ любовница и дѣти, прижитыя от нея, составляют семью? Груз тяжелый, но избавиться от него легко: стоит только обезпечить всю эту компанію сопѣевскими деньгами.

— Замолчите! — вырвался крик из груди Люблинскаго.

Он был блѣден, казалось еще одно слово, злое холодное из этих наглых уст, и он забудет,

что он ея гость; он забудет, наконец, что она женщина.

— Вы смущены? Вы думаете, что я на вас разсердилась? О, нѣт... Если я и рѣшилась впутываться в ваши интимныя дѣла, то только потому, что вашими фразами, полными довѣрія, вы сами дали мнѣ право. Я согласна, что я ошиблась. Я виновата, что сочла вас таким, как всѣ. Но... одно ваше горячее „замолчите" открыло мнѣ истину. Да, да, я понимаю, Нестор Алексѣевич вы — рѣдкое исключеніе, для вас эта бѣдная семья — святыня...

Люблинскій недовѣрчиво смотрѣл на Елену. О, эта женщина слишком безсердечна, вряд-ли ея сочувствіе искренно.

Но Елена стояла совсѣм около него.

— Скажите мнѣ, какая сумма может вас спасти, и я поговорю с Александром сама, но не завязывайте глаз — вы стоите над пропастью. Вторично обратиться к Александру вам не позволит совѣсть, а через два-три мѣсяца вы снова будете в нищетѣ. Вѣдь у вас трое дѣтей; это тяжелая обязанность.

Елена протянула ему руку, заглядывая смѣющимися глазами в его печальные глаза.

Люблинскій встал, пожимая протянутую руку.

— Благодарю вас, Елена Игнатьевна... — беззвучно проговорил он и медленными колеблющимися шагами покинул богатый зал.

Елена тихо засмѣялась ему вслѣд и сейчас-же позвонила.

Эжени ее ждала, она уже с полчаса как вернулась от Нины Петровны.

— Ну что? — прищуривая глаза, спросила Елена.

Эжени скромно потупилась.

— Всѣ приказанія мадам выполнены блестяще: госпожа Карина убѣдилась в необходимости женитьбы господина Люблинскаго на богатой невѣстѣ. Если он сейчас поѣхал домой, то она сама будет его уговаривать пойти на этот шаг!

Эжени скромно зомолчала.

Елена выслушала ее с злорадной улыбкой и одобрительно кивнула головой.

— Это очень хорошо, Эжени, я очень довольна вами... Ну, а?..

Улыбка сбѣжала с лица Елены; незнакомыя прежде Эжени горькія линіи легкою тѣнью легли на этом вульгарном, красивом лицѣ.

Она нервными шагами заходила по своим чудным коврам, сама того не замѣчая, ломала свои руки.

— Ну, а „то", Эжени, узнали? Узнали?

— Господин полковник, ваш супруг,—соблазнил молодую дѣвушку хорошей семьи, генеральскую дочь... Очевидно, господин полковнак любит свою возлюбленную. Связь эта сравнительно надавняя... Господин полковник обѣщал жениться, и, как видите, не сдержал своего обѣщанія. В день свадьбы какой-то негодяй увѣдомил дѣвушку об обманѣ полковника; он даже прислал ей билет в церковь, и, разумѣется, она поѣхала туда и лично убѣдилась...

Елена еще крѣпче сдавила руки своей наперсницы. От ея нервнаго смѣха даже у Эжени мороз прошел по кожѣ.

— Да, да... Она была там, я узнала ее, Эжени, узнала! Теперь я сумѣла-бы ее различить среди тысячной толпы... Дальше Эжени, дальше...

Голос наперсницы звучал уже не так увѣренно.

— Господин полковник посѣтил ее, но кажется, она рѣшительно его отвергла.

Елена снова засмѣялась.

— Отвергла, говорите вы? Отвергла? Ну, так счастлив ея Бог, Эжени...

XLIV

Жребій брошен.

Как ни был разстроен Люблинскій, когда послѣ визита у Елены Реиной вернулся к себѣ домой,—он

все таки сразу замѣтил какую-ту странную перемѣну в своей возлюбленной.

Нина Петровна отнеслась к нему как-то сдержанно, не бросилась ему, как всегда, на шею; она была блѣдна, а глаза ея казались заплаканными...

— Ну, что Тора, сдѣлал-ли ты что нибудь?..

В этом вопросѣ таилась послѣдняя искра надежды, глаза еще вспыхивали огоньками: но когда послѣдовал отвѣт, глаза потухли, а голос звучал безнадежно.

— Ничего, Нина... Может быть, Реин и даст что-нибудь, но помощь его только отсрочка, и лишь одна смерть может нас спасти окончательно...

— Нехорошія мысли приходит тебѣ в голову, Тора. Напрасно ты отчаиваешься. Выслушай меня внимательно; я должна тебѣ сказать что-то очень, очень важное.

Она словно не замѣтила его удивленнаго, недоумѣвающаго взгляда. Она усадила его в кресло, а сама сѣла на скамеечку у его ног и нѣжно прижала голову к его колѣням.

— Ты любишь меня, Тора, неправда-ли?

— Еще-бы, дорогая!

— И мы, неправда-ли, если бы дѣло касалось только нас двух, сумѣли-бы все перенести, даже умереть сумѣли-бы.

Да, Тора?

— Я не понимаю тебя, Нина.

— Ну, голубчик, ну, дорогой мой, скажи!

Да? Я прошу тебя, Тора... Да?

— Конечно, Нина!.. Да мы и так...

Она зажала ему рукой рот.

— Нѣт, нѣт. Ты молчи,—слушай. Но мы, вѣдь, не одни. Вѣдь наши дѣти—бѣдныя малютки. Вѣдь, их нельзя допустить умереть с голода? Вѣдь, нельзя?

Наша жизнь кончена, мы неудачники, но дѣти... их надо спасти. Ты можешь. Женись на той дѣвушкѣ: она богата, она...

— И ты говоришь мнѣ это, Нина? Ты?

— А... Вѣдь дѣти, Тора, наши дѣти. Ну, по-

смотри на них. Пожалѣй их. Не только наше счастье, нашу кровь мы должны им отдать. Тора, я тебя умоляю, я сама, я.. ради них.

— Но вѣдь я люблю тебя, Нина, вѣдь ты часть меня. В тебѣ я сам... Как-же?

— А я? Но это долг наш. Они выростут, поймут, оцѣнять... Тора.

Он медленно освободился из ея объятій и встал.

— Я подумаю, Нина. Может быть, найдется еще другой выход. Оставь меня теперь. Я не подготовлен к этой мысли; она мнѣ кажется невозможной, позорной. Оставь меня.

Нина покорно встала, сѣла у окна и принялась за какую-то работу.

Люблинскій надѣл фуражку и вышел из комнаты.

Долго бродил он по улицам, не замѣчая непогоды, и вернулся, когда уже стемнѣло.

Нина встрѣтила его с нѣмым вопросом в глазах.

— Я согласен, Нина. Распоряжайся мною, губи меня, ради наших дѣтей . . .

. . . .

На слѣдующій день Елена Реина посѣтила Вѣру Парфеновну.

— Ну, моя прелесть, дѣло в шляпѣ. Одѣвайтесь к лицу. Переговорила с вашим женихом: сегодня в четыре он пріѣдет с предложеніем.

Вѣра вся залилась румянцем.

— Только вот, моя дорогая, предупреждаю, человѣк он застѣнчивый, семейства — аристократическаго, разных там слов любви сразу говорить не будет. По ихнему, одно желаніе жениться — высшую любовь выражает. А потом вас испытывать станет. Так уж вы тоже любви своей во всю не показывайте.

— А папа?

— Что „папа"? С ним потом сговоримся. Партія прекрасная.

Елена так поспѣшила предупредить о предложе-

нiи Люблинскаго Вѣру, потому что Нестор Алексѣевич был у нея и заявил, что жениться готов, но проситъ де предупредить, что любви в его сердцѣ к невѣстѣ нѣт и не будет, а притворяться он не в силах, и так тяжелую, горькую и постыдную задачу берет на себя.

— Ну, а теперь я бѣгу, дорогая. До свиданья. Поздравляю заранѣе.

Вскорѣ ей доложили о прiѣздѣ Люблинскаго.

Вѣра попросила его в свой кабинет и дружески пошла ему навстрѣчу.

Бѣдняжка, как он блѣден, боится, не смѣет, невѣрен в ея отвѣтѣ . . . О, глупенькiй, вѣдь, это высшее для нея счастiе стать его женой!

У Люблинскаго тянуть бесѣду не нашлось бы сил.

— Здравствуйте, Вѣра Парфеновна... Надѣюсь, Елена Игнатьевна уже предупредила о цѣли моего визита?.. Или нѣт еще?

— Елена сейчас была у меня и . . . все сказала.

Вздох облегченiя вырвался из груди Люблинскаго.

— Ну, и хорошо . . . Значит, вы знаете уже, что я пришел просить вашей руки. Я жду отвѣта, Вѣра Парфеновна. — Согласны ли вы стать моей женой?

— Благодарю за честь, Нестор Алексѣевич . . . Лично я согласна, и надѣюсь склонить моего отца.

— Может быть, вы позволите мнѣ переговорить с вашим батюшкой?

— О, нѣт, нѣт... Я сама... Я знаю его хорошо: он человѣк стараго закала, с ним надо умѣть говорить и привыкнуть к нему надо.

— Когда-же позволите заѣхать? — тоном ледяной вѣжливости спросил жених, берясь уже за фуражку и вставая.

— Послѣзавтра, в это время... — тихо, сдержанно отвѣтила невѣста,

Люблинскій уѣхал, а Вѣра Парфеновна с каким-то неудовлетворенным чувством направилась в кабинет своего отца.

— Папочка, а я к вам с таким дѣлом, что даже удивитесь. Замуж собралась... За благословеніем и согласіем пришла...

Он вскинул на дочь свои острые проницательные глаза.

— Замуж? И впрямь удивила . . . За кого-же? Жениха гдѣ выискала, у той егозы вѣрно, вдовицы смиренной, Елены прекрасной . . . Ну, уж ничего, — вижу, что у нея... Такого, вѣрно, как и свой полковник, охотника до чужих, потом заработанных миллiончиков раскопала . . . Оно в компаніи веселѣе . . .

— Папа! — в глазах Вѣры Парфеновны даже слезы обиды блеснули. — Я к вам, папочка мой, как к родному, а вы... грѣшно вам... Моему жениху денег не надо, не такой он, высокая и свѣтлая у него душа... Я люблю его, папа; с перваго взгляда полюбила... он не такой, как всѣ, он особенный . . . Если вы ему так скажете, как мнѣ сейчас, он обидится и уйдет от меня . . . А я, папа, жить без него не могу . . .

— Да кто же этот „особенный"? Офицеришка какой-нибудь облѣзлый, шпорами звяк-звяк, руку к сердцу — „лямур, лямур" — вы и таете...

Вѣра выпрямилась.

— Да, папаша, он офицер, дворянин, аристократ. О деньгах мы, конечно, не говорили . . . Ему и мнѣ, нам обоим все равно, мы денег не ищем.

— Еще бы, курица ты моя, чего тебѣ денег искать и чего ему спрашивать? Чай, и без спросу знает, что единственное ты дитя Сопѣевское, а имя наше для бѣднаго человѣка — пахучее; деньгой пахнет бо-ольшущей... Да с...

— Папа, ради Бога, не мучайте меня! вѣдь, я серьезно с вами говорю.

— Знаю, матушка, и я серьезно . . .

— Его фамилія, папа, Люблинскій, Нестор Алексѣевич.

— Так-с. Имя дворянское. Вѣрно ты сказала. Ну, что-ж, иди, коли твоя воля, только на отца не пеняй потом, коли этот ферт обфертит нас с тобой. Ну и мы ему в руки не дадимся. Ѣшь, пей, веселись, живи во всю с нами, а уж до денежек не допустим, нѣт-с не таковскій. Денежек-то больших не дадим. Вѣра бросилась цѣловать отца.

— Добрый вы, папа, только помучить любите. Ах, папочка, и заживем мы — просто рай у нас будет.

— Дай Бог. Ну, иди, егоза, иди, не мѣшай мнѣ. Видишь, сколько счетов. Да-с заживем, заживем. Дворянка будешь у меня, листократка, офицерша. Не возгордись, смотри . . . .

. . . .

XLVI

В которой случай рождает планы.

Ротиков, как ночная тѣнь, уныло бродил по Петербургу и его окраинам.

Ротиков медленно шел, натыкаясь на кочки и рытвины, иногда ударяясь тѣлом о выступавшія то там, то сям неоконченныя постройки.

Наконец не стало и этих построек, вилась только лентой дорога, а по ея краям чернѣли глубокія канавы.

Кругом царило затишье, как перед бурей.

И вдруг эту мертвую тишину прорѣзал чей-то рѣзкій, отчаянный крик, сразу чѣм-то заглушенный.

— Ну, Митюха, — говорил чей-то сиплый голос, — дави его, дави, довольно ему каркать, воронью пугалу... Ѳедька, ты чего зѣваешь? затыкай глотку-то!..

— Рано еще, дядя Петя, пусть помучается хоро-

шенько, на том свѣтѣ веселѣе заживет,— послышался в отвѣт тонкій, полу-дѣтскій голосок.

— Ишь ты, молодой, да из ранних... Ну, пущай, будь по твоему, помучаем еще... Ты, Митюха, чего отстаешь...

— Ну, довольно тебѣ, Ѳедька, — огрызнулся бас, видишь помер, ну и оставь.

— Мнѣ мертваго еще меньше жалко, — пошутил юный негодяй.

— Довольно, довольно, пойдем! — сурово проговорил сиплый голос.

— А яво, дядя Петя, так и оставим? Позволь хоть по карманам пошарить?

— Не надо, Ѳедька... при деньгах останется, нам спокойнѣе будет, на нас подозрѣніе не лягит. Паспорт у него дворянскій, рожу я ему поскоблю и дѣло шито-крыто. Пущай себѣ сударик слѣдователь туману на всѣх напущает.

Дядя Петя еще возился у теплаго трупа и наконец рѣшительно двинулся.

— Ну, на утек!

Компанія понеслась с быстротою, которой могли-бы аплодировать наши спортсмэны.

Когда окончательно затихли их шаги, и чуткое ухо не могло уловить ни малѣйшаго шороха, Ротиков выполз из канавы, вытирая грязь, облѣпившую его руки и колѣни.

Он прислушался еще раз и наконец рѣшился зажечь спичку. Всего в двух шагах от него лежало распростертое тѣло замученнаго хулигана.

Ротиков пошарил в длинном карманѣ своего сѣраго плаща и вытащил огарок свѣчки.

На огонек спички хулиганы не вернулись и теперь он без страха зажег свѣчу и, наклонившись, поднес к убитому.

Невольный крик вырвался у Ротикова, и он отпрянул.

Свѣча выпала из рук и погасла.

Ужасная картина предстала глазам Ротикова.

Исковерканный, окровавленный труп, а вмѣсто лица сплошной кусок сырого мяса...

Но мысль, которая еще в канавѣ пришла ему в голову, точила его мозг, дала ему силы снова взглянуть на страшное зрѣлище.

Он сѣл снова на дно канавы и стал пересматривать найденныя вещи, распредѣляя их, — однѣ в правый, другія в лѣвый карман.

Тѣ, что в правый, он оставил себѣ, тѣ что в лѣвый, рѣшил выбросить, гдѣ-нибудь подальше, в другой сторонѣ.

Ему попался портсигар с иниціалами: К. и Э. полный тонких папиросок; портмонэ с тѣми же иниціалами, полное серебра, с двумя, тремя золотыми монетами, — очевидно это и была „добыча", за которую поплатился злосчастный своею жизнью.

Кромѣ этих вещей, нашлись еще бумаги, именно тѣ, которых жаждал Ротиков — паспорт несчастнаго, который гласил: дворянин, Егор Степанович Лекашев, 35 лѣт, православнаго вѣроисповѣданія, холост.

Паспорт удивительно подходил Ротикову, ибо теперь, послѣ всего пережитаго, ему никак нельзя было дать менѣе тридцати пяти лѣт.

Когда разбор совершился, причем только паспорт и деньги попали в первый карман, Ротиков достал свой собственный вид отставного подпоручика и засунул в карман убитаго, с кое-какими своими бумагами и с запиской на имя супруги своей Зинаиды Карповны Ротиковой.

Эту записку он тут-же написал карандашем на клочкѣ бумаги, помѣтив новый ея адрес.

Записка гласила:

„Милая Зина, мнѣ нужно переговорить с тобой, назначь время...

Твой муж Ротиков".

И помѣчено было число — сегодняшнее.

Затѣм Ротиков поспѣшными шагами удалился от рокового мѣста, поближе к фонтанкѣ.

Долго пришлось ему идти, и уже стало свѣтать, когда он был около одного из садков.

Затѣм Ротиков сплавил все, что было в лѣвом карманѣ и направился к Александровскому рынку.

Тут он выбрал себѣ черную теплую пару и черное пальто с капюшеном, при чем старое свое платье оставил в счет части платы...

Из Александровскаго рынка Ротиков вышел совершенно обновленный, и паспорт гласил, что он дворянин Лекашев, 35 лѣт... холостяк... Словом, — полное перерожденіе.

В сумрачном небѣ, словно с трудом, прорвались блѣдные лучи.

Они скользнули по грязному Ланскому шоссе и освѣтили путь трем крестьянам, пѣшком направлявшимся в город.

Их острое зрѣніе еще издали различило темную массу, лежавшую на краю дороги у канавы.

Когда они подошли ближе, то отпрянули с ужасом и с криками пустились бѣжать.

Окровавленный труп, весь изуродованный, с совершенно снесенным лицом, превращенным в груду сырого мяса, даже этих грубых, видавших виды людей привел в содроганіе.

Оправившись от перваго испуга, крестьяне составили общій совѣт и рѣшили немедленно донести в полицію о случившемся.

Часа через полтора уже полиція прибыла на мѣсто убійства и составлен был точный протокол.

При обыскѣ трупа, найдены были документы, которые установили личность убитаго. Это был отставной подпоручик Н скаго пѣхотнаго полка Ротиков.

В карманѣ убитаго была найдена и записка на имя супруги, с указаніем ея адреса, которая ясно показала сколь неожиданно было для несчастнаго это звѣрское отправленіе его особы на тот свѣт.

Вдова немедленно была извѣщена полиціей.

Дѣло разсматривалось довольно долго и очень тщательно слѣдователем, но, за отсутствіем обвиняемых или хотябы каких-нибудь подозрѣваемых лиц, было прекращено.

Таким образом погиб подпоручик Ротиков, а

вмѣсто него возродился из тьмы для мести Егор Лекашев.

XLVI

К добру или к худу.

Зинаида Карповна Ротикова утопала в роскоши, но скоро с нею освоилась и привыкла к ней...

Теперь даже в голову не приходило хотя-бы мимолетное воспоминаніе о прежней жизни, полной лишеній, когда будучи офицерской женой, Зиночка „Фу ты Ну-ты" всячески изворачивалась и надула „чухонца" чтобы быть хотя-бы прилично одѣтой и блеснуть перед сѣренькими знакомыми хотя-бы маленьким бриллiантиком...

Князь Любицкій-Трувор все свое свободное от полковой службы время проводил в особнякѣ на Сергіевской.

Круг знакомства госпожи „Фу ты Ну ты" расширился; вся блестящая свѣтская молодежь, весь генералитет, крупные представители министерств, даже нѣкоторые министры и „великіе міра сего" посѣщали ея дом, который вскорѣ стал славиться интересными вечерами, карточными и музыкальными, утонченными обѣдами и ужинами.

Одна была женщина во всем Петербургѣ, даже в цѣлом мірѣ, которую Зиночка ненавидѣла и которой она завидовала.

У Моторской,—такова была фамилія этой женщины,—бывали почти всѣ посѣтители салона Зиночки, но бывали там и другіе, тѣ, которые чуждались Зиночкинаго дома, люди талантливые, завоевавшіе умом и серьезными трудами громкое имя и популярность.

Когда Зиночка сидѣла в театрѣ, окруженная своими кавалерами, чувствуя себя счастливой от всеобщаго поклоненія, стоило только Моторской войти в другую ложу (она щеголяла всегда тѣм, что появлялась одна), бинокли всего театра, а также и Зиночкиных кавалеров обращались на вновь вошедшую.

И Зиночка Ротикова ненавидѣла Моторскую от всего сердца.

Моторская, сама того не зная, часто отравляла жизнь Зиночкѣ, часто становилась на ея пути.

Вот и теперь Зинаида Карповна уже цѣлых полчаса с бѣшенством тигрицы носится по своему роскошному будуару, осыпая колкими упреками маленькаго старенькаго человѣчка в скромной, но чистой черной парѣ.

— Я не Бог, Зинаида Карповна. Я сдѣлал все, что мог, но меня перебили.

— Но я, хочу, хочу... Через недѣлю мои именины князь мнѣ обѣщал; он поручил это дѣло вам, а вы как будто нарочно прозѣвали...

— Я, как всегда, старался князю угодить, Зинаида Карповна... Я не виноват, я не виноват что этот особняк уже давно нравился госпожѣ Моторской. Когда она узнала, что я веду переговоры с управляющим, она поспѣшила дать крупный задаток самому владѣльцу, задаток не шуточный, в сто тысяч рублей.

Зиночкѣ вдруг пришла в голову счастливая мысль.

— Вы можете возвратить госпожѣ Моторской двойной задаток; я слышала, она женщина умная, и не пренебрежет такими отступными, как сто тысяч рублей.

— Как хотите, Зинаида Карповна, сердитесь или нѣт, а для такого дѣла поищите другого человѣка. Десятки лѣт я служу князьям вѣрою и правдою и пусть лучше, по вашему приказанію, прогонят меня, а расточать имущество их, хотя-бы вмѣстѣ с вами, я не стану.

Зиночка поблѣднѣла сначала от такой неслыханной дерзости, а потом кровь яркой волной прилила к ея щечкам.

— Хорошо,—сказала она тихим шипящим голосом. —Можете итти... Вы правы, для такого дѣла я найду и другого человѣка. Идите же!—крикнула она, поворачивая ему спину.

Когда возвратился князь Любецкій Трувор, он

застал свою возлюбленную Зиночку в слезах, которые не замедлили перейти в жестокую истерику.

— Зиночка, дорогая, что с тобой? Выпей воды, успокойся. Я сдѣлаю все, что ты хочешь... Разскажи мнѣ, в чем дѣло...

Отрывисто, сквозь зубы заговорила Зиночка.

— Тот особняк... ты знаешь... ты обѣщал... на именины... Моторская перебила. Двойной задаток... Я хочу, хочу, хочу.

И снова приступ женской истерики.

— Ну, Зиночка, стоит-ли из-за таких пустяков волноваться? Я сам сейчас поѣду. Только успокойся, перестань...

Зиночка плакала еще громче и топала ножками.

— Нѣт, нѣт... поѣзжай сейчас... Я буду так лежать и плакать... пока, пока все не устроится. Я умру, умру... Поѣзжай скорѣе...

Князь Любецкій-Трувор поспѣшил исполнить желаніе своего кумира. Он наскоро накинул шинель и полетѣл на рысакѣ переговариваться с владѣльцем дома.

Кто-то тихо постучался в дверь, но Зиночка, занятая мыслями, не слышала.

Она вздрогнула только тогда, когда стук повторился довольно рѣшительно, и недовольным капризным тоном спросила:

— Кто там? Чего еще нужно?

— Вам пакет из полиціи, расписаться нужно вам лично, барыня.

Глазки Зиночки испуганно расширились: ей пакет из полиціи?

— Войдите.

Горничная вошла, держа в руках пакет и книжку.

Зиночка расписалась дрожащей рукой.

Горничная уже вышла, а Зиночка все еще держала пакет в руках, пристально вглядываясь в печать, словно вперед спрашивая ее испуганными глазками: „что тут написано?“.

Наконец, дрожащіе пальчики сорвали эту печать, и Зиночка прочла значительныя для нея строки.

Вот как! Что-же, к худшему это или к лучшему?

Долго так стояла в раздумьѣ Зиночка, пока, наконец, не вернулся князь.

Он вошел с веселым, радостным лицом.

— Все устроено Зиночка! Моторская приняла двойной задаток... Через недѣлю ты получишь дом на твои имянины в полную твою собственность... Да что же ты стоишь так, словно тебя уж не радует такое быстрое почти волшебное исполненіе твоего завѣтнаго желанія?

Зиночка вздрогнула всѣм тѣлом и протянула бумагу князю.

Да, теперь уже покупка дома отошла на второй план, теперь новое ворвалось в ея жизнь и сразу ея птичья головка не могла рѣшить, к худу оно или к добру.

— Я вдова теперь... Моего мужа убили сегодня ночью... Вот, прочти... — сказала Зиночка звенящим голосом...

XLVII

Роковое открытіе.

Наступил день свадьбы Нестора Алексѣевича Люблинскаго и Вѣры Парфеновны Сопѣевой.

Весь этот день Нестор Алексѣевич провел с Ниной и с дѣтьми и только за полчаса до назначеннаго для вѣнчанія времени Нина сама стала снаряжать своего дорогого для вступленія на новый жизненный путь.

Тяжелая минута прощанія прошла как-то странно, словно не успѣли высказать чего то самаго важнаго, а говорили о пустом, ненужном.

Когда Нестор Алексѣевич уѣхал, Нина сразу почувствовала ужасную пустоту и боль в душѣ.

Между тѣм, Нестор Алексѣевич, словно окутан-

ный туманом, не давая себѣ в том, что он дѣлает, спустился по лѣстницѣ и через двор вышел на улицу.

По желанію Вѣры, свадьба была назначена скромная. Нужные свидѣтели и нѣсколько старых, почтенных друзей.

Люблинскій вошел в домашнюю церковь Сопѣева. Она была ярко освѣщена и навстрѣчу ему грянул стройный артистическій хор, гордость стараго Сопѣева.

Всѣ немногочисленные приглашенные были уже в сборѣ.

Не замедлила появиться и невѣста. Она вошла под руку со своим отцом, поражая простотой своего наряда.

В противоположность Еленѣ Маслиной, которая положительно изумляла роскошью вѣнчальнаго наряда, Вѣра Парфеновна облачила свою стройную фигурку в гладкое бѣлое платье.

Пока длился обряд вѣнчанія, личико невѣсты все болѣе оживлялось, щеки розовѣли и, наконец, ярко запылали.

Жених, напротив, становился все блѣднѣе, голова его наклонилась, стан сгибался, словно душевная тяжесть с каждым словом священника становилась все непосильнѣе.

Обрядный поцѣлуй его был так легок, так мимолетен, поздравленіе он принимал разсѣянно.

Немногочисленных гостей ждал ужин „а ля фуршет“, который затянулся далеко за полночь.

Говорили шумныя рѣчи, тосты сыпались один за другим. Люблинскій слушал и отвѣчал, а сам думал: не сон-ли все это?

Наконец, когда гости разъѣхались, Парфен Власьич сказал напутственное слово молодым и проводил до дверей их половины.

Нестор Алексѣевич предложил руку женѣ и повел ее в указанныя комнаты.

Это было цѣлое уютное гнѣздышко из шести комнат.

В гостиной Нестор Алексѣевич остановился.

— Гдѣ ваша спальня, Вѣра? — спросил он таким глухим убитым голосом, что молодая женщина вздрогнула.

Тѣм не менѣе она указала на другую дверь налѣво.

— Это хорошо... Спокойной ночи.

Люблинскій склонился перед молодой женщиной с ледяной вѣжливостью, и, поникнув головой, направился к дверям своего кабинета.

Вѣра Парфеновна одно мгновеніе недоумѣвающе смотрѣла ему вслѣд, потом круто повернулась и вошла в свою спальню.

Такими же недоумѣвающими глазами обвела она эту комнату, вѣдь все здѣсь приготовлено на двоих, а теперь оказывается, что это „ея" спальня.

Напрасно горничная ждала звонка своей госпожи, чтобы помочь ей раздѣться, — Вѣра Парфеновна сама дрожащими руками сняла свой вѣнчальный наряд.

— Что же это? Что же это такое? Перед глазами так и стояла согбенная фигура Нестора Алексѣевича, его блѣдное лицо, а в ушах звучал убитый, глухой голос.

— Гдѣ ваша спальня, Вѣра? А гдѣ мой кабинет? Очень хорошо, спокойной ночи.

И больше ничего. Что же это значит? Что же это значит? Любит он ее или ненавидит? Мстит он за что нибудь? Но за что, за что?

Наконец, первые проблески разсвѣта прорвались в большія окна; шторы так и оставались неспущенными.

Вѣра Парфеновна вздрогнула, оглянулась вокруг; зубы ея стучали и она машинально накинула бѣлый пеньюар, приготовленный на креслѣ возлѣ постели.

Босыми ногами подошла она к окну, влѣзла на подоконник, распахнула форточку и положила

на ея черный блестящій краешек свою свѣтлую головку.

На улицѣ, постепенно пробуждаясь, закипѣла обычная жизнь, обычная суета.

Вдруг взор Вѣры Парфеновны замѣтил приближающійся экипаж.

Положим, их проѣзжало много, но этот остановился наискось их дома, на другой сторонѣ улицы.

В нем сидѣла женщина, просто и мрачно одѣтая во все черное.

Вѣра скользнула по ея чертам. Пожалуй когда-то онѣ были замѣчательно красивы, но теперь выглядѣли усталыми, истомленными, преждевременно отцвѣтающими.

Особенно привлекли вниманіе Вѣры двое маленьких дѣтишек, которыя сидѣли рядом с ней; бѣдняжки были плохо одѣты, худы и блѣдны, но в тонких чертах было что-то милое, симпатичное, что-то знакомое, как будто видѣла их гдѣ-то Вѣра, но гдѣ — забыла.

Женщина нѣсколько раз оглядывалась на их дом с безпокойством и вдруг ея блѣдное лицо освѣтилось счастливой улыбкой, а щеки вспыхнули румянцем.

Невольно Вѣра прослѣдила глазами за ея взглядом и вдруг задрожала вся, руками схватываясь за окно, чтобы не упасть.

По улицѣ шла знакомая ей стройная фигура офицера Нестора Алексѣевича, направляясь к заинтересовавшему Вѣру экипажу.

Блѣдная женщина протянула ему навстрѣчу, обѣ руки, и он жадно прильнул к ним безсчетными, долгими поцѣлуями.

Дѣтишки радостно потянулись ему навстрѣчу, обнимая его шею рученками, и он принял их в объятія с таким восторгом, как будто они были ему не чужія; потом он вскочил в экипаж и уѣхал вмѣстѣ с ними.

Широко открытые глаза Вѣры будто спрашивали: „Что это"? Руки ея ослабли, она покачнулась и упала навзнич.

XLVIII

Аккомпаніаторша.

Нѣкоторое время послѣ свадьбы Реин сидѣл почти все время в своих комнатах, рѣдко выѣзжал куда-нибудь и всегда не на долго.

Однажды Елена задумчиво сидѣла в своей комнатѣ, когда вбѣжала запыхавшаяся Эжени.

— Господин полковник, ваша супруга, желают говорить с вами и спрашивают — свободны ли вы?

— Ну, конечно, зовите, Эжени...

Эжени скрылась, а Елена, вся красная от волненія, подбѣжала к зеркалу, оправилась и снова заняла свое мѣсто, только в болѣе красивой позѣ, на кушеткѣ.

Реин вошел.

— Нам нужно переговорить о многом, Елена... Прежде всего, я должен сказать вам горькую для меня правду, хотя я знаю, вы будете зло торжествовать... Дѣвушка, которую я люблю, отвергла меня, разорвала совершенно наши отношенія... И я бы вас просил, Елена, больше никогда не возвращаться к этой страничкѣ моего прошлаго счастья... Я пережил уже это тяжело, но пережил и теперь пришел вам сказать, что пора начинать нашу с вами жизнь... Завтра будьте готовы; мы ѣдем с главными визитами... Вот, посмотрите, какой заманчивый список.

Он протянул ей листок бумаги и имена, которыя она прочла, дали много пищи пожиравшему ее тщеславію. О многих из них прежде она только мыслила с благоговѣніем, а теперь послѣ удачнаго замужества будет их гостьей.

— Затѣм, — продолжал Реин, — я бы хотѣл познакомиться со всѣми вашими дѣлами, доходами и прочее, так как желаю сам всѣм управлять и увѣрен, что удвою ваши доходы.

Он повернулся к Еленѣ, которая с удивленіем уронила список и глядѣла на него.

— Вы должны мнѣ дать полную довѣренность,

Елена, только таким образом мы постепенно сойдемся. Вы хотите вѣдь этого, Елена?

Молодая женщина почувствовала, как что-то наполнило ея грудь никогда неиспытанным счастьем, а рука ея бурно отвѣтила на это первое пожатіе. Слов не было, они замерли, только пышная красивая голова легким кивком выразила согласіе.

— Ну, вот и прекрасно... Так вы одѣвайтесь, Елена, и мы сейчас же поѣдем к нотаріусу.

Реин поцѣловал руку жены, встал и отправился к выходу.

Она дала ему дойти до самых дверей, потом быстро соскочила, обхватила его за шею руками и на ухо прошептала, обжигая поцѣлуем:

— Да, да, теперь вы мой главный управляющій, и я не только ваша жена, но и хозяйка.

Реин быстро обернулся и заглянул в лицо жены.

Елена словно переродилась... Все лицо ея улыбалось, а глаза прямо таки горѣли счастьем.

Теперь Александр Иванович разгадал тайну Елены: — она его любила.

Жизнь Реиных потекла шумно и весело.

Теперь Елена всецѣло отдалась одуряющему свѣтскому веселью и своей любви к полковнику.

Широкая довѣренность на всѣ ея дѣла очутилась в руках Александра Ивановича, и он широко ею пользовался.

Не прошло и мѣсяца со дня их свадьбы, как Реин был уже произведен в генералы, и Елена с улыбкой торжества читала на конвертах, ей адресованных.

„Ея превосходительству Еленѣ Игнатьевнѣ Реиной“.

А Реин? Развѣ он не чувствовал, как приближается час его свободы? Развѣ, владѣя полной довѣренностью Елены, он не переводил постепенно крупныя суммы в банк на свое имя?

. . . .

Маріинскій театр залит огнями. Большой благотворительный концерт, устраиваемый соединенными

силами нѣскольких свѣтских благотворительниц, под Высочайшим покровительством.

Реины опоздали немного и, когда Елена открыла дверь своей ложи, маленькое первое отдѣленіе было уже кончено.

Елена прошла в ложу и сѣла в одно из кресел, слѣдом за нею вошел Реин с одним из своих товарищей.

Послѣ чтенія Варламова пѣл Собинов, под аккомпанимент госпожи Черняевой.

Раздался гром апплодисментов, как только показалась бѣлокурая голова сладкогласаго пѣвца, любимца дам.

За ним скромно выступила аккомпаніаторша.

Одним своим появленіем она отвоевала солидную часть вниманія публики, а сѣдая дама, отвернувшаяся от Реина, положительно свѣсилась через перила ложи, как будто аккомпаніаторша была ей не чужая, так волновалась она. Молодая дѣвушка вошла совершенно блѣдная, но теперь румянец волненія окрасил ея щеки... На ней было блѣдно голубое, нѣжное платьице, открывавшее ея полудѣтскія, но изящныя плечики и шейку... Сапфировые глаза ея ярко блестѣли под длинными рѣсницами, брови, сжатыя упрямо — печально, придавали что то особенное ея нѣжным чертам... Свѣтлые волосы были просто распущены и одна только алая роза выглядывала из-за перламутроваго ушка.

Публика словно замерла вся: ни кашля, ни разговоров...

И в этой мертвой тишинѣ раздался чей-то дрожащій, взволнованный голос:

— Настенька!..

Елена быстро обернулась на мужа...

Весь блѣдный, он приподнялся слегка и не отрывал жадных, страстных глаз от хрупкой фигурки, от грустнаго профиля...

— Александр, перестаньте, что с вами? Вѣдь, мы в театрѣ, вѣдь, на вас всѣ смотрят...

— Вы правы,—пробормотал он,—я лучше уйду

сейчас... Будь добр, проводи мою жену послѣ концерта домой,—обратился он к товарищу и вышел из ложи...

В счастливом невѣдѣніи Настенька скромно удалилась в артистическую, сѣла в угол у маленькаго столика и так задумалась, что не слышала спѣшных шагов, сопровождаемых звоном шпор..

— Настенька!

Она вздрогнула и подняла голову...

Перед нею стоял Реин, блѣдный, взволнованный, с горящими глазами, с вздымающейся грудью.

— Ах, — слабо вырвалос у нея...

Он схватил ея руки и, молча поцѣловал эти блѣдныя, худенькія ручки.

Пока она опомнилась, пока вырвала ея руки пока овладѣла собой!

— Настенька, я не могу. Я измучился, изстрадался. Не гони меня. Пожалѣй меня, Настенька...

Горькая улыбка заиграла на ея губах.

— Опять!., Вы опять?... Вѣдь все было сказано, все кончено и возврата нѣт... Неужели вам не ясно, Александр Иванович, что возврата нѣт?

В эту минуту в „артистическую“ вошла генеральша Знамен.

Она гордо стало между Реиным и племянницей

— Оставьте мою бѣдную дѣвочку, безсовѣстный человѣк. Вы могли ее погубить, когда не было защиты. Но теперь я взяла ее под свою отвѣтственность и охрану, и раз навсегда говорю вам: оставьте ее.

Реин еще больше поблѣднѣл.

—Я вас умоляю . . . выслушайте . . . Я люблю Настеньку больше всего на свѣтѣ . . . Я понял это сразу, когда послѣ долгой разлуки, послѣ всѣх усилій забыть, увидал ее . . . Я добьюсь развода, и женюсь на ней . . . не разлучайте нас . . .

Генеральша гордо отстранила его.

— Добейтесь . . . Приходите ко мнѣ свободным, и тогда я сама буду уговаривать Настеньку, которая

слышать о вас не хочет. А до тѣх пор, я знать вас не желаю.

Генеральша прошла гордо мимо него, уводя взволнованную Настеньку за собой.

Слѣдом за ними вышел и Реин. Он направился домой.

Елена уже ждала его. Всѣ ея мечты и надежды развѣялись как дым.

Она сидѣла в его кабинетѣ и пошла ему навстрѣчу с перекосившимся лицом.

— Объясняйтесь . . . Оправдывайтесь... Лгите Вы чудесно лжете,

Реин холодно улыбнулся.

— О, вы ошиблись... Вы того не стоите, чтобы вам лгать.

— Я не стою? Так, вѣроятно, стоят мои деньги?.. Я завтра же уничтожаю довѣренность.

— Это ваше право. А мое право — требовать развода,

Что? Что?—покачнулась она.

— Я требую развода! — повысил он голос.

— Чтобы жениться на той дѣвчонкѣ?.. На бэбэ с распущенными волосами. Ха, ха, ха.

Ея громкій смѣх надрывал душу; казалось, еще минута, и он перейдет в тяжелый плач.

Но Реин оставался холоден, он только в третій раз повторил, повышая голос:

— Я требую развода!

Она сразу перестала смѣяться и подошла к нему вплотную.

— Никогда! Слышите, никогда, — проговорила она с горящими глазами.

— Я вас заставлю, — сказал он увѣренно и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

XLIX

Неожиданная развязка.

Управляющій вышел из квартиры Зиночки взволнованный, злой и оскорбленный...

— На Французскую набережную, собственный дом ея сiятельства, княгини Любецкой Трувор.

Старая княгиня вставала рано и вмѣстѣ с секретарем просматривала отчеты по своим благотворительным дѣлам.

Когда управляющiй вошел, она поклонилась ему головой и сѣсть не попросила.

И пока старик говорил она молча слушала, крѣпко сжав свои тонкiя губы.

Он ничего не скрыл от нея, и эта неприглядная правда, о которой княгиня прежде смутно слышала, предстала во всей своей наготѣ перед нею...

Вот как! . . Увлеченiе „этой женщиной" так серьезно! . . И сын ея дѣлает глупость за глупостью.

— Благодарю, Никитич, можешь идти. Я приму мѣры.

Княгиня поѣхала к влiятельному лицу, своему другу, с жалобой на куртизанку, забравшую в руки ея юнаго сына и разорявшую его своими безумными капризами.

— Каприз в шестьсот тысяч! Люблю! — воскликнуло влiятельное лицо смѣясь, но тут же обѣщало княгинѣ сдѣлать все возможное.

Результат жалобы княгини молодой князь почувствовал через нѣсколько дней.

Ему объявило прямо его начальство об опекѣ над расточаемым имуществом и о почетной ссылкѣ, в видѣ командировки на восток.

От начальства князь Любецкiй-Трувор поѣхал прямо к Зинаидѣ Карповнѣ.

Никогда еще не видала прелестная Зиночка своего юнаго, постоянно веселаго и безпечнаго поклонника с таким блѣдным взволнованным лицом, с такой рѣшимостью во взглядѣ.

— Твои враги не восторжествуют никогда, моя Зиночка... Пожалуйста, не выходи никуда из дому... Каждую минуту будь готова, я прiѣду за тобой... Сейчас я не могу остаться больше ни одной минуты, у меня никогда в жизни не было столько дѣла, как се-

годня. Объясню я тебѣ все послѣ, а сейчас до свиданья—и жди меня.

Еще нѣсколько бурных поцѣлуев и князь почти бѣгом скрылся за дверью.

Время до вечера протянулось томительно, скучно. Зиночка прилегла на диван и вздремнула.

Почти в одиннадцать часов вечера ее разбудил тревожный, нѣсколько раз повторившійся звонок.

Князь положительно влетѣл в комнату... Он сейчас же розыскал Зиночку, схватил ее на руки и принес в ея уборную...

— Ну, Зиночка, птичка моя, скорѣе, одѣвай шапочку и шубку... и ѣдем!..

— Куда?

— Потом, потом! Одѣвайся скорѣй...

Через десять минут они уже катили в каретѣ, а за ними слѣдовала другая карета, с такою же быстротою.

— Куда же?—повторила Зиночка...

Князь улыбнулся, но руки его были холодны и весь он дрожал...

— Любишь ты меня, Зиночка?..

— Очень—очень,—по дѣтски отвѣтила она.—Но куда мы ѣдем?..

Карета остановилась...

— Не ѣдем, а пріѣхали,—отвѣтил он.

Что это? Они на окраинѣ города, у какой-то церкви!..

Вторая карета тоже остановилась, и из нея вышли четыре офицера, — все товарищи князя по полку.

Таинственный полумрак встрѣтил Зиночку в церкви, кое-гдѣ перед образами мерцали свѣчи и лампадки.

Князь за руку подвел ее к аналою и сейчас же раздалось мѣрное чтеніе дьячка, чередуемое с тихим голосом священника и дребезжащим басом дьякона.

Зиночка стояла, как во снѣ, хотя теперь она уже догадалась в чем дѣло; но такую неожиданную кру-

нную улыбку судьбы сразу трудно было переварить даже ея волчьему аппетиту.

А красивый юноша-князь рядом с нею весь дрожал от волненія.

Так вот как!.. Люди пожелали вмѣшиваться в его интимную жизнь?

Его хотѣли разлучить с любимой женщиной!

Мать вздумала насиловать его волю, стала с ним бороться некрасивыми средствами.

Ну, так пусть видит она, кто побѣдил!

Через двадцать минут вѣнчаніе было закончено.

Князь Любецкій-Труворъ, приняв поздравленіе товарищей-свидѣтелей, предложил руку молодой княгинѣ.

. . . .

Как только Люблинскій показался в дверях дома, швейцар передал ему о желаніи Сопѣева видѣть его в своем кабинете немедленно.

Сопѣев сам открыл эту дверь и мрачное лицо его не предвѣщало веселаго разговора. Он плотно притворил эту дверь и даже не попросил зятя сѣсть, не протянул ему руки.

— Господин Люблинскій, объясните мнѣ ваши неблаговидные поступки... Почему вы женились на моей дочери?..

— Кажется, госпожа Маслина предупреждала вашу дочь еще перед тѣм, как я сдѣлал предложеніе.

— То есть, в чем же это?

— Я сообщил, что связан, имѣю троих дѣтей и даю свое дворянское имя купеческой дочери, чтобы спасти свою семью от голода.

— И моя дочь?

— Ваша дочь пошла на это, потому она и не жаловалась вам...

— Хорошо-с... Я сам переговорю с моей дочерью. А вам позвольте-с заявить, что мы не нуждаемся в вашем дворянском имени.

— Ваше заявленіе нѣсколько запоздало.

— Ошибаетесь, ошибаетесь, сударик. Я требую развода... Немедленно развода... Я пришлю вам моего адвоката...

Люблинскій смертельно поблѣднѣл... Страшная борьба завязалась в его душѣ.. Там Нина и дѣти погибали, разореніе было на носу, всѣ они столько мук и униженій уже перенесли, кредиторы положительно душили его.

— Я даром развода не дам.

В глазах Сопѣева ясно выразилось презрѣніе.

— Знаю, сударик, знаю. Поторгуемся и заплатим. Нос-то у тебя был вѣрный. Сопѣев вѣдь я, не кто иной. А теперь, сударик, забирай свой скарб и адье, — больше видѣть вас не желаем.

Совершенно уничтоженный, вышел Люблинскій из кабинета и направился в свою комнату.

Он скоро собрал свои немногія вещи и приказал их вынести на извозчика. Затѣм он постучался в комнату жены.

— Войдите, — разрѣшила она и при видѣ Нестора Алексѣевича отступила.

— Что вам нужно?

— Я пришел проститься.

Она поблѣднѣла и схватилась за ручку кресла.

— Вы уѣзжаете?

— Да, Вѣра Парфеновна, я принял развод, который предложил мнѣ ваш отец от вашего и своего имени. Прощайте, Вѣра Парфеновна. Не судите меня строго. Я простой, обыденный человѣк, не лучше и не хуже других. Я поступил подло, но голод моей семьи, несчастныя дѣти. Вы добры и поймете меня... Простите меня и... прощайте.

Снова холодный корректный поклон, и ушел навсегда.

L

Возмездіе не тонет.

Реин рѣзким рѣшительным движеніем распахнул дверь будуара Елены.

Она сидѣла в роскошном туалетѣ, понурив голову и как-то съежившись, но с появленіем Александра Ивановича разом выпрямилась, встала, гордо откинув голову, и мрачными потемнѣвшими глазами впилась в его взволнованное лицо.

Уже почти мѣсяц как между супругами шла глубокая, но упорная борьба. Всевозможными способами отравляли они жизнь один другому, и этот по наружности блестящій и богатый дом внутри был адом для двух его главных обитателей.

Но два борца оказались с почти равными силами и борьба их не приводила ни к каким результатам.

То ослабѣвала Елена, сожигаемая страстью, и с мучительными стонами царапала свои руки, разрывала кружева и шелк одежды. В тѣ минуты она казалась побѣжденною, но никто, кромѣ Эжени, не видѣл ея слабости. Стоило только ей заслышать шаги или голос мужа, как разом высыхали слезы, и она выпрямлялась, гордо откидывала свою голову и с темными, как ночь, от бѣшенства глазами повторяла:

— Никогда!..

Теперь Эжени была полная лафа, настал тот момент, котораго она жаждала, на котором зиждились всѣ ея разсчеты и который был угадан ею с поразительным нюхом. Зато с каждым днем увеличивались требованія Васеньки Пухова, и деньги, быстро наживаемыя, быстро таяли в ея руках.

Бывали минуты слабости и у генерала, когда послѣ долгой борьбы с Еленой, просьб, требованій, угроз, уколов, — и все это тщетно, — он оставался один. Тогда крупными шагами мѣрил он знаменитый кабинет — палатку и с рѣшительным видом останавливался перед блестѣвшим, как дорогая игрушка, миніатюрным револьвером.

В отчаяніи он брался за револьвер, и палец его уже лежал на куркѣ.

Но... жажда жизни и надежда еще не угасали вполнѣ, еще свѣтили издалека голубые, кроткіе, любимые глаза Настеньки.

Дрожащая рука возвращала на мѣсто смертную игрушку, и Реин снова шел на борьбу с Еленой, то придумывал всевозможные тончайшие уколы, то грубо ударял по самым больным чувствительным струнам сердца Елены. Вѣдь оно проснулось, заговорило. Предсказаніе Эжени исполнилось и как некстати.

Но все, что только мог придумать Реин, все разбивалось о холодное, гордое „никогда" Елены.

И вот сейчас он стремительно вошел в ея будуар... Он собрал послѣднія свои силы... Он пришел в послѣдній раз... И голос его был возбужден, лицо подергивалось, глаза вспыхивали...

— Я собрал свои вещи... Я уѣзжаю сейчас... Мы все равно не увидимся больше...

Смертельная блѣдность разлилась по лицу Елены она прислонилась к обтянутой шелком стѣнѣ будуара... Она молчала...

Реин замѣтил эту слабость, он рѣшил ею воспользоваться,

— Не губите меня и моего счастья... Разойдемся друзьями... Я сдѣлаю все, чтобы сохранить за вами уваженіе общества и знакомства, я сдѣлаю все... Я сильный, гордый человѣк, в ваших руках и прошу сожалѣнія... Отпустите меня на свободу... Я погубил дѣвушку, которую люблю, я этого не переживу.

Эти послѣднія его слова были роковой ошибкой. Елена разом оторвалась от стѣны и улыбка медузы заиграла на ея губах.

— А я никого не люблю! Слышите! Никого и никого не жалѣю... Я не дам вам свободы, так, просто из злобы, для моего удовольствія...

Глаза Реина сверкнули.

— Берегитесь... Я унизился до просьбы, но я могу стереть вас с лица земли... Берегитесь...

Она скрестила руки и молчала.

— В послѣдній раз, даете-ли вы мнѣ свободу, развод?..

— Никогда! — отвѣтила Елена.

— Будьте прокляты, — сказал он глухо.

Он вышел из комнаты, а Елена так и стояла неподвижно с улыбкой на устах.

Но вот отдаленный стук двери извѣстил ее об его уходѣ.

Она рванулась к дверям.

— Александр!

Она упала у этих дверей рыдая, ползая, разрывая волосы, царапая грудь...

Реин прямо поѣхал к генеральше Знамен и передал Настенькѣ свою карточку с припиской „Видѣть необходимо одну".

Настенька вышла в гостиную, и ее поразил странный вид Реина.

— Что с вами?

— Я пришел проститься... навсегда... Все было готово... Громадныя деньги в моих руках... Мы могли бы быть так счастливы... И вдруг „она" .. не дает развода... Я устал жить... Прощай, Настенька...

— Какія деньги в ваших руках?

— Конечно, деньги Елены...

— И вы?.. Вы подумали я... их бы приняла?

Он с отчаяніем пошел к дверям.

— Я ничего не думаю больше... Я просто устал жить.. Ты могла Настенька, но не хотѣла... Прощай...

Он уже брался за ручку двери, но она разом остановила его.

— Александр... Выслушай меня. Я вижу, что любовь ко мнѣ побѣдила все дурное в твоей душѣ... Зачѣм тебѣ гнаться за чужими деньгами? К чему эта алчность, это желаніе легкой наживы, эта жажда жить в роскоши, быть сибаритом?.. Вѣдь, это же воровство, Александр, развѣ ты этого не понимаешь? Тебѣ дали довѣренность, а ты украл цѣлыя суммы. Ты возразишь, что ты ея муж... Но, вѣдь, ты брал потихоньку от нея... А зачѣм тебѣ? Развѣ ты сам своим умом, трудом, пользой, которую принесешь своему отечеству, развѣ ты не добьешься многаго?... Ты генерал, Александр. К лицу-ли тебѣ жить на деньги украденныя?.. Да, да, украденныя у жены... Вот ты прожил всѣ эти мѣсяцы в безумной роскоши. Развѣ

ты был счастлив?.. Вѣдь жизнь твоя была адом, вѣдь ты страдал... Брось это все... верни ей всѣ ея деньги... Она не даст свободы, — не надо... Я трудом прокормлю себя... Твоего жалованья — тебѣ хватит... Мы оба будем трудиться... Я, как маленькая пчелка, внесу что-нибудь в мiр искусства, ты же положишь цѣлый камень в зданiе культуры, которое возводит наша молодая Россiя... Ты русскiй генерал, и не затемняй блеск твоего мундира... Наша любовь освящена... и если мы пойдем по правому пути, Господь будет с нами.. Не отталкивай меня, Александр...

Она протянула руку, которую он горячо прижал к губам, и в глазах его стояли слезы. Эти стальные глаза стали мягкими и нѣжными, эта эгоистическая душа растаяла перед высокой, правдивой и свѣтлой душой Настеньки,

— Ты права, — сказал он, — и твои слова будут заповѣдью всей моей жизни.

Их примиренiе совершилось — и теперь всю жизнь они пойдут рука об руку.

Князь Любецкiй Трувор уѣхал первым на новое мѣсто назначенiя, а его молодая супруга распродавала дом и всѣ свои вещи, она рѣшила все превратить в капитал и тогда уже присоединиться к своему мужу. Сдѣлавшись богатой и знатной княгиней, бывшая госпожа „Фу-ты Ну ты" стала очень разсудительной. Всѣ эти пирушки, кабаки и шальная жизнь — водоворот ей надоѣли и хотѣлось полнаго покоя теперь, когда она па вершинѣ лѣстницы жизни, на которую взбиралась, не оглядываясь, многое и многих попирая ножками.

Почти вся прислуга получила расчет, только повар, горничная и лакей оставались в особнякѣ.

Зиночка рѣшила рано лечь спать и рано отпустила прислугу.

Зиночка улыбалась, потому что всѣ ея мысли, как и вся ея жизнь, были веселенькiя, радужныя. Раз она громко разсмѣялась, когда вспомнила бѣшенство старой княгини Любецкой-Трувор, вызванное бракосочетанiем ея сына.

Старая дура!.. Вот она, Зиночка покажет, всѣм им, что такое настоящая „княгина“, всѣ они будут еще танцовать перед Зиночкой, когда ея муж получит хорошее назначеніе с помощью их блестящей протекціи; она еще будет генерал — губернаторшей или даже министершей.

А правда, как надо сказать „министершей“ или „министеркой“ или?..

На этом сомкнулись голубенькіе глазки Зиночки, и она заснула.

Ей грезилась большая, большая дорога, свѣтлая и прямая, вся усыпанная цвѣтами и золотом, а вдали, в концѣ дороги, одиноко стоял ея муж, молодой князь, и с улыбкой манил ее к себѣ. И Зиночка хотѣла идти ему навстрѣчу, но словно кто-то держал ее, не пускал, Зиночка сердилась.

— Отстаньте! — крикнула Зиночка и проснулась.

В комнатѣ царил полумрак, рождаемый слабым свѣтом ночника.

Какая-то темно сѣрая фигура стояла, наклонившись над Зиночкой, и она различила только ярко горѣвшіе глаза.

— Кто тут?—спросила она, храбрясь.

— Это я. Я пришел свести послѣдніе с тобой счеты... Надѣюсь, ты меня примешь хорошо? Я вѣдь, законный твой муж, Ротиков, и если ты вообразила себя княгиней Любецкой-Трувор, то эта одна лишь комедія, ты жила и умрешь госпожею Ротиковой, так как я надѣюсь пережить тебя...

Сначала страх пересилил все в душѣ Зиночки, она съежилась, зажмурила глаза и, казалось, ничего не слышала, ничего не понимала. Зубы не стучали, а все тѣло тряслось, как в глубокой лихорадкѣ.

Но призрак сбросил с себя сѣрый плащ и худыми, но сильными жилистыми руками поднял блѣдную „куколку“, как ребенка и положил на софу.

— Княгиня! Подумаешь! Ха, ха... Ловко я обманул тебя... А ты думала, что похоронила меня и очистила себѣ дорожку... Ха, ха...

Да, сомнѣній не было, это он ея „чухонец!.. Те-

перь Зиночка вспомнила, что найденый труп по наружности был неузнаваем. Что-же дѣлать теперь?

Зиночка боялась раскрыть глаза, боялась взглянуть на него. Однако, надо думать о себѣ, надо себя спасать. Бог знает, на что способен этот разъярившійся, опустившійся человѣк!..

Зиночка, не открывая глаз, быстро подняла свою руку и приложила ее к пуговкѣ звонка.

Чухонец замѣтил ея движеніе и сиплый, надтреснутый смѣх, в котором звучали горькія ноты потряс все его тѣло.

— Вѣрна себѣ осталась. Звонить, подумаешь!.. Только не так я глуп, я этого часа ждал, как искупленія—Я ползал в ямах, страдал, изнывал от тоски и голодал... Как Агасфер, не знал отдыха и пристанища. И ты думаешь, что этот час, мой час, я поставил бы на риск?.. Ха, ха... Ты знала меня хорошо, но ты меня переродила. Теперь я другой, другой... Я волк теперь, а ты ягненок... А прежде наоборот. Прежде ты была волком... Ха, ха... Моя бѣдная куколка.. Звонки не звонят, а прислуга не дышит.. Никто, никто не помѣшает мнѣ, не отнимет у меня мой час...

Теперь Зиночка рѣшилась взглянуть на него.

— Ах—ах... Я пропала!—вырвалось из ея груди и вдруг она вскочила, бросилась к окну, в надеждѣ разбить стекла, привлечь толпу.

Тяжелыя драпри были спущены, и Ротиков сильным движеніем снова бросил ее на кушетку.

Напрягая всѣ свои силы, весь свой голос кричала Зиночка. Но этот тонкій, рвавшійся голосок терялся и замирал в большой заставленной комнатѣ, обитой тяжелой матеріей и тяжелыми драпри.

Зиночка конвульсивно билась в руках Ротикова, а крики ея становились хриплыми, слабыми и наконец, затихла. Она устремила взор на Ротикова и чуть слышно заговорила:

— Чего ты хочешь от меня, Сергѣй?

Он тихо засмѣялся.

— Чего я хочу, Зиночка? Вот ты, мудрая житейски, завоевавшая себѣ знатность и богатство, оказы-

вается, осталась такой-же глупышкой, как и была. Ты все умѣешь исподтишка, обманом, подлостью, а лицом к лицу ты теряешься, ты нуль... Чего я хочу? Мести, Зиночка, больше ничего, только мести. Ха, ха, ха!

Противный, тихій смѣшок повторился.

— Мести . . . За поруганную любовь, за опозоренную честь, за погубленную жизнь. А как я любил тебя! Ты забыла? Ну, цѣлуй меня, цѣлуй Зиночка, обнимай крѣпче . . . еще . . . вот так . . . Ты моя куколка, ты моя любимая . . . Ты моею и умрешь, моею, Зиночка . . . Я люблю тебя, Зиночка, куколка моя."

И Ротиков губами прижался к холодным, дрожавшим губам Зиночки, так что слова замерли и только заглушенные стоны вырывались у нея.

Худыя, жилистыя, сильныя руки все тѣснѣе сплетались вокруг ея шейки, дыханіе спиралось, лицо синѣло.

„Чухонец" озвѣрѣл совсѣм. Он давил нѣжную шейку, хотя тѣло уже не бьется под его жилистыми, горячими руками.

Потом вдруг, разом опомнившись, он встает.

— Зиночка! Куколка!

Но она не шевелится. Лицо ея страшное, синее. Он распускает свѣтлые, пушистые волосы и закрывает ими это лицо с вытаращенными глазами.

Теперь жалость охватила его озвѣрѣвшую душу, он с рыданіем цѣловал холодныя маленькія ножки. Он перенес Зину в ея кровать и укрыл хорошенько с нѣжностью, как будто могли теперь согрѣть ее одѣяло, или его поцѣлуи, или эта пушистая свѣтлая волна волос.

— Прощай! — прошептал он, рыдая, и, не оглядываясь, вышел из дома.

Пусть никто не знает, что Ротиков жив, пусть похоронят ее „княгиней". Это было-бы ей так пріятно.

А он сам, рваный и холодный, пошел навстрѣчу темной ночи, темной жизни.

LI

Она — послѣдняя.

Люблинскій вернулся к Нинѣ, и она, казалось, была счастлива. Забылись дни слез, страданій, они вмѣстѣ, на всю жизнь, они обезпечены и дѣти их получают образованіе и станут „людьми".

Однажды они сидѣли вечером и мирно бесѣдовали. Дѣти спали.

Кто-то постучался в этот непривычный час.

Люблинскій отворил дверь, на порогѣ стояла блѣдная, заплаканная горничная Вѣры Парфеновны.

— Что тебѣ? — смутился Люблинскій.

— Позвольте войти. Здѣсь я не могу говорить. Люблинскій с неудовольствіем впустил горничную и притворил за нею дверь. Нина слѣдила, насторожившись. Почему-то сердце ея учащенно билось.

— Вѣра Парфеновна умерла сегодня, — сквозь слезы проговорила добрая дѣвушка.

И Нина, и Люблинскій задрожали и поблѣднѣли...

— Онѣ давно уже, с недѣлю, дали мнѣ письмо для вас, Нестор Алексѣевич и велѣли спрятать. — „Если я умру, передай это мужу и пусть он только один прочтет, это все, что я прошу у него..." Так сказали онѣ мнѣ. Я хранила письмо, и вот их нѣт, и я... я...

Дѣвушка заплакала...

Люблинскій принял письмо, и, пошарив в карманах, протянул дѣвушкѣ золотой.

Она быстро встала и отстранила его руку...

— Не надо с. Прощайте... Храните письмо. Вѣра Парфеновна умерла, что святая... Ах, Нестор Алексѣевич, грѣх вам, сгубили невинную душу...

Она ушла, и Люблинскій медленно разорвал конверт.

Нина подошла к окну и глядѣла в темный двор, разсматривала кусочек мрачнаго неба, словно видѣла все это впервые, а тоска щемила ея сердце...

Умерла!..

Она обернулась на Люблинскаго, он читал прощальныя строки и слезы дрожали в его глазах.

„Забудь все, все, что было... И твой обман, и мою смерть, и нашу пошлую свадьбу, и наш разрыв. Не забывай только первой встрѣчи... Она была так хороша, так упоительна... Я все, таки жила!. Не забывай волшебнаго сада, тихой музыки, журчанія фонтанов.. Не забывай нашего спора, горячих искренних слов. Ты обѣщал мнѣ это, помнишь? Пусть никогда не спадет очарованіе этих мгновеній, в них много было поэзіи.. Только ты ошибся... я не хочу, чтобы они были блуждающим огнем, нѣт, пусть будут они путеводной звѣздой ко всему лучшему для тебя... я чувствую, что умираю... я знаю, что мы не простимся с тобою, не увидимся никогда... С тобою простятся, вмѣсто меня, эти листки, когда, холодная, я буду не страшна твоему счастью... я вѣрю, что моя душа будет тогда с тобою и схватит с блаженством каждую тобою пролитую слезу... как я люблю тебя... как больно мнѣ было, когда ты грубо вырвал мое сердце и растоптал... Оно не может больше жить, растоптанное, оно бьется так слабо, порою не бьется совсѣм. Прощай мой милый... Вѣра“.

Люблинскій перечитывал письмо и забылся... Она права.. Тѣ минуты были полны поэзіи, проза жизни развѣяла чудный сон; но теперь ея смерть все воскресила, сдѣлала святым дорогим...

И будто вокруг него теперь снова зимній сад, рай Магомета... Блѣдно-розовый свѣт волнует душу... Блестят зеленые свѣтлячки... Фонтаны сыплют сверкающія брызги на розовыя тѣла нимф... Музыка тихая и нѣжная... Он сидит на скамьѣ рядом с прекрасной, чистой дѣвушкой, машинально слѣдя глазами за причудливыми тѣнями растеній и цвѣтов.. Сладкій аромат туманит голову... Он горячится и говорит от глубины сердца... В отвѣт ему звенит молодой, горячій голос... И вдруг он обрывается... Словно предчувствует дѣвичья душа тот момент, когда задохнется среди своего золота от нравственных мук!

— Тора!

— Нина медленно подошла и положила руку на его плечо.

— Знаешь, Тора... Мы подло поступили с этой дѣвушкой... Мы ея убійцы и никогда не будем счастливы. Ея тѣнь всегда будет между нами.

Он ничего ей не отвѣтил.

. . . .

Эжени узнала о поступкѣ барона фон-Шмель с ея дочерью и сейчас же предъявила всѣ векселя... Она уж сумѣла ему отомстить. Со службы выгнали, послѣднюю мебель продали с аукціона за безцѣнок...

Теперь иногда в вашей квартирѣ раздается смѣлый звонок... Вы отворите и увидите отрепаннаго господина, он передаст вам бумагу...

„Милостивый благодѣтель, — прочтете вы, — помогите бѣдному аристократу барону фон-Шмель (паспорт прилагается). Нужда меня заставила ходить с протянутой рукой“ и т. д.

Вы, краснѣя за него, протянете ему рубль, полтинник или 20 копеек. Тогда вы можете видѣть господина барона в дешевеньком кабачкѣ за бутылкой пива, ораторствующим о былом своем величіи.

Лили, дочь Эжени, вы тоже можете видѣть... Иногда она в колясkѣ мчится по островам в кричащем туалетѣ.. Иногда, когда содержатель похуже, она ѣдет на извозчикѣ и жадно заглядывает в модные и ювелирные магазины...

Ваську Пухова вы тоже можете увидѣть в одном из садов, он служит в опереткѣ и усладит вас своим бархатным голосом.

Андрей Ланской удачно женился, сбросил свой блестящій мундир. Семья у него большая, куча дѣтей, и он серьезно занялся „сельским хозяйством“, так как за женой взял имѣнія.

Он забыл об Еленѣ и только иногда радуется, что на ней не женился или сокрушается о ранней смерти Маслина, в которой сыграл косвенную, но не одну из главных, роль.

. . . .

Убійство молодой княгини Любецкой-Трувор и трех ея прислуг было обнаружено, но слѣдствіе прекращено, за отсутствіем обвиняемаго или даже подозрѣнія на кого нибудь.

Ее нашли задушенную в постели.

Молодой муж чуть с ума не сошел с горя, вернулся тотчас с командировки и подал в отставку.

Теперь он утѣшился и, кажется, послушно женится на невѣстѣ, предложенной ему матерью. Вряд ли это будет счастливый брак: — сердце его отдало все, что могло, и теперь оно пусто и холодно.

Ротиков блуждает, как мрачная тѣнь, по самым низким притонам...

Он жив еще...

Гланскій пишет какое то сочиненіе, очень занят, но порою у камина, в своей меленькой квартиркѣ, вспоминает былое, послѣдній приход Ротикова, и горько ему становится за друга... Один он только, может быть, догадывается, кто причиной смерти госпожи „Фу-ты-Ну ты“, но он молчит...

. . . .

Настенька теперь извѣстная акомпаніаторша и зарабатывает хорошо...

Под благородным вліяніем ея умной головки, Реин трудится для молодой Россіи и карьера его сама идет вперед... Теперь он занимает высокій пост.

Но Елена? Она не дает им развода... Нервы ея окончательно расшалились и она измучила Эжени...

Призрак мужа ей видится часто, план мести роится в воспаленном мозгу...

Роскошь вокруг нея, эта роскошь, которой она добивалась, ради которой ничего не щадила... И что же? „Золотой поток“, вѣдь, у ея ног попрежнему, что же не приносит он ей счастья?.. Или, может быть, он превратился в „золотой потоп“ и в нем погибло все: ея здоровье, красота, счастье, молодость и даже жажда жизни?..

КОНЕЦ.

Издательство „АКАДЕМІЯ“

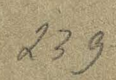
Рига Бульвар Аспазіи 4.

На складѣ имѣются:

Ромэн Роллан. Мать и сын. Роман. ч. ч. I и II. 2.—
Маргерит, В. Тѣло твое принадлежит тебѣ. Ром. 1.—
Уэльс. Сон. Роман. . . . . 1.—
Доминик. Лучи смерти. Роман. . . . . . . 1.—
Толстой, А. Хожденіе по мукам. Роман. . 1.—
Питигрилли. Кокаин. Роман. . . . . 1.—
Галич. Легкая кавалерія. Разсказы. . . . 1.—
Сейфулина. Перегной. Повѣсть. . . . . . 1.—
Декобра. Гондола Химер. Роман. . . . . . 1.—
Амфитеатров. Марья Лусьева. Роман ч. I и II. 2—
Краснов. За чертополохом. ч. I и II , . . 2—
Лоуренс. Сыновья и любовники. Роман. . 1.—
„ Флейта Аарона. . . . . 1.—
Огнев. Костя Рябцев в Вузѣ. Роман . . 1.—
Да Верона. Ад живых людей. Роман . . . 1.—
Зощенко. Дни нашей жизни . . . . 1.—
Цвейг, С. Незримая коллекція. Новеллы . . 1.—
Ундсет. Обездоленные. Разсказы . . . . 1.—
Орчи. Глаза голубые и сѣрые. Роман . . . 1.—
Уоллес. Тайна желтых нарциссов. Роман . . 1.—
„ Семь замков усыпальницы. Роман . 1.—
„ Зловѣщій человѣк. Роман . . . . 1.—
„ Фальшивомонетчик. Роман . . . . 1.—
„ Красный круг. Роман . . . . . . 1.—
„ Милліонная исторія. Роман . . . 1.—
Бридж. Изабелла и Молли. Роман . . . . 1.—

Ирецкій. Наслѣдники. Роман . . . . . . 1.—
Бройдэ. В совѣтском судѣ . . . . 1.—
Вассерман. Дѣло Маурицiуса. Роман ч. I, II и III 3.—
Линдсн. Революцiя современнаго юношества 2.—
„ Свободный брак . . . . 1.—
Уэсли. Честная игра. Роман . . . . . . 1.—
Ремарк. На западном фронтѣ без перемѣн. Ром. 1.—
Шумаков. Дом радости. Роман . . . . . 1.—
Уолесс. Тайна булавки. Роман . . . . . . 1.—
„ Власть 4-х „ . . . . . . 1.—
„ Король бонгинды „ . . . . . . 1.—
„ Синяя рука „ . . . . . . 1.—
„ Неуловимый „ . . . . . . 1.—
Зеленый стрѣлок „ . . . . . . 1.—
Уэсли. Похищенные часы счастья. Роман . 1.—
Галич. Волчій смѣх . . . . 1.—
Ундсет. Гимнаценія. Роман. . . . . . . 1.—

239

2015189696

14

